

Государственное бюджетное учреждение культуры
Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник
«Дивногорье»

А. З. Винников

ХАЗАРСКАЯ КРЕПОСТЬ НА ТИХОЙ СОСНЕ (научно-популярные очерки)

2-е издание, переработанное и дополненное

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2017

УДК 903.43(470.324)«653»
ББК 63.444(235)-421.1
В48

Над изданием работали:
С. К. Кондратьева (отв. редактор),
Ю. И. Гаврилова, С. И. Владимиров, Н. Н. Абрамова

На обложке:
Дизайн-макет обложки Наталии Абрамовой. На лицевой стороне фото фрагмента
стены Маяцкой крепости Г. Е. Афанасьева, на тыльной стороне фото с видом
на Маяцкий мыс и пойму рек Тихая Сосна и Дон С. Л. Соболева

В книге использованы фотографии
Н. Кураленко, О. Полухиной, С. Соболева, В. Флерова,
реконструкции А. Кириллова, В. Ковалевского, Г. Лебединской,
А. Москаленко, С. Плетневой, А. Синюка, О. Федорова, В. Флёрова
прорисовка карты М. Чекодановой

Винников, А. З.

В48 Хазарская крепость на Тихой Сосне (научно-популярные очерки)
[Текст] / А. З. Винников ; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». — 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2017. — 160 с. : ил.
ISBN 978-5-4446-0783-1

Научно-популярные очерки доктора исторических наук, профессора Анатолия Захаровича Винникова посвящены одному из интереснейших археологических памятников Воронежской области — Маяцкому археологическому комплексу IX—X вв. А. З. Винников в 1975, 1977—1982 гг. в составе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции руководил раскопками Маяцкого селища. В книге в доступной форме представлены не только традиции народов, проживавших на территории Дивногорья в эпоху средневековья, но и дан краткий рассказ о науке археологии, истории Хазарского каганата и северных соседях алан и болгар — донских славянах.

УДК 903.43(470.324)«653»
ББК 63.444(235)-421.1

© Винников А. З., 2006
© Винников А. З., 2017
© Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», 2017
© Изд. оформление.
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2017

ISBN 978-5-4446-0783-1

*Памяти участников
Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*

*Светланы Александровны Плетнёвой
Владимира Кузьмича Михеева
Фираи Хабибулловны Арслановой
Тамары Сергеевны Кондукторовой
Андрея Геннадьевича Атавина
Ирины Николаевны Мартыновой
Раио Рашева
Станчо Ваклинова (Станчев)
Дафины Василевой
Яноша Матольчи
Миклоша Фреша
Ивана Дмитриевича Кушнарёва*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Введение	8
История исследования Маяцкого археологического комплекса.....	15
Краткий очерк истории Хазарского каганата	23
Маяцкая крепость (замок).....	42
Маяцкое поселение (селище).....	57
Маяцкий могильник	89
Донские славяне: на северном пограничье хазарского мира	99
Исторические судьбы аланского населения Подонья	136
С. К. Кондратьева. Послесловие	150
Список источников и литературы.....	153
Annotation	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта небольшая книжечка посвящена характеристике одного из самых интересных памятников истории и культуры на территории Воронежской области — Маяцкому городищу.

Маяцкое городище привлекает к себе внимание не только историков и археологов, профессионально занимающихся изучением истории народов, населявших берега Дона, Воронежа и их притоков в эпоху раннего средневековья (VIII—X вв. н. э.), историей восточного славянства и соседних народов, историей кочевников южнорусских степей, но и многих любителей древностей, краеведов, туристов.

Маяцкое городище — это комплекс памятников: крепость (замок), прилегающее к ней обширное поселение (селище), и могильник (древнее кладбище), оставленные населением, обитавшим на высоком мысу при впадении реки Тихой Сосны в Дон более тысячи лет назад. Эта территория в то далекое время представляла собой северо-западную окраину могущественного, занимавшего огромные пространства в Восточной Европе, Хазарского каганата.

Что это были за народы? Какова их культура? Как они жили? Какой была крепость, кем она была построена, каковы были её функции? Какими были жилища, хозяйство? Где и как хоронили люди, здесь обитавшие, своих умерших, каковы их религиозные представления? На эти и другие вопросы мы попытаемся дать ответ на страницах этой небольшой работы.

Конечно, трудно воссоздать картину абсолютно полную и достоверную на основании только археологического материала, а другого источника просто нет. Письменные свидетельства об истории Хазарского каганата, конечно, имеются, о некоторых из них мы упомянем. Однако в этих древних хрониках не описывается территория, о которой пойдет речь. Далекая окраина Хазарского каганата осталась вне поля зрения средневековых писателей, путешественников, географов.

Несколько десятков километров севернее располагались земли донских славян, культура которых была совершенно иной, во многом уступая культуре поселений Хазарского каганата. Между двумя соседствующими на-

родами установились торговые, экономические связи, в какой-то степени они обогащали друг друга. И исторические судьбы у них оказались довольно схожими. Мы попытаемся рассказать и об этом, об общих судьбах населения северо-западной окраины Хазарского мира и донских славян.

В начале XX в. известный российский археолог Н. Е. Макаренко писал: «Маяцкое городище принадлежит к тем остаткам прошлого на берегах Дона, которым суждено неоднократно служить материалом для археологических статей, заметок и рефератов» [Макаренко, 1911. С. 1].

Данная работа является подтверждением этих пророческих слов.

ВВЕДЕНИЕ

Маяцкий археологический комплекс

В 1647 г. в Строельной книге города Коротоояка при определении коротоояцким казакам земель упоминается «Маяцкое старинное городище». Причины, по которым в XVII в. городищу дали имя «Маяцкое» остаются неясными и по сей день. Никаких следов от маяка не сохранилось, а местные жители не знают (не помнят) названия мыса «Маяцкое». Как бы там ни было, но ясно, что коротоояцкие казаки в XVII в. были хорошо осведомлены о существовании остатков древней (старинной) крепости.

«От горы от Малых див вверх по реке Тихой Сосне до Маяцкого старинного городища...», — говорится в документе.

В середине XVII в. в ходе сооружения Белгородской черты возник план устройства на Маяцком городище города-крепости. Этот план по ряду причин Российскому государству осуществить не удалось [Загоровский, 1992. С. 145].

Городище расположено на высоком, около 50–60 м, достаточно крутом величественном мысу у хутора Дивногорье Лискинского района Воронежской области, при слиянии речки Тихой Сосны с Доном. Особое внимание ученых, краеведов, туристов привлекали и привлекают красивые меловые столбы на склонах мыса, получившие название «Дивы». Игнатий Смольянин, один из спутников митрополита Пимена, плывшего по Дону в 1389 году на пути в Царьград (Константинополь), писал: «Видели столпы каменные белые, дивно и красиво стоят они рядом, как маленькие стога, белы и очень светлы над рекою над Сосною» [Воронежский край..., 1976. С. 28]. И по сей день частично сохранились эти удивительные творения природы.

В середине XVII в. в меловом массиве этого и соседнего с ним мыса были выкопаны пещерные храмы и основан Дивногорский Свято-Успенский мужской монастырь, функционировавший вплоть до Октябрьской революции и воссозданный в 1997 г. При его строительстве монахи, возможно, выбирали каменные блоки из стен городища для сооруже-

ния построек. Тем же занимались и жители двух соседних сел — Дивногорья и Селявного. Несмотря на то, что «старинное городище» было в течение более двух веков хорошо известно как монахам, так и окрестным жителям, до ученых (археологов и историков) сведения о нём не доходили.

Маяцкая крепость и прилегающее к ней поселение расположены на большом и высоком треугольном мысу, северо- и юго-западные стороны которого круто обрываются в долину Тихой Сосны. Русло реки проходит всего на расстоянии 25–75 м от подошвы мыса. На этой узкой полосе ещё в конце XIX в. была проложена линия железной дороги, функционирующая поныне. Для предотвращения оползней с мыса, поверхность которого слегка понижается к северу-западу, на нём вдоль края была вырыта глубокая дренажная канава, сильно попортившая и разрушившая многие попавшие на её трассу остатки древних сооружений. С востока мыс отделен от берегового массива глубокими и длинными оврагами, однако промежуток между ними широкий, а у юго-восточного оврага склон достаточно пологий для въезда на мыс (по нему и сейчас проходит меловая дорога). Примерная площадь мыса 300 000 кв. м, т. е. около 30 га.

Вид на Большие Дивы и реку Тихую Сосну

Фактически вся площадь мыса была занята поселением и сооруженной на нём сравнительно небольшой крепостью, которая являлась его неотъемлемой частью. На пологих склонах юго-восточного оврага расположен обширный могильник. А в восточном овраге, по дну которого протекал ручеек, обнаружен гончарный район (скопление мастерских и печей).

Таким образом, памятник, хорошо известный в научной литературе под названием «Маяцкое городище», представляет собой сложный поселенческий комплекс, состоящий из собственно городища (развалин крепости), давшего имя всему комплексу, прилегающего к нему селища и сопровождающего их кладбища.

Но прежде чем перейти к характеристике результатов археологических исследований Маяцкого городища и территорий к нему прилегающих (селища — открытого поселения, могильника — где хоронили обитателей селища, а возможно и крепости), необходимо сказать несколько слов об археологии как науке, о её задачах и возможностях.

Что изучает археология?

Археология изучает историю человеческого общества в её развитии, выясняет закономерности этого развития, используя преимущественно источники, добытые из-под земли.

Археология, как и традиционная история, призвана отвечать на вопросы: где? когда? почему? Но эти вопросы обращены к тому времени, когда ещё не было письменных источников, или же они бессильны осветить интересующие нас стороны жизни древних обществ. Письменность имеет всего шеститысячелетний возраст, а история человечества — около трех миллионов лет, если не больше! И, как правило, чем дальше от наших дней стоит исторический период, тем глубже залегают под напластованиями земли его следы. Чтобы их открыть, нужны археологические раскопки. Заметим кстати, что и сами древние письменные источники в большинстве случаев добываются с помощью лопаты. Среди них папирусы Амарнского архива древнего Египта, глиняные таблички с клинописью из царской библиотеки древнеассирийской столицы Ниневии, берестяные грамоты средневекового Новгорода.

Из чего же складываются следы бесписьменной истории?

При раскопках археолог сталкивается с остатками материальной деятельности древних людей. Среди них особый интерес представляют орудия труда, предметы быта, искусства, религиозно-культурных обрядов, следы

строительной деятельности, производственные отходы, кости животных и рыб и т. д. Это и есть тот источник, который, с учётом его залегания, в совокупности с результатами его анализа, сделанного с привлечением ряда смежных и естественнонаучных дисциплин, открывает возможности для проникновения вглубь истории человечества. Большинство археологических источников одновременно являются и памятниками, поскольку в них в той или иной степени обязательно заложена память о своей эпохе. Памятником археолог называет и целый город, и глиняный сосуд, и даже отдельную монету. Но если памятник — это осязаемый объект, то в понятие археологического источника входят и проявления непредметного характера, такие, например, как ориентировка древних захоронений, способ размещения погребального инвентаря, степень встречаемости археологических материалов в определенных местах, планировка поселений, жилищ и т. д. Следовательно, понятие «источник» более ёмкое, чем «памятник». Всю же имеющуюся сумму источников, привлекаемую для решения научной проблемы, обычно называют источниковой базой.

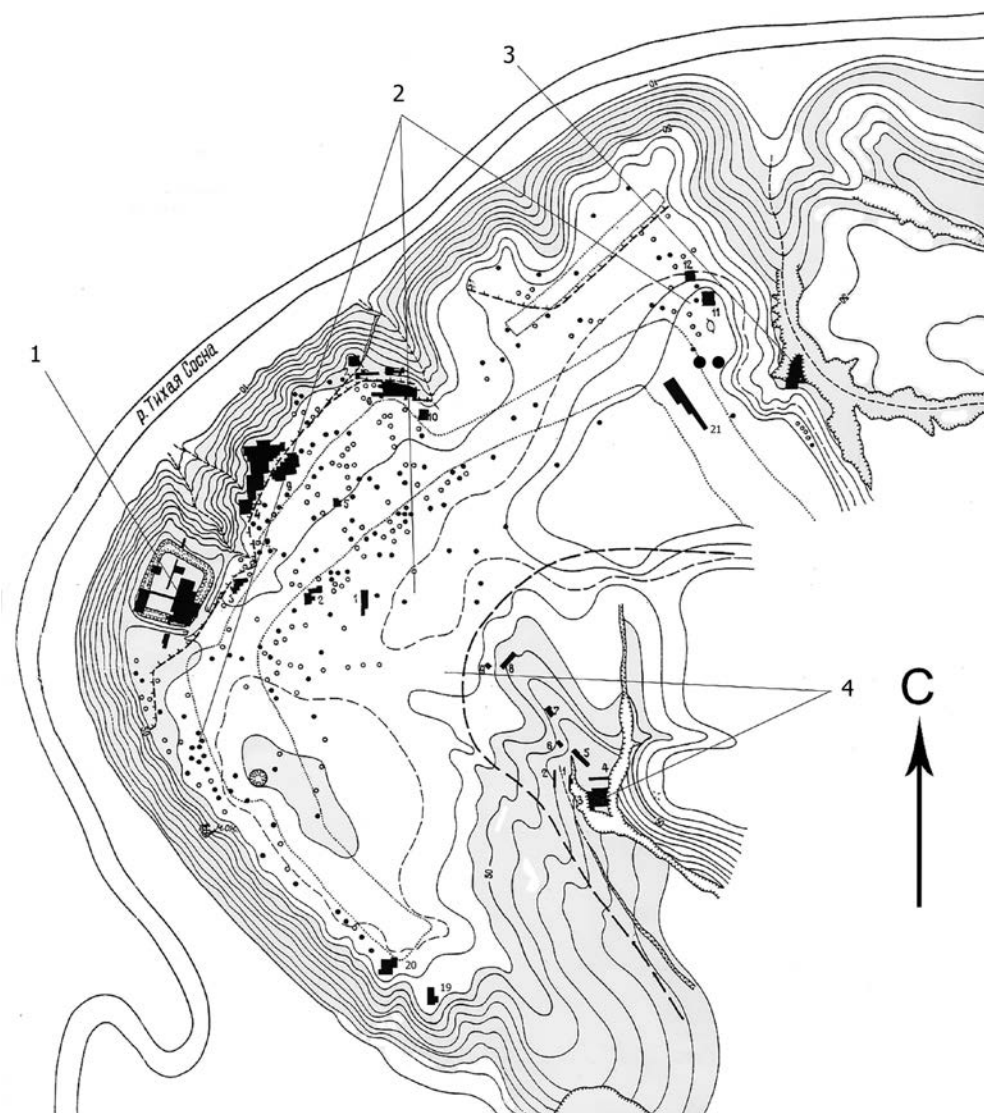
Основное количество археологических источников получают при раскопках мест поселений древних людей. Термин «поселение» — собирательный. Под ним может подразумеваться и сезонное стойбище древних охотников, рыболовов или скотоводов, и долговременный родовой посёлок, и место проживания соседской (сельской) общины. Места поселений, включая и города, — важный тип археологических памятников. Он широко представлен во всём своём многообразии в нашем крае.

Другим важным типом памятников являются места древних погребений. Известны грунтовые (без внешних признаков) коллективные могильники, курганные группы и одиночные курганы. Изредка встречаются одиночные грунтовые могилы.

Кроме того, есть памятники производственного и культового назначения. К первым относятся древние выработки сырья и производственные мастерские (вне площади поселений), остатки ирригационных систем, древние дороги и многие другие объекты; а ко вторым — святилища, пещеры с древней живописью, места с наскальными изображениями в виде петроглифов — символических рисунков и знаков и т. п.

На местах поселений откладывается культурный слой — напластования земли, содержащие археологические источники и связанные единством времени. В зависимости от продолжительности жизни на данном месте, от степени интенсивности строительной деятельности, от вида использованных материалов, а также в силу особенностей природно-географиче-

ской среды и ряда других признаков культурный слой может быть совсем тонким, всего в несколько сантиметров, или наоборот, мощностью в несколько метров.

План Маяцкого археологического комплекса: 1. Крепость; 2. Селище; 3. Гончарные мастерские; 4. Могильник; ■ раскопанные участки; • западины от построек

Поселение будет однослойным, если на нём оставлены следы непрерывного пребывания одной какой-либо группы населения. Но часто бывает, что в границах одного поселения жизнь, прерываясь по разным причинам, возобновлялась несколько раз через хронологические интервалы. Это уже многослойные поселения. Они, как правило, содержат материалы различных групп населения.

Очень важным в археологии является понятие «археологической культуры». Археологическая культура отражает следы культурно-исторического объединения древних людей (общин, племён, союза племён), занимавшего на определенном отрезке времени ту или иную территорию. Мы далеко не всегда знаем, на каком языке говорили представители выделяемых культур, как они себя называли. Поэтому названия культурам даются археологами условно: либо по месту размещения основных памятников, либо по названию ближайшего населенного пункта, где впервые найден памятник культуры, либо по яркому своеобразному признаку самой культуры. Например, в эпоху неолита на Среднем Дону выявлена группа памятников со своеобразным обликом. Они были объединены в среднедонскую неолитическую культуру. А известная абашевская культура эпохи бронзы получила своё название от села Абашево в Чувашии, где был исследован первый могильник с теми чертами, которые стали отличительными для целой культуры. У жителей степных и лесостепных пространств Восточной Европы в первой половине II тысячелетия до н. э. характерной деталью погребального обряда являлось устройство в могильных ямах подбоев — «катакомб». Отсюда и население, оставившее их, получило название племён катакомбной культуры.

Маяцкое городище стало одним из составляющих названия археологической культуры — салтово-маяцкой, объединившей родственные по основным показателям памятники. Об этом ниже будет сказано подробнее.

Археология к своим исследованиям подключает результаты целого ряда других научных дисциплин. К примеру, для установления возраста и принадлежности находок в древних слоях необходимы знания геологии, палеозоологии, палеоботаники. В определении точных дат по образцам костных, древесных и глинобитных остатков помогает физика со своими методами радиоуглеродного, магнитного анализов и т. д. Для выяснения особенностей металлических сплавов и стекла приходит на помощь химия. В особо тесных отношениях археология находится с такими науками как этнология, палеозоология, антропология. Этнология, изучающая все стороны жизни народов мира, предоставляет множество данных для срав-

нений; палеозоологи по костным остаткам определяют виды животных, степень одомашнивания, количество особей, встреченных на конкретных археологических памятниках; антропология определяет физический тип людей из древних захоронений, их расовую и половую принадлежность, возраст, систему питания, основные направления хозяйственной деятельности, болезни древних людей и многое другое.

В нашей стране всё шире начинает использоваться метод аэрофотосъемки (и даже космической съемки) той или иной местности. В 1995 г. была произведена аэрофотосъемка Маяцкой крепости и прилегающей к ней территории. Что это дает? В результате невидимые с поверхности земли признаки: углубления, различия в цвете травяного покрова преобразуются на полученных фотоснимках в цепочки курганов, в линии древних караванных дорог, в остатки укреплений вокруг посёлков, административных и культовых центров. Сегодня также существует масса геофизических методов, которые позволяют заглянуть под землю и определить общие черты слоя и объектов. Несмотря на это только методы археологии и раскопки позволяют получить объективные данные.

Часто применительно к археологии мы употребляем определения — неповторимый, хрупкий, уникальный. Эти слова используются не для красного словца. Они предельно точны. Каждый археологический памятник действительно неповторим и уникален. Он хранит в себе черты своеобразия места, времени, индивидуальных проявлений людей. Подвергаясь раскопкам, памятник одновременно открывается и уничтожается. Этот процесс необратим. Одно неверное движение лопатой, малейшее упущение — и разбивается, ускользает навсегда от нас какая-то черточка реальности прошлого времени. Именно поэтому от археолога требуется максимальная осторожность в работе, строгое следование научным методам раскопок. И, безусловно, профессиональная порядочность.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЯЦКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

История исследования памятников, входящих в Маяцкий комплекс, подробно изложена Е. Ю. Захаровой [Захарова, Кондратьева, 2011]. В данной работе остановимся лишь на основных её вехах — этапах, которые дают возможность представить степень изученности этого выдающегося во всех отношениях археологического памятника.

Впервые находки с памятника попали в руки археологов в 1890 г. Это были обнаруженные в катакомбе лощеный приземистый с высоким горлом кувшин и два серебряных перстня с камешками, которые держали по четыре выпуклые «лапки».

Они были присланы Воронежским Губернским статистическим комитетом в Императорскую археологическую комиссию, которая решила передать эти предметы на хранение в Императорский Российский исторический музей (ныне Государственный исторический музей), где они хранятся и в настоящее время.

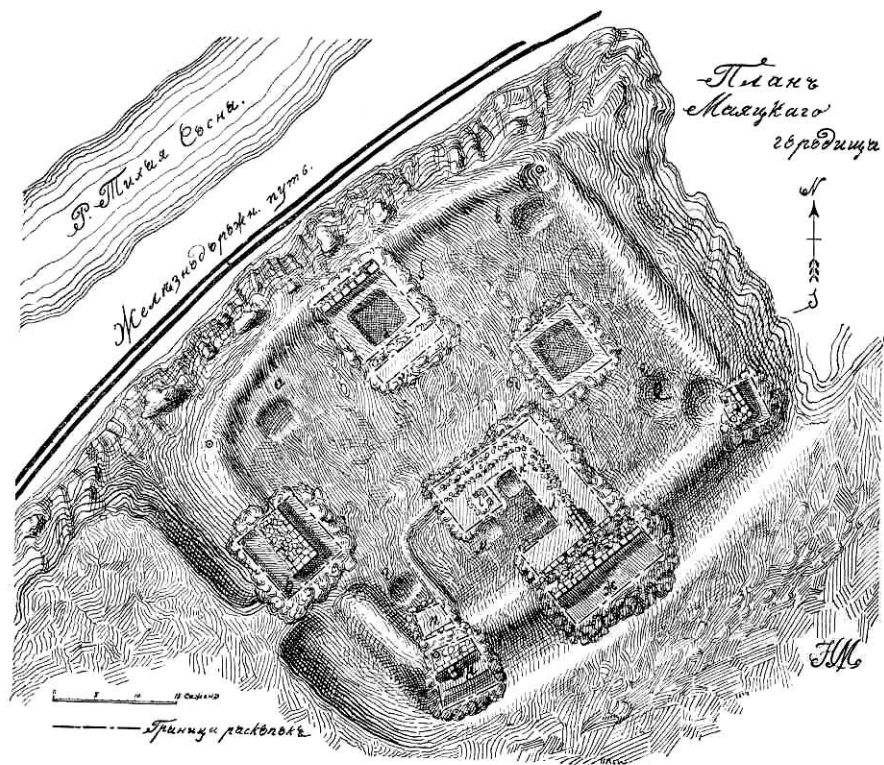
В конце 1890-х гг. на городище и прилегающей территории раскопки проводил художник Дмитрий Михайлович Струков, в последующие годы здесь вели небольшие исследования Леонид Михайлович Савелов, Михаил Павлович Трунов. К сожалению, об этих работах на Маяцком комплексе какой-либо конкретной информации не сохранилось, как нет и самих материалов, полученных в ходе этих раскопок. Из результатов Д. М. Струкова можно отметить лишь находку мелового блока с рунической надписью из стены Маяцкого городища.

В 1906 г. памятник посетил и описал известный российский археолог Александр Андреевич Спицын. Он стал инициатором проведения здесь раскопок членами Воронежской ученой архивной комиссии, что и было сделано в этом же году Александром Ивановичем Милютиним совместно с другими членами ВУАК.

А. И. Милютина можно считать первым серьезным исследователем Маяцкого комплекса. Прежде всего, по его инициативе был снят план берегового участка, включавший не только собственно Маяцкий мыс с обрамляющи-

ми его громадными оврагами, но и соседние, менее крутосклонные отрезки берега. На плане обозначено расположение крепости и, что весьма существенно, предполагаемые границы поселения. А. И. Милютин первый заметил на поверхности вокруг развалин крепости небольшие «вмятины» или «западины», логично предположив, что это следы бывших здесь построек.

Через год (в 1908 г.) на Маяцкий мыс прибыла экспедиция одного из крупных археологов России того времени — Николая Емельяновича Макаренко, работавшая на этом памятнике и в 1909 г. Он подробно исследовал крепость — стены, ров, цитадель и две синхронные крепостным стенам постройки. Проведённые работы позволили Макаренко дать подробное описание исследованного памятника, сопроводив его десятком чертежей, большим количеством фотографий открытых стен и отдельных блоков с начерченными на них знаками, рисунками, руническими надписями.

План Маяцкого городища (съемка Н. Е. Макаренко)

Помимо работ в крепости Николай Емельянович провел небольшие исследования на селище. Краеведческая молва приписывала ямки провалившимся могилам. Для выяснения этого вопроса Макаренко заложил шурфы над 10 западинами. Из них только две оказались «естественного происхождения». Все остальные были остатками построек или хозяйственными ямами. Ученый дал их подробные описания, некоторые сопровождалось чертежами.

В последующие почти семь десятилетий полевые работы на этом очевидно перспективном для изучения памятнике не возобновлялись. Причины были разные.

Это не означает, что Маяцкое городище (крепость) было забыто и вычеркнуто из исследовательского арсенала археологов и историков. Об этом красноречиво свидетельствуют работы 1930—60 гг. Ю. В. Готье, М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина и ряда других специалистов, в которых рассматриваются вопросы хронологии крепости, её этнической и культурной принадлежности к Хазарскому каганату, функции, которые она выполняла.

В 1962—1963 гг. археологический отряд С. А. Плетнёвой, ведший разведки по берегам Дона, снял новый план крепости и собрал подъемный материал с распахиваемой тогда восточной части селища.

Только в 1975 г. появилась возможность провести раскопки на этом уникальном памятнике. По инициативе Академии наук СССР (ныне РАН) и Венгрии была создана Советско-Венгерская экспедиция, под руководством С. А. Плетнёвой, одним из ведущих специалистов в те годы в области археологии и истории Хазарского каганата. С 1978 г. в экспедиции, согласно договору между Институтами археологии Академии наук СССР и Болгарской Народной Республикой, начали принимать участие болгарские археологи. После этого экспедиция окончательно сформировалась как Советско-Болгаро-Венгерская (руководитель С. А. Плетнёва). Она объединила большой отряд археологов, работавших по близкой проблематике — истории и культуре народов Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья: алан, болгар, восточных славян, угров (венгров) и др.

Маяцкую крепость исследовали Геннадий Евгеньевич Афанасьев, Светлана Александровна Плетнёва, которая кроме общего руководства экспедицией, в 1975 г. руководила работами непосредственно на городище. В последующие годы она вела опись и копирование всех знаков и рисунков на стенах Маяцкой крепости и опубликовала их. Кроме того, в работе экспедиции принимали участие Константин Иванович Красильников, Фирая Хабибуллоевна Арсланова, руководившие большими группами студентов-практикантов Луганского пединститута, Тверского университета.

На Маяцком могильнике основным исследователем был Валерий Сергеевич Флёров (Институт археологии АН). В его изучении принимали участие и другие квалифицированные специалисты: Владимир Кузьмич Михеев – профессор Харьковского университета, сотрудники института археологии АН Валентина Евгеньевна Нахапетян (Флёрова), Андрей Геннадиевич Атавин, сотрудница Эрмитажа Алла Петровна Покровская, антрополог Тамара Сергеевна Кондукторова (Институт антропологии МГУ).

Основным исследователем селища был Анатолий Захарович Винников с большой группой практикантов-студентов Воронежского госуниверситета. Помимо селища студенты участвовали в раскопках на городище и могильнике, но сам руководитель группы вёл работы по исследованию поселенческих комплексов.

Исследование Маяцкой крепости (цитадели)

Светлана Александровна Плетнева (1926–2008) – руководитель Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции

Большую помощь в исследовании селища оказал В. С. Флёров, дававший методические ценные советы при вскрытии катакомбных погребений. Добавим, что на селище, где в своё время закладывал раскопы А. И. Милютин, в 1975 г. С.А Плетнёвой были вскрыты небольшие площади — проверочные шурфы в поисках могильника, а в 1979 г. там же продолжила эту работу Ф. Х. Арсланова, расширив шурфы и заложив несколько в стороне небольшой раскоп над одной из западин. Кроме того, С. А. Плетнёва и К. И. Красильников вскрыли на самом восточном краю селища ещё две западины — остатки построек.

В работе экспедиции в разные годы на различных объектах принимали участие венгерские археологи: Иштван Эрдели, Ласло Ковач, Л. Шугар, Балаш Эрдели, Янош Сабо, палеозоолог Янош Матольчи, ряд исследователей из Болгарии: Станчо Ваклинов, Стефан Бояджиев, Дофина Василева, Рашо Рашев, О. Миланова.

Все сказанное делает очевидным тот факт, что громадная работа, проведённая на Маяцком комплексе экспедицией, безусловно, не была бы выполнена без участия в ней высококвалифицированных, известных в нашей стране и за рубежом археологов. Помимо перечисленных выше специалистов в экспедицию приезжали и ученые, не принимавшие непосредственного участия в работах на раскопах, но активно участвовавшие в обсуждении всех открытий, мнений, гипотез, нередко вызывавших горячие дискуссии.

В 1987 г. охранные раскопки были проведены на Маяцком могильнике, открытом в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, Мариной Ивановной Лыловой, ныне директором музея-заповедника «Дивногорье».

В 1994—1995 гг. вновь объектом изучения стало Маяцкое селище. Работали руководитель Г. Е. Афанасьев и Дмитрий Сергеевич Коробов (институт археологии РАН).

В 2008 г. на южной окраине селища Владимиром Александровичем Сарапулкиным (Белгородский госуниверситет) был заложен небольшой раскоп, где выявлено несколько ямных погребений. В 2013 г. работы на северо-восточной окраине селища велись под руководством Елены Юрьевны Захаровой (Воронежский госуниверситет).

Этим на данный момент исчерпываются полевые исследования данного уникального памятника.

Кем, когда, в связи с какими событиями была поставлена рядом с «Дивами» крепость? Что она из себя представляла, какие народы здесь обитали, строили эту крепость, жили рядом с ней, хоронили и на территории

поселения и на специальном могильнике? Попытаемся ответить на эти и другие вопросы, на основании прежде всего полученных археологических материалов. К сожалению, не всегда или далеко не в полной мере на интересующий нас вопрос археологические материалы могут дать ответ, и на помощь хоть в какой-то степени приходят письменные свидетельства, дошедшие до нас от эпохи, отдаленной более чем на тысячелетие, а некоторые события заставляют современного исследователя и читателя обратиться к письменным источникам полуторатысячелетней древности. Это письменные источники китайского происхождения, византийских историков середины — 2-ой половины I тыс. н. э., арабских географов, путешественников, купцов, дипломатов, побывавших в восточноевропейских землях в конце I — начале II тыс. н. э., источники Хазарского происхождения, Русские летописи.

Среди письменных источников Хазарского происхождения особое место занимают письма царя Иосифа придворному кордовского халифа еврейю Хасдаю Ибн-Шафруту.

В середине X в. придворный кордовского халифа Абд-ал Рахмана III вельможа, еврей Хасдай Ибн-Шафрут (Шапрут), который вёл своё происхождение из знатного еврейского рода Андалузии, получил информацию о существовании далеко на востоке иудейского государства, во главе которого стоит царь Иосиф. Эти сведения он получил от византийских купцов, которые сообщили высокому сановнику, что между ними и жителями этого государства идет «...постоянный обмен посольствами...», они обладают мощной военной силой. Это была Хазария. Хасдай обратился через специальных посланников к Иосифу с просьбой ответить на ряд вопросов. Среди них такие как происхождение хазар, причины принятия иудейской религии, размеры и экономика страны и ряд других. Иосиф дал ответ на заданные ему вопросы, хотя не на все и не в полном объеме.

До современных исследователей дошло два варианта ответа (пространственный и краткий). В своём ответе Иосиф подчеркивает могущество своей власти, которая распространяется и на многие соседние народы, платившие ему дань. Он пишет о принятии иудаизма, о политическом устройстве государства [Коковцов, 1932]. Конечно, не всем сведениям Иосифа можно полностью доверять. Многие из того, что он сообщает, носит субъективный характер, тем более если учесть, что в момент этой переписки (X в.) Хазария переживала не самые лучшие дни своей истории, её могущество было к этому времени подорвано. Поэтому многое из того, что сообщает

царь Иосиф, нуждается в проверке другими письменными источниками, а также археологическими материалами.

Письмо Иосифа было написано на древнееврейском языке и, как полагает С. А. Плетнёва, «...приближенным из числа образованных евреев, окруживших хазарский трон после принятия каганатом иудейства» [Плетнёва, 1986. С. 12].

Комплекс источников: археологические, письменные и, безусловно, антропологические, даёт возможность в какой-то степени, с известной долей научных предположений и гипотез, воссоздать цепь событий, предшествовавших постройке Маяцкой крепости, и найти ответы на интересующие нас вопросы, связанные с этим замечательным комплексом памятников.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Вторжение гуннов в южнорусские степи в 370-х гг. положило начало эпохе, которая получила в исторической науке название «эпоха великого переселения народов». Разгромив алан (одна из групп сарматского союза племён), кочевавших в донских степях, частично включив их в свои огромные орды, гунны стремительно продвинулись далее на запад, фактически уничтожив процветающие города в Северном Причерноморье, Приазовье, Крыму. После этого они продвинулись в Центральную Европу, вступив в довольно длительное противостояние с обитавшими здесь готами, с Римской империей. Римский историк Аммиан Марцеллин – свидетель гуннских завоеваний – подчёркивал необычайную жестокость гуннов. Он писал, что этот «неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до земли Аланов». И далее он пишет: «Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки ... истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Они сокрушают всё, что находится на пути» [Аммиан Марцеллин, 1994]. Гунны распространили свою власть над степными районами от Волги до Дуная.

В 445 г. полновластным и единственным властителем гуннского племенного союза стал легендарный Аттила. Центром его державы стала Паннония (территория современной Хорватии и Венгрии), куда он переносит свою ставку. Вот как описывает готский историк Иордан Аттилу: «По внешнему виду Аттила был низкорослый с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазками, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения» [Цит. по Засецкая, 1994. С. 154].

Вероятно, все гунны принадлежали к монголоидной расе, тюрко-язычной группе народов. Держава Аттилы представляла собой союз разноэтничных и разноязычных племён и народов германского, иранского, тюркского происхождения. Аттила вел активную наступатель-

ную политику в Европе, но в 451 г. на Каталаунских полях, недалеко от Парижа сошлись в битве гунны с римлянами и их союзниками. Как писал Иордан: «и в этой известнейшей битве самых могущественных племён пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти раньше, чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов» [Цит. по Засецкая, 1994. С. 147]. Гунны, потеряв значительную часть своего войска, потеряли своё могущество и силу. В 453 г. они потерпели ещё одну крупную военную неудачу. Держава гуннов практически пала. В 454 г. умер Атиллы. Иордан писал, что «труп Атиллы, находившийся в трех гробах из железа, серебра и золота, был ночью тайно похоронен. В могилу положили и оружие, драгоценные фалары (бляшки, украшавшие сбрую — А. В.), сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь высоким богатством (ограбление могилы — А. В.), они убили всех, кому поручено было это дело» [Цит. по Засецкая, 1994. С. 148].

Смерть Атиллы предопределила окончательное падение гуннского могущества, и их рыхлая, огромная империя распалась. Племена и народы, входившие в эту империю, освободились, и стали развиваться самостоятельно, а их имена стали довольно часто встречаться в различных исторических хрониках. Среди них барсилы, савиры, утигуры, кутригуры, болгары, хазары и многие другие. Во 2-ой половине V — 1-ой половине VI в. о хазарах довольно редко появляются сообщения в различных письменных источниках, значительно чаще упоминается имя довольно крупного союза племён «савиры». Вот что пишет о них византийский историк Прокопий Кесарийский: «Савиры являются гуннским племенем, живут около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделённое как полагается на много самостоятельных колен» [Цит. по Плетнёва, 1986. С. 15]. Не исключено, что болгары и хазары наряду с другими тюркскими народами входили в это мощное политическое объединение. Савиры принимали участие в многочисленных Ирано-Византийских военных конфликтах и сами захватывали пограничные области Ирана, Армении, Албании (современный Азербайджан). К концу VI в. хазары, судя по источникам, занимали в этом объединении довольно высокое самостоятельное место. Но и такое положение хазар на Северном Кавказе длилось недолго.

Графическая реконструкция воина Хазарского каганата О. Фёдорова

Во 2-ой половине VI в. далеко на востоке создается новая держава тюрков — каганат, который быстро распространил своё влияние далеко на запад, существенно расширив территорию нового государства. Во главе Тюркского каганата стоял род Ашина.

В 60—70 гг. VI в. Тюркский каганат включил в систему политических и экономических отношений крупные государства того времени: Византию, Иран, Китай и, естественно, все родственные тюркские племена в Предкавказье, включая и хазар. Вновь хазары оказались в подчиненном положении и участвовали во всех военных мероприятиях тюркских каганов, прежде всего в Закавказье. Но непрерывные войны, внутренние раздоры, связанные с борьбой за власть, колоссальное обострение имущественного неравенства среди рядовых воинов-тюрков, стремление каждого народа, включенного в орбиту каганата к самостоятельности, неудачи во внешней политике — все это привело в конечном итоге в 30-х гг. VII в. к краху Тюркского каганата, на развалинах которого возникли новые самостоятельные государства и среди них прежде всего Великая Болгария и Хазарский каганат.

Великая Болгария занимала территорию Приазовья, Таманский п-ов, вероятно, некоторые районы Северного Причерноморья. Во главе этого объединения стоял хан Кубрат (Куврат) — представитель правящего болгарского рода Дуло. Кубрат воспитывался в Константинополе при дворе византийского императора, даже был там крещён. Став во главе Великой Болгарии, он заключил союз с Византией, и император Ираклий пожаловал ему почетный титул «патриция» в 635 г., подкреплённый большими и богатыми дарами, надеясь иметь в лице Кубрата сильного союзника в Причерноморье. Тем более, что род Дуло вел постоянную борьбу за власть с правящим в Тюркском каганате родом Ашина. Центром Великой Болгарии стал город Фанагория, разгромленный гуннами, но жизнь в нём продолжалась.

Кубрат умер в 40-х гг. VII в., иногда историки называют более точную дату — 642 г. В литературе имеются другие даты смерти Кубрата: 650; 660; 688/89 гг., но наиболее вероятной являются 640-е гг. С погребением Кубрата связывают знаменитый Перецепинский клад, обнаруженный в 1912 г. на р. Ворксла (левый приток Днепра), в 13 км к югу от Полтавы, у с. Малое Перецепино. Клад (погребение) содержал около 800 предметов. Среди них предметы конского снаряжения, оружие, драгоценная посуда сасанидского и византийского производства, монеты, огромное число различных украшений, перстни с монограммами, которые, как считают иссле-

дователи, Кубрат получил от Ираклия вместе с присвоением ему титула «патриций». После смерти Кубрата распалось созданное им объединение. Оно было поделено между его сыновьями: Аспарухом, Батбаем, Котрагом.

Одновременно с Великой Болгарией на территории современного Дагестана и в Прикаспийских степях начало формироваться Хазарское государство, во главе которого стоял достаточно многочисленный род Ашина, занимавший главенствующее положение в Тюркском каганате. Хазары считали своё государство прямым наследником некогда могущественного Тюркского каганата. Великая Болгария, ослабленная после смерти Кубрата, быстро стала легкой добычей хазар. Аспарух со своей ордой оказал сопротивление хазарам, но, не получив поддержки со стороны братьев, уже в 70-х гг. VII в. вынужден был откочевать на Запад в Подунавье. Хазары его преследовали, расширяя границы своего государства, но, вероятно, не без давления Византии, вынуждены были прекратить преследование Аспаруха. Болгары остановились на территории, которая уже была занята славянами, в союзе с которыми в 681 г. и было создано Первое Болгарское царство, признанное Византией.

Другая орда во главе с ханом Котрагом ушла на Среднюю Волгу, где впоследствии возникло государство Волжская Болгария. И, наконец, третья группа болгар — орда, возглавляемая ещё одним сыном Кубрата Батбаем, остановилась в Приазовье, полностью подчинилась хазарам, составив вместе с ними костяк Хазарского каганата.

Собственно сами хазары — кочевники скотоводы, небольшой по численности народ, занимавший степные пространства Нижней Волги, Прикаспия, северо-восточного Кавказа, степные и приморские районы современного Дагестана. С расширением территории каганата площадь Хазарских кочевий значительно увеличилась. Во 2-ой половине VII в. под властью хазар оказались не только народы, кочевавшие в степях Северного Кавказа, Северного Причерноморья, но и живущие в Крыму, в древних городах, переживших гуннское нашествие: хазары строили и собственные города-крепости на Северном Кавказе, в которых кроме местного оседлого населения жили и разорившиеся кочевники, вынужденные заниматься ремесленным производством. Многие из этих городов-крепостей упоминаются в различных письменных источниках. Из городов называется Беленджер, который ассоциируется с городищем у с. Чир-юрт на р. Сулак в Дагестане. В источниках упоминается ещё один крупный город каганата — Семендер, место расположения которого является предметом дискуссии. Эти города некоторые исследователи связывают со столицами

Хазарского каганата в определённые исторические периоды. Арабские источники называют ещё ряд городов Хазарии, но их даже приблизительно локализовать не представляется возможным. Кроме крупных поселений-крепостей на собственно хазарской территории выявлены посёлки, окруженные саманными¹ стенами, в которых обитали отдельные кланы — семьи знатного происхождения. Каждая из этих семей владела определёнными пастбищами, рыболовными угодьями. С. А. Плетнёва приводит отрывок из письма Иосифа, подтверждающий эту форму собственности: «Каждый из этих родов имеет известное наследственное владение, полученное им от их предков» [Плетнёва, 1986. С. 30].

Главой государства считался каган, титул, который был унаследован от Тюркского каганата вместе с властью в каганате рода Ашина. На местах, в отдельных областях были представители кагана, так называемые тудуны, которые реально осуществляли власть в подвластном кагану регионе. В то же время нужно отметить, что для хазар, по всей видимости, было характерно своеобразное двоевластие. Власть кагана не была неограниченной. Кроме кагана делами в государстве ведал царь — шад-бек, в разных источниках эта фигура называется по-разному. Власть кагана ограничивалась сакрализацией его личности (сакральный от лат. sacer — священный). Некоторые обычаи, связанные с сакрализацией каганов, описаны арабским географом-путешественником X в. Истахри. Он пишет: «Когда они желают поставить кого-нибудь хаканом, то приводят его и начинают душить его шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему «Как долго желаешь царствовать?». Он отвечает столько-то и столько-то лет». Арабский историк и географ X в. ал-Масуди пишет об огромной власти царя над каганом, который, судя по сообщению этого автора, не может даже без ведома царя покидать свой замок и если в стране случаются какие-либо беды, несчастья (голод, неудачи в войне) народ вправе потребовать смещения кагана или даже его смерти. Все шли к царю и заявляли: «Мы приписываем своё несчастье этому кагану, и его существование нам приносит несчастье. Убей его или отдай его нам — мы его убьём» [Плетнёва, 1986. С. 31]. Эти сюжеты, безусловно, относятся к эпохе более ранней, чем собственно время Хазарского каганата, и скорее всего отражают более древний период истории тюркских народов, связанный с человеческими жертвоприношениями, на что обратил внимание

¹ Саман — строительный материал из глинистого грунта с добавлением соломы (отсюда и название) или других добавок, высушенного на открытом воздухе.

В. Я. Петрухин [Петрухин, Раевский, 2004. С. 219]. Но с другой стороны, вероятно отголоски этих явлений имели какое-то место в системе управления, сложившейся в Хазарском каганате. Положение и жизнь кагана регламентировалась определёнными функциями и была ограничена рядом запретов, что не позволяло ему в полной мере осуществлять руководство государством. Как отметил В. Я. Петрухин, «двоевластие» характерно не только для тюркской раннегосударственной традиции, но свойственно и традициям других ранних государств, включая Русь, где наряду с князем особые полномочия имел воевода [Петрухин, Раевский, 2004. С. 218—219].

Хазарский каганат, включивший в свою орбиту самые различные народы, естественно нуждался в каких-то единых идеологических догмах, которые могли бы объединить хотя бы господствующие слои, близкий круг к кагану и царю. Такие идеологические формы могли базироваться только на одной из распространённых в то время мировых религий. Эта проблема для Хазарского каганата обострилась ещё и тем, что союзники хазар — савиры — были обращены на какой-то короткий период в 80-х гг. VII в. князем Али-Алитвером при помощи миссии епископа Исраила в христианство. Хазары увидели сепаратистские тенденции, поддерживаемые Византией, подчинению которой на протяжении всей своей истории Хазарский каганат всеми силами сопротивлялся и противодействовал. Эти действия савиров были довольно жестко пресечены каганом, который взял дочь князя савиров в свой гарем и восстановил культ языческого божества Тенгри-хана (о культе этого верховного тюркского божества речь пойдет ниже).

Хазары вынуждены были маневрировать в своей международной политике между мусульманским Арабским Халифатом и христианской Византией. В 730 г. была предпринята первая, не очень удачная и не завершившаяся полностью, попытка внедрить в Хазарии в качестве государственной религии иудаизм. В письме Иосифа Хасдаю ибн-Шафруту и в других источниках об этом событии рассказывается достаточно подробно. Произошло это при кагане Булане (Тюркское родовое имя «Олень», по всей видимости, тотемического происхождения). Но в это время иудаизм ещё не был провозглашен государственной религией и не доминировал даже в окружении кагана. В зависимости от политической необходимости каган то выдавал замуж свою сестру за сына Византийского императора, их сын даже был императором, получив прозвище хазар (775—780 гг.), то потерпев крупное поражение от арабов (737 г.) вынужден был на какое-то время принять ислам.

Графическая реконструкция воинов Хазарского каганата О. Фёдорова

Лишь в конце VIII — начале IX в. при внуке Булана Обадии иудаизм был окончательно провозглашен государственной религией. Об этом очень важном событии не только для каганата расскажем несколько ниже.

Период с середины VIII до середины IX вв., возможно до 70—80-х гг. IX в., т. е. 100—130 лет — это период расцвета, наибольшего подъема Хазарского каганата. Именно этот период в истории каганата и описал хазарский царь Иосиф в письме великому сановнику Кордовского халифа Хасдаю ибн-Шафруту, о котором речь шла выше.

Каганат расширил свои границы до лесостепных районов Восточной Европы на севере, включив в орбиту своего экономического влияния ряд славянских племён, финноязычные народы, Волжскую Болгарию, ряд районов Крыма, периодически совершая военные акции в Закавказье, принося оттуда огромную добычу. В этот период хазарской истории определённого расцвета достигают не только города, основанные ещё в античную эпоху, претерпевшие запустение в гуннский период, но и возникают новые города-крепости. Среди них новая столица каганата Итиль в низовьях одноименной в то время реки Итиль (Волга) и Саркел на Нижнем Дону.

Точное местонахождение Итиля до сих пор неизвестно, хотя высказано на этот счёт много различных гипотез, предположений, догадок. [Флёров, 2009]. Всё, что известно об этом городе почерпнуто из сообщений арабских путешественников, географов, историков Ал-Масуди, Истахри. Итиль — столица государства и главная ставка кагана, кочевья которого распространялись к западу от Каспийского моря и Волги. Располагался он на обоих берегах реки, посередине которой был остров, где и был построен замок царя и кагана из обожженного кирпича, из которого имел право строить только каган [Плетнёва, 1986. С. 51]. Замок (остров) соединялся с городом, который был окружен мощными стенами из сырцового кирпича, плавучими мостами.

Население Итиля было очень пестрым. Здесь были и иудеи — это главным образом каган, царь и их ближайшее окружение, а также иудеи, бежавшие от преследования из Византии, и мусульмане — выходцы из Хорезма, служившие в качестве наемного войска, так называемые ларисийа, и христиане, и язычники. Вся эта многоликая масса хорошо уживалась между собой. Хазары в это время отличались веротерпимостью. Среди этого разноэтничного населения были и ремесленники, и купцы, и земледельцы. Население Итиля, как сообщают источники, было довольно многочисленным — около 10 тысяч человек. Каган, имея ставку в Итиле, располагал большим доменом (кочевьем), и каждый год, в апреле, как со-

общает Иосиф в письме Шафруту, он с огромной свитой, включая рабов, отправлялся в длительную перекочевку и осенью возвращался в Итиле, в свою ставку. Т. М. Калинина, известный востоковед, анализируя восточные источники об Итиле, подчеркнула следующее: «Несомненные «приметы» города в нашем случае: административный центр с подчиненными городами и сельской округой; наличие правителя и его резиденции, а также судейской системы; существование мест для религиозных культов, население из числа ремесленников и торговцев. Если учесть, что имеются сведения о доходе правителей, можно считать, что в какой-то мере имелось и распределение прибавочного продукта» [Калинина, 2012. С. 94].

Западную границу домена Хазарского каганата определяла крепость Саркел на нижнем Дону, построенная с активным участием Византии. Император Константин VII Багрянородный (908–959 гг.) в своём сочинении «Об управлении империей», составленном в 948–952 гг. и предназначенном для наследника престола Романа III, сообщает много интересного о хазарах и Хазарском каганате. Среди этих сообщений привлекает внимание рассказ о постройке «... Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов (воинов-наёмников – А. В.), сменяемых ежегодно. «Саркел» же означает у них «Белый дом», он был построен спафарокандидатом (чиновник нижнего ранга при дворе императора – А. В.) Петроной по прозвищу Каматир, так как хазары просили василевса (императора – А. В.) Феофила ((829–842 гг.) – А. В.) построить им эту крепость... Василевс, склоняясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону... . Петрона ... отправился к месту на р. Танаис (Дон – А. В.), в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек» [Константин Багрянородный, 1991. С. 171–173]. Конечно, Петрона прибыл не один, а судя по сообщению Константина Багрянородного, с ним была довольно значительная группа строителей, а Продолжатель Феофана (византийский историк XI в.) сообщает, что в строительстве участвовало и местное население: «... с многими трудами, благодаря множеству рук, закончив порученное дело...» [Продолжатель Феофана, 1992. С. 56–57].

Саркел был построен в 830-х гг. Крепость располагалась на искусственном острове, который был образован рекой и глубоким искусственным рвом, с внутренней стороны которого был насыпан земляной вал. Кирпичную крепость защищал второй ров. Волго-Донской археологиче-

ской экспедицией в 1949–1951 гг. (рук. М. И. Артамонов) было раскопано более половины площади памятника, а оставшаяся часть этого города-крепости затоплена Цимлянским водохранилищем. Размеры крепости 193,5 × 133,5 м. Толщина стен 3,75 м. Население здесь, как и в Итиле, было довольно пёстрым: болгары, гузы, хазары, на каком-то этапе здесь появились и славяне. Тюркский гарнизон – наёмное войско охраняло крепость. Саркел занимал ключевые позиции на торговых путях, шедших с Востока на Запад и с Юга на Север. Задача гарнизона состояла не только в охране крепости, но и, вероятно, в сборе пошлин с купцов, везших свои товары по речным и сухопутным путям. Торговля с арабским миром была довольно оживлённой, о чём свидетельствуют материалы раскопок Саркела. Саркел был и центром ремесленного производства в Хазарском каганате: гончарного, косторезного, металлургического, ювелирного [Плетнёва, 1996].

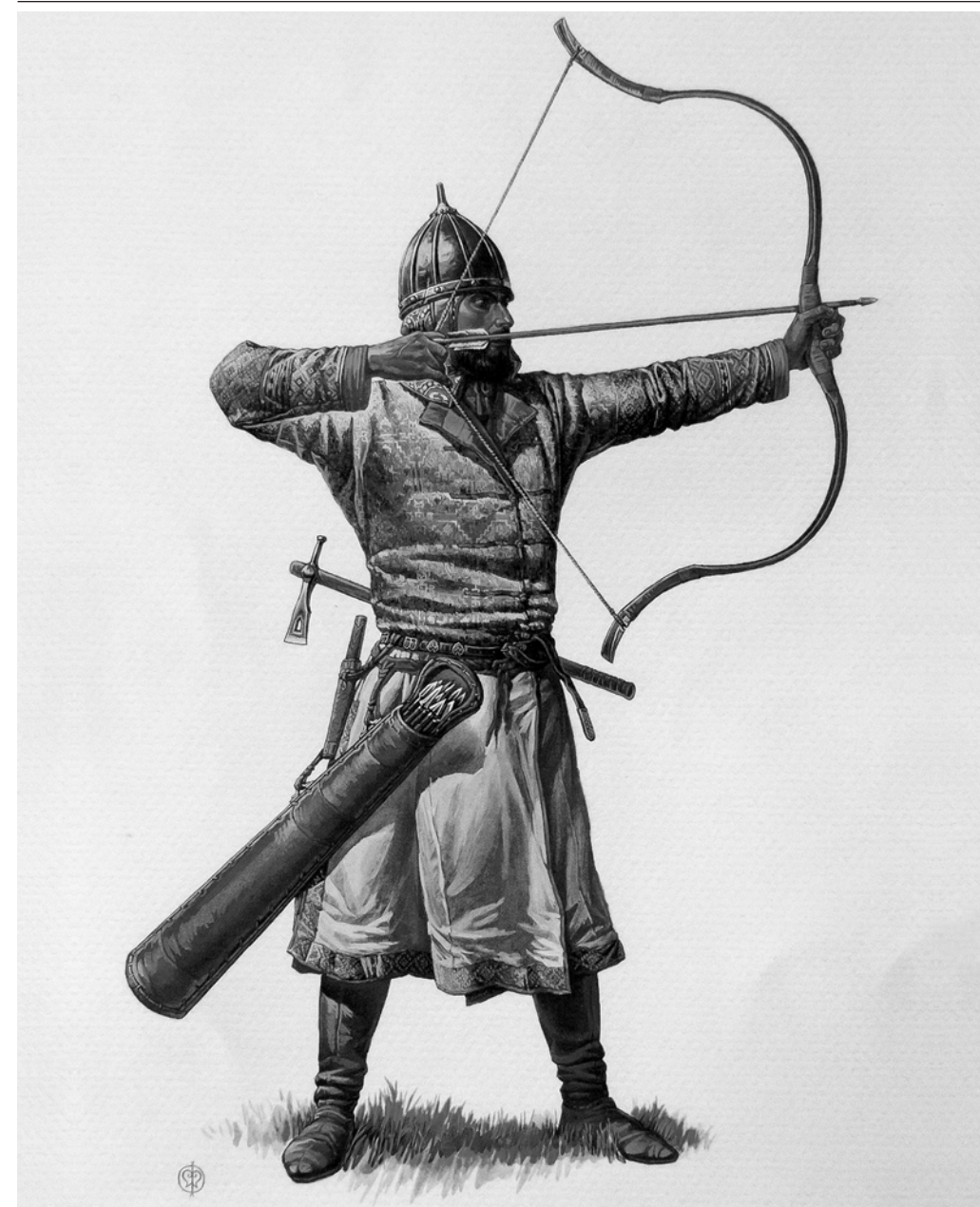
На расстоянии около 100 км к югу от Саркела также на Нижнем Дону выявлена ещё одна крепость, стены которой сооружены из сырцового кирпича – Семикаракорское городище, изучавшееся В. С. Флёровым.

В этот период усиленно развивались и застраивались города, возрождённые, как подчёркивалось, после гуннского нашествия и также упомянутые в письме Иосифа и в других источниках: Таматарха на Таманском полуострове, Керчь в Крыму, Фанагория и др.

В городах, городах-крепостях или просто в укреплённых поселениях, в различных районах, вошедших в состав Хазарского каганата, находились наместники кагана, представляя центральную власть. Так называемые тудуны, а в наиболее крупных полиэтнических поселениях были ещё и судьи, которые исполняли свои функции по разным законам. Этот факт хорошо описан арабскими авторами применительно к Итилю, где одновременно функционировали и христианские церкви, и мечети, и синагоги, а часть населения справляла языческие обряды. В этих условиях уже к концу VIII в. возникла потребность в установлении какой-то общегосударственной религии, так как принятие иудаизма Буланом в 730 г., как отмечалось, ещё не означало распространение его в общегосударственном масштабе. Попытка хазар внедрить культ тюркского верховного божества Тенгри как единого бога всех племён и народов государства не увенчалась успехом, тем более для кагана и его окружения выбор был уже сделан ещё раньше в пользу иудаизма, хотя и оставались определенные сомнения. Византия и Арабский Халифат не теряли надежды на духовное подчинение Хазарского каганата, не учитывая того, что основная масса тюркско-

го населения каганата безоговорочно тяготела к языческим верованиям. Византия неоднократно предпринимала попытки внедрить христианство хотя бы в отдаленных областях каганата, например, в Крыму, у савиров. Но во всех случаях каганат эти попытки жестоко пресекал. Как сообщает С. А. Плетнёва, определённые противоречия между общественно-политическим строем, базовой экономикой каганата и языческим культом Тенгри-хана, а так же враждебные отношения с христианскими и мусульманскими соседями и определенное, хотя и не в полной мере, знакомство правящей верхушки с иудейской религией ещё в первой половине VIII в., «привели хазарское правительство в начале IX в. к серьезному политическому шагу — официальному принятию иудейской религии» [Плетнёва, 1986. С. 62]. Произошло это при внуке Булана, Обадии. Как писал Иосиф: «Он (Обадий — А. В.) выстроил дома собраний и дома учения, и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили 24 книги священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв» [Коковцев, 1932. С. 97].

Но утверждение иудаизма как государственной идеологии ещё не означало её реальное распространение и внедрение в повседневную жизнь всего населения каганата. Иудаизм — это национально-племенная религия, и следовало доказать иудейское происхождение не только кагана и его ближайшего окружения, но, вероятно, и всего разноликого населения каганата, что было практически невозможно, даже для глав родов и племён, объединённых хазарами в едином государстве. Особенно это касалось отдаленных от ставки крупных городов провинций. Принятие иудаизма как государственной религии не только не объединило народы, входившие в состав каганата, но в ещё большей степени способствовало росту внутренних противоречий и противостояний центральной власти, усилению междоусобной борьбы, что естественно подрывало само государство изнутри. Вот что пишет о сложившейся ситуации в каганате Константин Багрянородный: «Случалось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их (всё-таки) одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками (венграми — А. В.) в земле пачинакитов (печенегов — А. В.) и сдружились друг с другом и стали называться каварами» [Константин Багрянородный, 1991. С. 163]. «Кавары» — от тюркского «не подчиняющийся», «восставший». [Константин Багрянородный, 1991. Примечание к гл. 39. С. 394].

Графическая реконструкция воина Хазарского каганата О. Фёдорова

Несмотря на то, что кавары, т. е. восставшие, нашли приют у венгров, появившихся где-то в северных пределах или вблизи Хазарского каганата в начале IX в. из угорских областей Зауралья, а возможно из степных районов Южного Урала, их вождь Леведий получил в жены от хазарского кагана «благородную хазарку». Как пишет Константин Багрянородный «благодаря мужеству турок и их воинской помощи» [Константин Багрянородный, 1991. С. 159]. Венгры поселились в местности, которая в источниках названа по имени вождя — Леведия. Венгры по сообщению К. Багрянородного «жили вместе с хазарами в течение трех лет». Точная география Леведии, как и время пребывания в ней венгров неизвестно. Исследователи называют разные даты: 861—862, между 840 и 880 гг., и другие. Под давлением новой волны кочевников, появившихся в южнорусских степях в конце IX в. (по ПВЛ — 889 г.) венгры покинули Леведию и поселились в Днепро-Днестровском междуречье в местности, которую К. Багрянородный назвал Ателькузу, став ближайшими соседями к Византии, с которой у Хазарского каганата были непримиримые противоречия. Поэтому каганат в лице венгров продолжал видеть своих союзников. Каган потребовал, чтобы Леведия к нему явился. Как пишет Константин Багрянородный, каган ему заявил: «Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему». Но Леведия поблагодарив, заявил, что «поскольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться» и предложил другую кандидатуру на эту должность — Арпада. Хазары его и сделали архонтом, «подняв его на щите» [Константин Багрянородный, 1991. С. 161], который, как считают исследователи, стал основателем династии венгерских королей.

А в это время печенеги, продолжая своё активное движение на запад, подталкиваемые с востока новой волной кочевников — гузами, выходцами из Средней Азии, с которыми Хазарский каганат заключил союз, достигли Ателькузу, разгромив и изгнав венгров с этой территории. Хазары на этот раз потеряли окончательно своего военного союзника в лице венгров, которые в свою очередь, как пишет Константин Багрянородный «... прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь... по сей день» [Там же]. В свою очередь печенежские земли занимали огромные пространства южнорусских степей, но иногда Хазарский каганат использовал печенегов в борьбе со своими противниками.

При этом Византия не теряла надежду изменить религиозный статус каганата, заставить хазар от иудаизма перейти в христианство. В 861 г.

к кагану прибыл известный просветитель, основатель письменности у славян, философ Константин (Кирилл). Прибыл он не один. Задача миссии, возглавляемой Константином, состояла в участии в диспуте между иудеями, христианами и мусульманами. «Как рассказывается в «Житии», Константин сумел победить в споре и с иудеями, и с мусульманами, и даже крестил в Итиле какое-то количество язычников. Но в целом миссия была неудачна, как пишет С. А. Плетнёва, анализируя арабские источники и письмо Иосифа, в котором рассказывается об этой дискуссии: «Хитроватый раввин сумел стравить своих противников, поставить их в невыгодное положение и тем самым победить обоих, убедив кагана в истинности и благородстве своей религии» [Плетнёва, 1986. С. 69].

После этих событий от былой хазарской веротерпимости не осталось и следа. Каган и его окружение, оставшись иудеями, всё более и более отдалялись от своих подданных вассалов и данников. Это было начало заката государства.

В течение почти полувека, с конца VII до 30-х гг. VIII в., шли с переменным успехом арабо-хазарские войны. Многие хазарские города неоднократно подвергались арабскому нашествию и разорению, но каждый раз Хазария находила в себе силы оправиться и вновь заявить о себе. А для некоторых народов Северного Кавказа, в частности алан, эти войны не прошли бесследно. И если хазары, будучи кочевниками, нередко легко уходили от ударов арабского войска, то аланы, являясь оседлым населением, не могли противостоять стремительным и неожиданным набегам арабской конницы. Очередной поход арабского войска во главе с наместником Армении Джеррах Ибн Абдаллах ал-Хаками для алан имел тяжелые последствия. Они вынуждены были оставить свои давно и хорошо обжитые районы и уйти в более безопасные, но в то же время совершенно неведомые им места. Ушли на север от Кавказа. Это было переселение значительной массы аланского населения. В стремительный поток на север были втянуты отдельные группы болгарского населения, кочевавшие и в Приазовье, и на Нижнем Дону, по землям которых шли аланы, и, возможно, какие-то другие группы тюрков из состава Хазарского каганата.

Кроме того, в литературе высказывались и другие гипотезы о причинах переселения алан с Северного Кавказа в Донской бассейн. Например, предполагалось их насильственное переселение Хазарским каганатом на свою северную окраину с целью заселения пограничных районов.

В любом случае необходимо признать, что такая крупная акция, какой является переселение алан и болгар с Северного Кавказа в бассейн Дона, не могла произойти без содействия хазар.

Аланы заняли обширные земли в бассейне лесостепного Дона: Тихую Сосну, Северский Донец и его притоки, главным образом Оскол, его верхнее и среднее течение.

Аланы, как пишет С. А. Плетнёва, «осели на удобных, напоминающих родные горы, высоких прибрежных холмах в верховьях Дона и его притоков». Так в первой половине VIII в. весьма существенно изменилась география Хазарского каганата, его территория. Аланы и увлечённые ими болгары устремились на север, навстречу славянам, которые почти одновременно начали движение с Поднепровья на восток, в бассейн Дона, точнее реки Воронеж. А чуть позже сюда же на Дон пришли с Верхней Оки и славяне-вятичи.

Аланы и болгары, а вместе с ними и хазары вплотную подошли к славянским землям. С этого времени (т. е. вероятно со 2-ой половины VIII в.) хазары и устанавливают своё экономическое господство в виде дани над отдельными восточнославянскими племенами. Об этом неоднократно упоминает «Повесть временных лет». Под 859 г. летописец записал: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А казари имаху на поленех и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма».

В течение почти ста лет хазарские наместники, построившие свои крепости на Тихой Сосне, Северском Донце, контролировали торговые пути по крупнейшим восточноевропейским рекам, взимая огромные пошлины за товары и периодически посылая отряды в славянские земли для сбора дани. Такой своеобразной пограничной заставой и было Маяцкое городище.

В глубине территории славян, обложенных данью, имелись хазарские фактории (опорные пункты), возможно, какие-то административные центры, выполняющие функции координации по сбору дани, где могли размещаться временно какие-то небольшие военные отряды алан и болгар. Эти поселения могли быть и ремесленными центрами. Среди подобного рода поселений, выделяется Битицкое городище, расположенное в Сумской области на р. Псёл (Украина). Далеко на севере, в вятической земле, на р. Упа (бассейн р. Оки) есть городище Супруты (Тульская область), которое, судя по обнаруженному на нём археологическому материалу, так же выполняло административные функции по сбору дани, торговых

функций. На территории, занятой донскими славянами, о которой речь пойдет ниже, также вероятно были хазарские (алано-болгарские) центры, осуществлявшие функции сбора податей (налогов) и доставки их в крепости, отстоявшие на несколько десятков километров к югу.

Но при этом нужно иметь в виду, что в состав государственной территории северянские и вятические земли, как собственно и сами северяне и вятичи, никогда не входили, как считают некоторые исследователи. Нельзя считать, что территория государства и сбор налогов, податей с какого-то этноса, группы племён и т. д. — являются напрямую взаимосвязанными. Вхождение в состав государства предполагает более широкий спектр взаимодействий и сотрудничества, участия в каких-то внешнеполитических акциях, что не наблюдается между отдельными славянскими племенами и каганатом, ни один источник этого не фиксирует. Северные и северо-западные границы каганата определяются системой крепостей по Тихой Сосне, Осколу и Северскому Донцу.

Памятники-поселения, крепости, могильники, оставленные аланами и болгарам на Дону, Тихой Сосне, Северском Донце и его притоках, известны в науке как памятники салтово-маяцкой археологической культуры.

Одним из известных памятников, оставленных аланами, является комплекс памятников у с. Верхний Салтов на Харьковщине, раскопки которого были начаты более ста лет назад местным учителем В. А. Бабенко, благодаря работам которого вообще впервые заговорили об аланах на Дону. Этот комплекс памятников (городище с остатками стен, сооруженных из меловых блоков, поселение, могильник, насчитывающий тысячи погребений) и дал первую часть названия культуре Хазарского каганата в бассейне Дона — салтовская, к которому было добавлено «маяцкая» по другому памятнику, расположенному в бассейне Тихой Сосны — Маяцкому комплексу, о котором речь пойдет ниже. К сожалению, памятник, давший первую часть названию культуры, не стал эталонным при её изучении. Это связано с тем, что раскапывавшийся в течение длительного периода разными исследователями, он представил огромное количество материала, который и по сей день остается неопубликованным и в значительной степени недоступным специалистам.

Таким эталонным памятником для характеристики культуры населения северной территории Хазарского каганата стал Дмитриевский комплекс, расположенный на р. Короче, притоке р. Нижеголь, впадающей в свою очередь в Северский Донец в Белгородской области. Комплекс (кре-

пость, селище, могильник) раскапывался С. А. Плетнёвой и полностью ею опубликован. На этом материале с привлечением других памятников ею разработаны вопросы хронологии культуры, хозяйства и экономики населения, погребальной обрядности и ряд других проблем.

Дмитриевская крепость была сооружена на мысу высотой около 50 м, на котором ещё в I тысячелетии до н. э., т. е. в эпоху раннего железного века, располагалось укрепленное поселение. Аланы на этом месте построили крепость со стенами, сложенными из меловых блоков. Толщина этой стены достигала 4–4,5 м, примерно такой же была и её высота, это было очень серьезное укрепление, сооружение которого требовало большого мастерства. Раскопки площади крепости дали удивительную картину — полное отсутствие культурного слоя, ни одной постройки здесь не выявлено. С. А. Плетнёва обратила внимание, что такое встречается и на других укрепленных аланских поселениях на Северском Донце и его притоках. Много было высказано гипотез о причинах этого явления. С. А. Плетнёва убедительно доказала во многих своих работах, что крепость принадлежала феодалу, который вместе с семьёй и челядью мог и «откочевывать на весенне-летне-осенний сезон на богатые травой лесостепные пастбища или в летние ставки», о чем писал царь Иосиф [Плетнёва, 1999. С. 33]. Укрепленная крепость — своеобразный феодальный замок, мог служить и убежищем в случае опасности для населения, жившего на прилегающих неукрепленных поселениях, где выявлен культурный слой и жилые постройки.

Огромный материал для изучения культуры северо-западной периферии Хазарского каганата дали раскопки могильника. Площадь его довольно большая. Всего изучено 161 погребение. Подавляющее большинство погребений совершено в катакомбах, выкопанных в твердом грунте. Не вдаваясь в подробности погребального обряда и устройства катакомб, отметим лишь наиболее характерные черты, присущие данному могильнику, а некоторые из них — в целом аланскому населению данного региона. Во-первых, могильники располагались рядом с поселением; во-вторых, погребения бывают одиночные и коллективные (от 2 до 4 погребений); в-третьих, погребения, не разграбленные в древности, содержат разнообразный и нередко богатый инвентарь (оружие, орудия труда, бытовые предметы, многочисленные украшения, включая бусы, конскую упряжь, амулеты, разнообразные керамические сосуды); в-четвертых, среди погребений на площади могильника встречены так называемые поминальные тризны и жертвоприношения животных в память умерших и похоронен-

ных здесь людей; в-пятых, некоторые погребения сопровождались ритуальными захоронениями лошади, иногда с упряжью; в-шестых, на Дмитриевском могильнике впервые выявлены погребения мужчин-воинов и молодых женщин, под которыми прослежен слой угля, игравший, по мнению С. А. Плетнёвой, «связующую роль в обряде посмертного венчания» [Плетнёва, 1999. С. 41].

Дмитриевский комплекс располагается на западной окраине Донской лесостепной группы памятников алан, а на восточной окраине — в районе впадения Тихой Сосны в Дон — стоит Маяцкая крепость с примыкающим поселением и могильником, давшая вторую часть названия культуры Хазарского каганата, его северо-западной периферии — салтово-маяцкая. Конечно, между этими двумя комплексами находится значительное число памятников салтово-маяцкой культуры, многие из которых в той или иной степени подвергались раскопкам, но до сих пор и Дмитриевский комплекс, и Маяцкий, о котором речь пойдет ниже, являются наиболее полно изученными, наиболее информативными, хорошо опубликованными памятниками.

Река Тихая Сосна стала тем рубежом, на котором остановились аланы и их союзники болгары. Переселение их на Дон и его притоки происходило неоднократно, вплоть до середины IX в., когда при впадении Тихой Сосны в Дон на высоких меловых кручах была сооружена белокаменная крепость. Со временем она обросла огромным, насчитывающим сотни жилищ селищем. Эта крепость и есть Маяцкое городище.

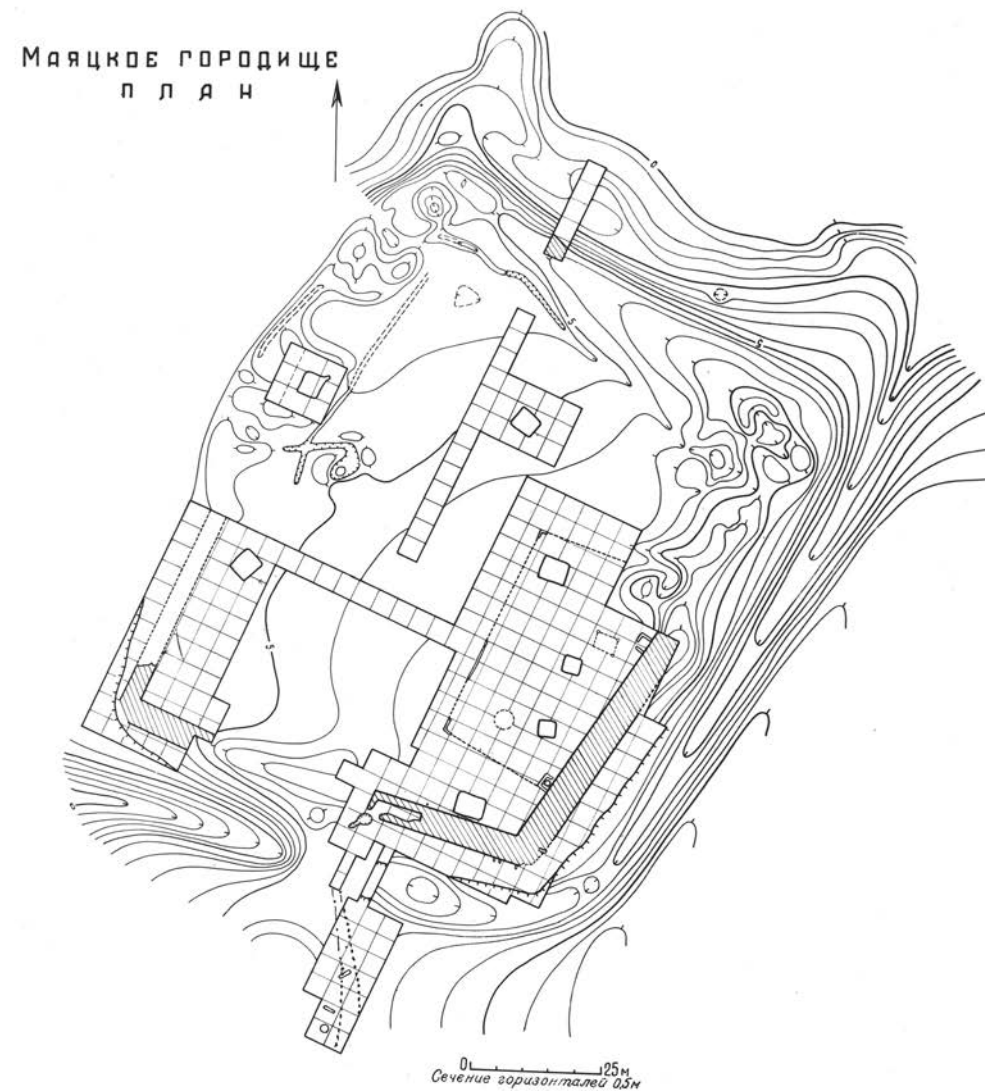
На Тихой Сосне оно было не единственное. Можно назвать ещё несколько укрепленных и неукрепленных поселений алано-болгар, но среди них Маяцкое городище выделяется.

МАЯЦКАЯ КРЕПОСТЬ (ЗАМОК)

Если подняться наверх мыса по лестнице от железнодорожной площадки 143-й километр (ветка Лиски — Острогжск), мимо пещерной церкви XVII в., вырубленной в меловой скале, и пройти вперёд несколько сот метров, нам не миновать крепости с расплывшимися земляными валами и глубоким рвом. Укрепления крепости производят впечатление довольно мощных сооружений. Высота валов — более 2 м, ширина — 10–15 м, глубина рва — 2–2,5 м при ширине наверху до 7 м. Внутренняя площадь, огороженная валом и рвом, незначительна — 85 × 110 м. В середине юго-западной стены — въезд в крепость шириной 8–10 м, а через ров идёт перемычка 2–2,5 м.

Маяцкая крепость. Фото с квадрокоптера Сергея Соболева

План Маяцкой крепости с указанием раскопов

Внутри крепости хорошо просматриваются остатки прямоугольного сооружения площадью 27 × 47 м, оно раскапывалось ещё до революции Н. Е. Макаренко, о чём мы выше упоминали. Это своеобразная цитадель — последняя опора защитников на случай штурма крепости и место обита-

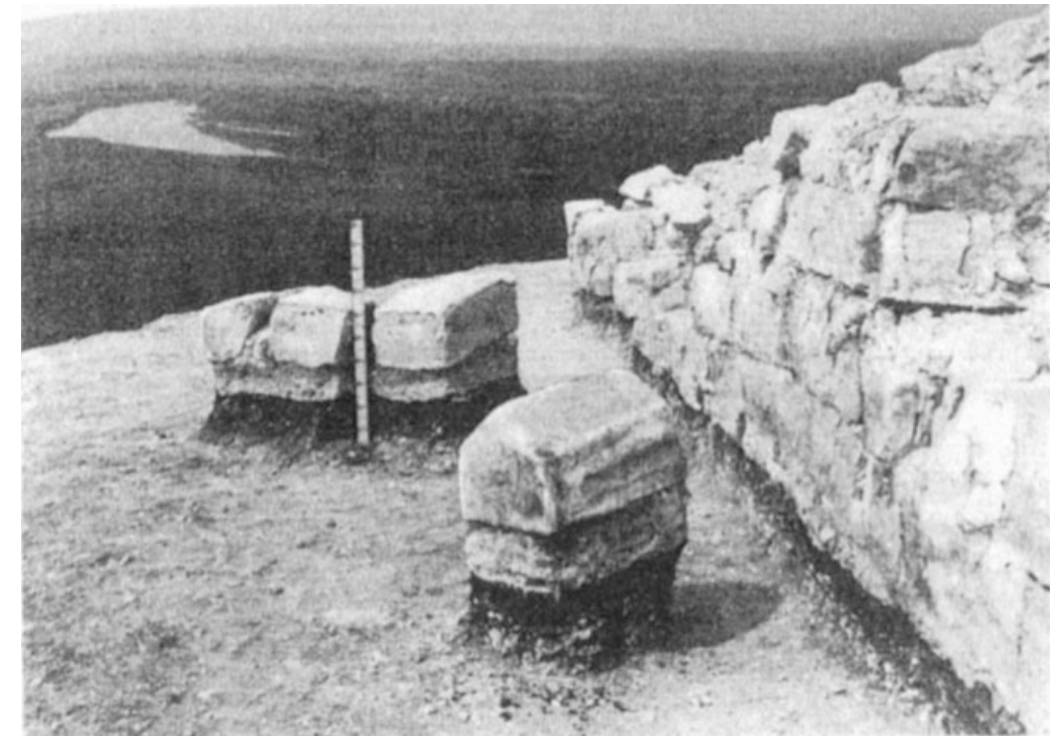
ния главы крепости — наместника кагана — тудуна. За годы работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцкой крепости вскрыто более 4000 кв.м. площади, включая значительные участки оборонительных стен (валов), почти полностью цитадель, перерезан ров и изучена небольшая территория, примыкающая к въезду в крепость с внешней стороны. При раскопках стен Маяцкой крепости открылись остатки средневекового замка, воздвигнутого в лучших традициях оборонного зодчества той эпохи. Стены строились из двух щитов: внутреннего и внешнего, каждый из которых сооружался из больших меловых блоков, вырубленных мотыжками из рва. Блоки ровные, с хорошо обработанными поверхностями, в среднем размером 41,8 × 29,5 × 22,3 см. В настоящее время стены сохранились на высоту не более 2 м, при ширине между щитами 6 м. Ещё в XVII в. они были значительно выше, но в течение долгого времени безжалостно разбирались жителями окрестных сёл и деревень на строительство погребов, сараев, фундаментов домов. Щебеночная забутовка, мел, камни, находившиеся между щитами, в процессе разборки стен рассыпались, образуя вал, который быстро задерновывался, создавая впечатление земляных укреплений. Специальные расчёты показывают, что в момент функционирования крепости высота стен была 5—6 м и ширина, то есть пространство между щитами, также 6 м.

В 1981 г. в работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции приняла участие болгарский археолог, специалист по раннесредневековой каменной архитектуре Дафина Василева, которая предложила свой, достаточно точный и аргументированный план реконструкции Маяцкой крепости.

По её мнению, перед тем, как начать строить крепость, на местности был намечен её план: стены, башни, ворота и т. д. Затем строители спланировали, т. е. выровняли почву под будущими стенами крепости, а точнее под внутренним и внешним щитами, вплоть до того, что пришлось снять не только дерновой слой, но на отдельных участках почву под ним, доходя до материка. На подготовленную таким образом площадку внутреннего и внешнего панциря стены вплотную друг к другу поперек линии стены укладывали для нивелировки первого ряда блоков доски. На доски насыпался тонкий слой меловой щебенки, на который уже устанавливался без раствора первый ряд хорошо обработанных меловых блоков, тщательно подогнанных друг к другу. Как пишет Д. Василева, вероятно, оба щита (внутренний и внешний) строили одновременно на высоту двух-трех рядов блоков. Затем пространство между щитами засыпали слоем глины, с целью его выравнивания (нивелировки), затем в этом пространстве клались деревянные балки — основание будущих деревянных клеток (решёт-

ки), причем эти клетки не подходили вплотную с двух сторон к меловым стенам (панцирям), оставалось свободное пространство 0,4—0,5 м, заполнявшееся меловой щебёнкой. Это делалось для того, чтобы уменьшилось давление на меловые стены, как с внутренней, так и с внешней стороны. Эта решетка (клеть) не создавалась сразу на предполагаемую всю высоту стены, а вероятнее всего сооружалась через определенные интервалы, как вдоль оборонительной стены, так и по её высоте.

Пространство между стенами (щитами) с клетями (решётками) заполнялось меловой щебёнкой. Мастера-строители хорошо знали свойства мела и дерева. Известняк не только предохранял дерево от гниения, но и создавал довольно прочную конструкцию из меловых щитов, засыпанной меловой массой (щебёнкой) и деревянных конструкций. Через каждые два-три ряда блоков панцирей (щитов) для выравнивания (нивелировки) стен укладывались доски [Василева, 1990].

Зубец из парапета Маяцкой крепости. Раскопки Н. Е. Макаренко 1908 г.

Графическая реконструкция стены Маяцкой крепости в разрезе А. Н. Кириллова по материалам раскопок С. А. Плетневой, Г. Е. Афанасьева и исследования Д. Василевой

Верх стены представлял собой площадку, на которой размещались воины — защитники крепости. С внешней стороны площадка была огорожена зубчатым парапетом.

На основе материалов раскопок С. А. Плетнёвой и Г. Е. Афанасьева и анализа этих данных Д. Василевой А. Н. Кириллов предложил один из вариантов реконструкции оборонительных стен Маяцкой крепости.

Ров был выкопан на расстоянии около 8 м от оборонительной стены. Как показали раскопки, ширина его по верху — 7,5 м, по низу — 5,6 м. Глубина 2,5–3,5 м. Для стока воды от стен ко рву сделана небольшая подчистка материка, кроме того, выдалбливались в мелу желоба шириной 0,2–0,25 м. Ров прерывался напротив входа (въезда) в воротный проём

в крепость, где была оставлена перемычка — своеобразный материковый «мост» шириной около 3 м. На нём обнаружено две колеи шириной 0,1 м, расстояние между которыми около 1 м. Это следы от колёс телеги или арбы. Не исключено, что эти колеи были специально сделаны, чтобы телега (арба) не соскользнула случайно в ров, который находился с двух сторон.

Воротный проём в крепость является очень важным элементом крепостного сооружения. При раскопках обнаружены остатки ворот, позволяющие говорить, что ворота располагались на расстоянии около 4 м от внешнего панциря (щита) крепостной стены, открывались вовнутрь, а над воротным проёмом, вероятно, располагалась площадка (настил), на которой находились защитники крепости.

Графическая реконструкция Маяцкой крепости и прилегающего к ней селища А. Н. Кириллова

Рядом с воротным проёмом, справа, если стоять к нему лицом со стороны рва, в стене, между двумя щитами (панцирями) было встроено привратное караульное помещение $2,1 - 3,2 \times 8,85 \times 9,5$ м, т. е. около 28 кв. м. Стены помещения внутри были облицованы деревом, имелось также деревянное перекрытие (крыша).

Раскопки Маяцкой крепости, построенной с учётом всех принципов и требований средневековой фортификационной архитектуры, вызвали определенное недоумение и удивление отсутствием остатков башен по углам крепости, которые теоретически были абсолютно необходимы. Г. Е. Афанасьев, изучавший Маяцкую крепость, высказал мысль в своих работах о существовании здесь в древности если не классических башен, то хотя бы «башенных выступов». Археологический материал раскопок начала XX в. Н. Е. Макаренко и исследования Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции дают возможность для таких предположений. Г. Е. Афанасьев также высказал гипотезу, что юго-западная башня Маяцкого городища могла быть пятиугольной.

Для чего строилась столь основательная крепость, требовавшая не только большого технического мастерства, но и огромных физических затрат большого коллектива людей? Прежде всего, необходимо обратить внимание, что Маяцкая крепость является лишь одной из ряда крепостей, расположенных на Тихой Сосне, очень близких друг к другу и по времени, и по архитектурным особенностям, и по технике сооружения, и, вероятно, по назначению и способу использования.

Г. Е. Афанасьев высказал мысль, что Маяцкая крепость и другие аналогичные сооружения на Тихой Сосне строились прежде всего для обороны от противника, продвигавшегося из Верхнего Придонья, т. е. района концентрации памятников донских славян. По его мнению славяне, освоившие бассейн Дона в последних веках I тыс. н. э., представляли серьезную угрозу для северо-западной периферии Хазарского каганата.

С. А. Плетнёва на эту точку зрения Г. Е. Афанасьева справедливо заметила, что в IX в., когда строилась эта крепость, донские славяне ещё платили дань хазарам и совершенно не логично обороняться от данников. Кроме того, сама крепость была очень мала для того, чтобы вместить население посёлка, примыкавшего к крепости, в случае военной опасности. Само поселение, не имеющее каких-либо укреплений, могло быть разгромлено славянским нашествием в случае, если бы это произошло. Но это не произошло и не могло произойти, т. к. славянский мир и салтовский, т. е. хазарское пограничье в это время не находились в состоянии военно-

го противостояния. А крепости, в том числе и Маяцкая, были поставлены с иными целями и задачами.

Конечно, крепости выполняли и какие-то военные функции, это были своеобразные замки, внутри располагались военные предводители — наместники кагана, со своими домочадцами, обслугой. Крепости были и местом складирования и хранения на какой-то период дани, собираемой с подвластных народов, в том числе и славян. Крепости должны были контролировать и водные, и сухопутные дороги. И, кроме того, крепости — это символ власти, господства, могущества каганата и уже своим видом, архитектурой должны были это демонстрировать.

Кем и как была заселена крепость? За все годы её археологических раскопок исследована довольно значительная площадь, в том числе и на так называемой цитадели или, как ещё её иногда называют в литературе, «внутреннем дворике», хотя далеко не полностью. Выяснилось, что на раскопанной территории крепости жилых построек в виде полужемляночных было мало — не более шести, и эти шесть не одновременны, а существовали в разные хронологические периоды функционирования крепости.

Конечно, кроме жилищ-полужемлянок на территории крепости, в основном во «внутреннем дворике», были и хозяйственные постройки. Но это не означает, что крепость была «пустая» — не заселена. Вероятно, на её территории стояли юрты, в которых жили владелец крепости (тудун), его родственники, домочадцы, возможно, рабы. Следов юрт без раскопок почти невозможно заметить. Их открытие на Маяцкой крепости возможно дело будущего.

Строителям Маяцкой крепости хорошо были известны принципы возведения оборонительных сооружений, которые они претворяли здесь на Тихой Сосне. В белокаменной крепости отразилась, с одной стороны, мощь её владельца, с другой, многовековая традиция строительной культуры, техники; в-третьих, местные, творческие архитектурно-конструктивные особенности.

У многих народов Восточной Европы в эпоху средневековья были оборонительные крепости, напоминающие Маяцкую. Они строились в Крыму, на Северном Кавказе. В основе архитектуры раннесредневековых крепостей северной Болгарии лежат те же строительные традиции, что и в Маяцкой крепости. Заметно и воздействие архитектуры Кавказа, где в эпоху средневековья каменное зодчество достигло своего наибольшего расцвета.

С. А. Плетнёва по поводу истоков архитектурных традиций, нашедших воплощение в Маяцкой крепости, пишет, что «Исследуемая нами Маяцкая крепость была построена в конце IX в. под непосредственным влиянием болгарских зодчих, создавших ещё в начале IX в. белокаменные дворы Плиски... Подданный же кагана — крупный болгарский хан приказал соорудить себе белокаменный замок — Маяцкую крепость по образцу и подобию зданий, которые строились для его высоких родичей на Дунае» [Плетнёва, 1983].

Г. Е. Афанасьев усматривал в Маяцкой крепости византийскую фортификационную архитектуру. Он считает, что крепости Хазарского каганата, в которых просматривается четкая геометрическая планировка оборонительных сооружений, а крепостные стены сложены из каменных блоков или кирпича, имеют аналогии в византийском крепостном зодчестве на Дунае, на Балканах, в юго-восточном Причерноморье, в Северной Африке, на Ближнем Востоке и отражают «...византийско-хазарское сотрудничество в области укрепления северо-западных рубежей Хазарии, заселенных переселенцами с Северного Кавказа хазарскими конфедератами — аланами» [Афанасьев, 2012. С. 117].

Учитывая, размеры меловых блоков, из которых сложены стены Маяцкой крепости, размеры самой крепости, сопоставляя их с системой мер, имевшей место в византийском строительстве крепостей, Г. Е. Афанасьев пришел к выводу, что византийский фут лежал в основе системы мер, применявшихся мастерами при изготовлении меловых блоков для строительства крепостных стен Маяцкого городища [Афанасьев, 2010. С. 132]. Также Г. Е. Афанасьев отмечает, что «...строительство крепости осуществляли специалисты, хорошо знающие византийскую метрологию, византийские архитектурные традиции и умеющие применять их на практике» [Афанасьев, 2010. С. 138].

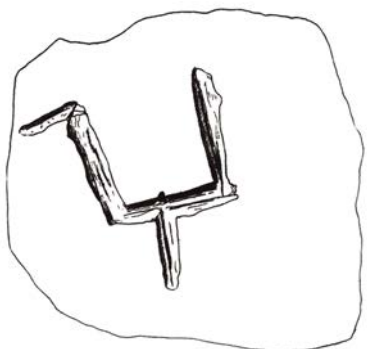
Уже обращалось внимание на то, что строительство одной из важнейших крепостей каганата — Саркела не обошлось без византийских инженеров. Очень многое роднит Маяцкую крепость с Саркелом. Но если при строительстве Саркела источники отмечают непосредственное присутствие византийских архитекторов-строителей во главе с братом жены василевса Феофила Петроны Каматира, то вряд ли на далекой северо-западной окраине Хазарского каганата присутствовали византийские инженеры. Вероятно, организацией и руководством строительства занимались выходцы из среды, возглавлявшей этот переселенческий поток населения, и знакомые с технологией сооружения подобных крепостей, а непосредственными строителями были жители Маяцкого селища.

Вероятно, в рамках хазарской государственности вырабатывались и общие приемы строительного дела, но не без влияния византийских традиций. В то же время каждый район имел свои особенности, связанные, с наличием того или иного строительного материала.

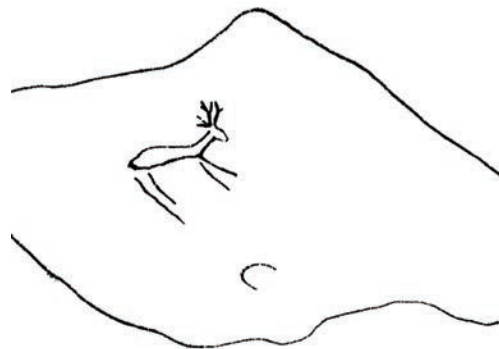
Маяцкая крепость построена из меловых камней-блоков, материала довольно непрочного, который под действием дождя, снега, солнца, ветра быстро крошится и разрушается. Некоторые исследователи предполагают, что время от постройки крепости до начала её разрушения составляет всего лет шесть. С этим можно, конечно, поспорить, но остается безусловным тот факт, что стены крепости не были долговременными. Ещё когда жизнь в крепости и вокруг неё была в полном разгаре, в районе въезда внутреннюю забутовку стены между щитами разобрали, стены обшили деревом и соорудили караульное помещение, о котором упоминалось выше. Маяцкие стены ремонтировались, подправлялись, но ничто не могло остановить начавшееся разрушение.

Много интересного поведали стены Маяцкой крепости. И самое удивительное — это рисунки и надписи на меловых камнях-блоках. Их несколько сотен. Мел — мягкий материал, на который легко твердым острым предметом наносить рисунки, знаки. Эти качества меловых блоков использовали жители Маяцкой крепости и селища. Что это за рисунки, о чем они рассказывают? Они разные. От маловыразительных отдельных частей животных (ноги, головы, рога, уши, хвосты и т. д.) до великолепных жанровых сцен военного или культового содержания.

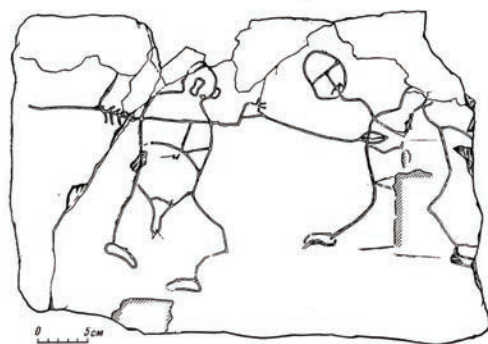
Рисовали воины, которые несли службу на Маяцкой крепости. В связи с этим очень интересные наблюдения о расположении знаков и рисунков на стенах Маяцкой крепости были сделаны С. А. Плетнёвой. Она отмечает, что большинство их нанесено на внешний панцирь (щит) стены, именно в том месте, где могла быть башня или башенный выступ — южный угол. Эти участки стены, по её мнению, были наиболее доступны для рисования. Именно здесь несли службу воины — караул, которые «чертили и рисовали на стене незамысловатые фигуры». Значительное число знаков и рисунков на внутреннем углу также является показателем того, что и здесь стоял караул. Но, наверное, не только воины наносили рисунки. Высокие ровные меловые стены, как огромный мольберт, привлекали к себе всех, у кого было стремление проявить свои художественные навыки. Рисовали прежде всего животных, тех, которые были дороже всего, ближе и ценнее, тех, с которыми человек не расставался даже после смерти. Для жителей Маяцкой крепости это была лошадь — вечный спут-

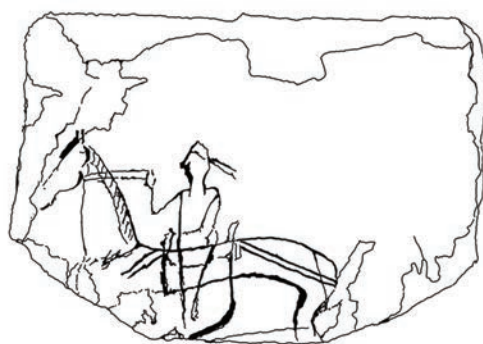
Родовой знак — тамга

Олень

Жанровая сценка — ритуальные пляски

Всадник в ритуально торжественной позе

Верблюд

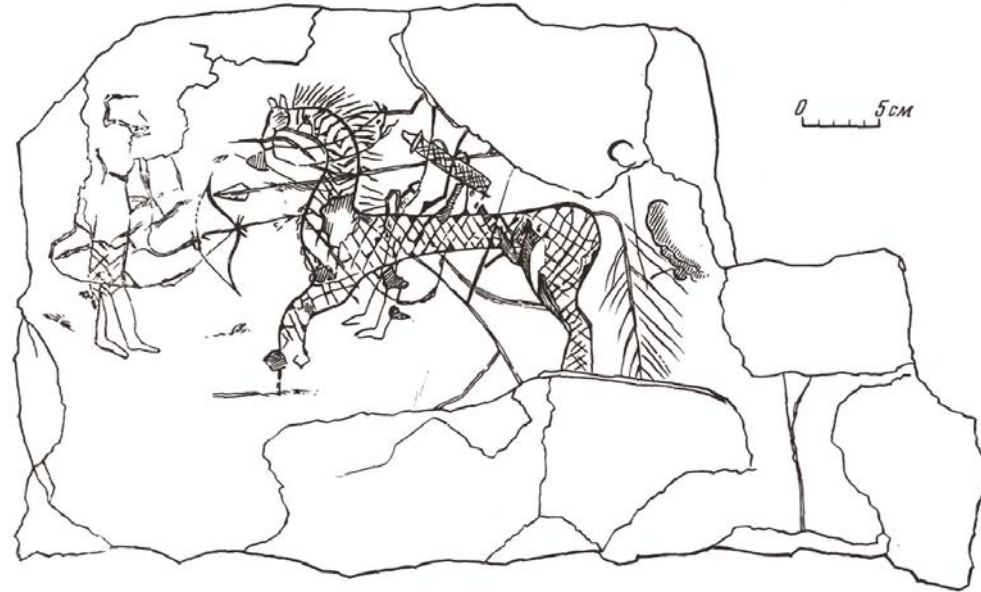
Рисунки на меловых блоках Маяцкой крепости

ник степных жителей. Судя по рисункам, художники хорошо знали животное, его анатомию, повадки. Большинство рисунков выглядят очень динамичными. Кроме лошадей рисовали коз, верблюдов, которые здесь появлялись с торговыми караванами. Вспомним, что верблюды известны и на славянских памятниках в бассейне Дона, о которых речь пойдет ниже. В. Е. Флёрва, занимавшаяся изучением рисунков, знаков, надписей на стенах Маяцкой крепости, высказала предположение, что их нанесение связано с какими-то праздничными обрядами и имело сакральное значение. Но не только рисунки отдельных животных составляют предмет гордости Маяцкой «картинной галереи». Сюжетные рисунки, имеющие художественное и смысловое значение, — вот о них хотелось бы рассказать.

Внимание посетителей Государственного Эрмитажа привлекает один меловой блок из раскопок Маяцкой крепости Н. Е. Макаренко, к сожалению, не полностью сохранившийся, на котором нарисован всадник, гордо, с большим достоинством восседающий на лошади. «Это всадник победитель и покоритель, — тот, которому поклонялись в степи, окружая его образ почти божественным почитанием», — так не без оснований оценивает изображение известный археолог С. А. Плетнёва.

Средневековый историк Моисей Каганкатваци донес до нас интересные сведения о народах Хазарского каганата. Очень живо и выразительно описывает он некоторые обряды, совершаемые в честь главного бога — Тенгри-хана, и среди них ритуальные пляски-битвы: «Барабаны и звоны... битвы на мечах... муж с мужем и толпа с толпой боролись в нагом состоянии» [Цит. по Плетнёва, 1984. С. 74]. Этот отрывок является прекрасным комментарием ещё к одному чрезвычайно любопытному рисунку, на котором изображена сцена ритуальной пляски обнаженных мужчин с оружием, в масках.

В 1980 г. из завала у юго-западной стены был извлечен блок, который буквально поразил всех участников экспедиции. На одной из граней изображена вполне законченная сцена битвы конного вооруженного всадника с пешим лучником. Блок поврежден, но сохранившееся хорошо передает содержание сцены. В одной руке всадник держит поводья, а в другой — древко копья, направленное в сторону лучника. У всадника на левом боку сабля или меч. Тело коня покрыто защитным доспехом. В руках пешего воина лук со стрелой, направленной в коня, стрела вот-вот поразит его. Кто выйдет победителем из битвы — сказать трудно. В рисунке дан обобщенный образ битвы, возникший у художника

Бой всадника и пешего воина. Рисунок на меловом блоке Маяцкой крепости

из частых наблюдений подобных сцен, и привнесены индивидуальные её черты, подмеченные в конкретном эпизоде. На рисунке много оружия: и копьё, и лук со стрелой, и сабля (меч), и защитные латы коня. Не основание ли это для определения воина-всадника как представителя богатого сословия? Ведь не каждый мог заковать лошадь в латы, да и саблей был вооружен не каждый. Значит, рисунок дает интереснейший материал для характеристики социальных отношений населения Маяцкой крепости.

О всех рисунках рассказать трудно. Подчеркнем лишь, что они несут важную информацию о жизни, быте жителей Маяцкой крепости и обитавшего на прилегающей территории (селище) населения, о чём речь пойдет ниже.

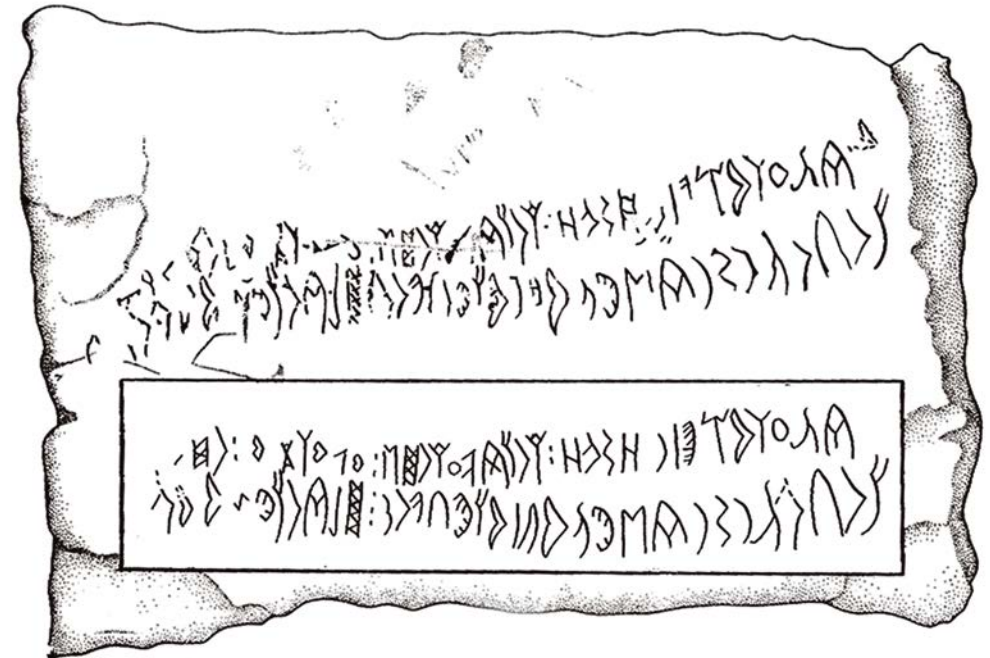
Подобные средневековые рисунки на камнях, сосудах, костяных изделиях встречены на огромных пространствах евразийской степи и лесостепи. В одной из своих последних работ С. А. Плетнёва отмечает, что рисунки на стенах имеют и ритуальное значение: стены были священными, и изображения, тамги (родовые знаки, передающиеся по наследству) на

них являлись как бы своеобразными молениями — просьбами о приросте стада, о победе над врагом, о собственном величии и о ритуальных битвах — возможно, судейского решения поисков справедливости (прав бывал победивший) [Плетнёва, 2002. С. 122].

Стены Маяцкой крепости содержат ещё один очень важный источник для характеристики культуры населения, обитавшего в самой крепости и на селище, прилегающем к ней.

На Маяцком городище собрана коллекция из 18 рунических надписей. Все рунические тексты были вырезаны на меловых каменных блоках, использованных для кладки и внутреннего, и внешнего панцирей стены.

В июле 1978 г. была обнаружена замечательная находка. Разбирали юго-восточную стену. Сразу же под дёрном начинался завал из камней, щебенки, блоков, упавших из верхних рядов. Разборка шла вручную. Тяжелая работа. Необходимо каждый камень поднять, обмести кистью, затем не раз перевернуть, чтобы осмотреть каждую грань, нет ли рисунка, над-

Руническая надпись на блоке из стены Маяцкой крепости и её прорисовка

писи, какого-либо знака. А ведь многие блоки весят до ста и более килограммов. В этот год было обнаружено около 30 различных рисунков. И вот в один из дней в руках студентов-практикантов оказался довольно массивный блок с тщательно обработанными поверхностями. На торцевой стороне блока вырезаны фигурки двух животных, возможно, оленей. На одной из длинных граней две строчки рунической надписи, на другой — одна. Относительно первых двух строк И. Л. Кызласов писал: «Учитывая композиционные и палеографические особенности надписи, можно предполагать, что они начерчены одним человеком и представляют собой текст, состоящий из 76—78 знаков» [Кызласов, 1990. С. 22].

Совершенно ясно, что это какая-то законченная фраза, а может быть, и целый текст. Блок с надписью был тщательно упакован и автомашиной доставлен в Санкт-Петербург (Ленинград) в Государственный Эрмитаж, где после реставрации поступил в распоряжение знатоков древних тюркских рун.

И раньше Н. Е. Макаренко находил на Маяцкой крепости камни с надписями, они прочтены. Одна из них гласит: «Элчи и Атаач и Бука — трое их», другая — «Ума и Ангуш — наши имена».

Надпись на блоке из раскопа 1978 г. — настоящая археологическая сенсация. К сожалению, она до сих пор не прочитана. А хотелось бы узнать и древнее название крепости, когда и кем она построена, на каком языке говорили её жители (хотя есть предположение, что это был один из тюркских языков, воспринятый даже ираноязычными аланами).

«Маяцкое городище — уникальный по числу надписей археологический памятник лесостепной зоны Восточной Европы. Не может быть сомнений в широком распространении грамотности среди жившего здесь в IX в. населения. Остается уточнить, какая среда была носителем письменности. Думается, что это были не только жители самой крепости, но и обитатели ближайших окрестностей, прежде всего примыкавшего к укреплениям селища» [Кызласов, 1990. С. 28].

МАЯЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (СЕЛИЩЕ)

Маяцкая крепость — феодальный замок, внутри которого в цитадели жил со своими домочадцами и слугами наместник кагана из числа алан или болгар, а вокруг на селище жили в полуземлянках и в юртах воины, которые охраняли крепость, а также земледельцы, скотоводы, ремесленники, которые их обслуживали.

Самой крупной территориально и значимой для изучения бытовой культуры частью Маяцкого комплекса является селище, раскинувшееся, как уже говорилось, на всей 30-гектарной площади мыса. Дерновой слой на селище, достигавший местами толщины 0,3 м, нельзя считать в полной мере культурным слоем, т. е. слоем, накопленным во время жизни поселения. Дёрн лежал здесь и 1000 лет назад (и ещё раньше). В него и глубже (в меловой материк) были врезаны основания полуземляночных жилищ и хозяйственных сооружений, хозяйственные ямы и пр. Вокруг построек в период их функционирования накапливались какие-то бытовые отбросы — обычно разбитая посуда, кости животных. Однако отбросы не способствовали образованию культурного слоя, поскольку жители поселений использовали в качестве помоек чаще всего старые заброшенные хозяйственные ямы. После гибели поселения или просто оставления отдельного жилища владельцем в образовавшийся котлован постепенно «сползали» незначительные накопления культурного слоя вокруг жилища. Этими обстоятельствами и объясняется то, что культурный слой на Маяцком поселении очень незначителен.

Остановимся ещё на одной особенности культурного слоя Маяцкого селища, а именно наличии в нём остатков зольных куч, расплывшихся на поверхности в зольные пятна диаметрами в 5—7 м, толщиной в центре до 0,3 м, с находками в них скоплений битой посуды и костей. Один из них удалось обнаружить рядом с комплексом построек (жилищем, хозяйственной постройкой, зерновыми ямами).

Западины от котлованов полуземляночных построек, которые были зафиксированы А. И. Милютиным и Н. Е. Макаренко, и в наши дни прекрасно видны на ровной поверхности селища. В тех случаях, когда высо-

кая трава или лесополосы закрывают поверхность и западины зрительно не выделяются, они нередко хорошо «прощупываются» ногами. Создаётся впечатление, что под ногами волны, по которым то поднимаешься, то опускаешься.

В результате выявления и составления топографического плана западин на всей территории мыса удалось очертить местность, занятую поселением, с большей точностью, чем это было сделано по распространению на поверхности находок обломков керамики.

Фактически проверка «визуальных» наблюдений над поверхностью была уже неоднократно проведена раскопками, начиная с А. И. Милютина и заканчивая работами Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Это дало возможность установить, что западины, как правило, соответствуют не только котлованам жилищ, но и углубленным постройкам различных назначений. Причем, чем меньше углублен котлован, тем, естественно, слабее он выделяется на поверхности в наше время.

Несмотря на некоторые сомнения очевидно, что в целом распространение западин и их расположение на мысу отражают степень и густоту застроенности всей территории и отдельных её участков. Так, даже учитывая, что на северных и восточных участках открыты не все западины (сильная задернованность, утоптанность), можно говорить, что их здесь было заметно меньше (или же меньше было углубленных в материк полуземляночных построек). Наиболее значительные скопления западин прослежены в центральной части поселения.

Несмотря на довольно большую раскопанную площадь (более 5000 кв. м), было вскрыто примерно 1,5–2 % всей территории поселения. На ней было обнаружено и исследовано 55 жилых и хозяйственных построек, 3 общественных здания (святилища?), а также катакомбные и ямные погребения, жертвенники, тризны, хозяйственные ямы. Остались неисследованными более 230–240 зафиксированных западин, которые, конечно, относятся не только к котлованам жилищ, но и другим сооружениям различного назначения. Можно только предполагать, какие замечательные открытия ждут будущих исследователей Маяцкого селища.

Жилища почти все имеют какие-то специфические особенности в конструкции: в расположении отопительных сооружений, внутреннего интерьера, в облицовке стен, и по ряду других признаков. Но, тем не менее, можно наметить то общее, что определяет характер жилых построек Маяцкого поселения в целом.

Основание полуземлянок выдалбливалось в материковом мелу на глубину до 1 м так называемыми мотыжками — одним из самых распространённых орудий труда на всей территории салтово-маяцкой культуры. На меловых скальных стенах котлованов четко видны следы мотыжек, по следам можно определить и размеры орудия труда, их количество, использованное при работе. Площадь углубленных котлованов жилых построек 15–45 кв. м. Полы в них материковые, ровные, обрабатывались довольно тщательно, без какой-либо дополнительной подмазки или покрытия. В полу, вдоль стен и по углам котлованов, расчищены столбовые ямки, в которые ставились столбы — основа деревянной конструкции облицовки стен и крыши построек. В некоторых котлованах вместо ям вдоль стен были выдолблены желоба, в которые укладывались нижние венцы деревянной облицовки стен.

Деревянные конструкции были не только в полуземлянках жилого характера, но и хозяйственного назначения и, прежде всего в погребях, причем в них деревянная конструкция была более массивной, ибо они должны выдержать большую массу земли, которой перекрывались эти постройки для сохранения внутри в любое время года микроклимата.

В некоторых полуземляночных постройках вдоль стен оставлены материковые останцы, предназначенные для каких-то хозяйственных нужд (в них имеются округлые углубления для установки сосудов), или использовавшихся возможно в качестве своеобразных ремесленных площадок, или в конечном счёте просто лежанок. Во многих постройках в полу расчищено значительное число небольших столбовых ямок, связанных, по всей видимости, с установкой различной мебели в доме.

Вход в жилище предваряется коридором, который нередко выполнял хозяйственные функции. К некоторым жилищам примыкают специальные хозяйственные пристройки для содержания, вероятно, в зимнее время в них молодняка скота. В ряде полуземлянок выдалбливались ямы-хранилища для различных продуктов.

Кроме полуземлянок на Маяцком селище есть и наземные или слегка углубленные в материк жилища, напоминающие юрты — неизменные спутницы кочевников. Но население Маяцкого селища, конечно, оседлое, и довольно капитальные строения полуземлянок, предназначенных для длительной жизни на одном месте, — тому подтверждение.

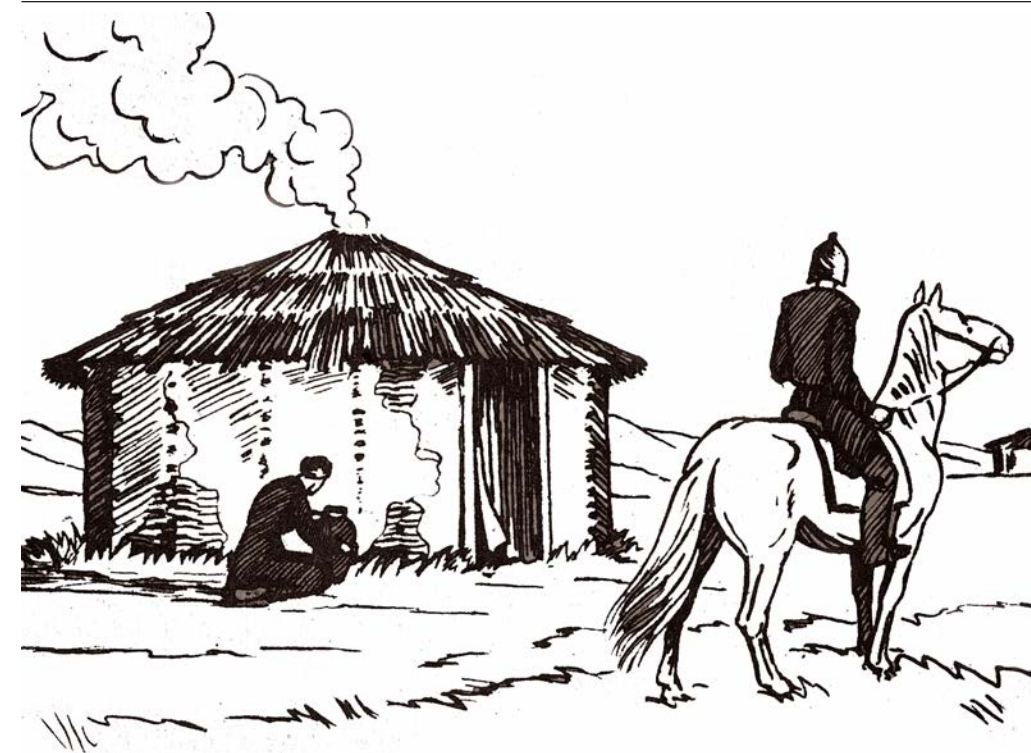
Полуземлянки у алан и болгар, живших на Маяцком селище, появились в результате освоения ими холодных по сравнению с их да-

лекой кавказской и приазовской родиной районов. Более суровые условия лесостепи требовали теплого жилища, и алано-болгары, не без влияния славян, очень быстро научились строить полуземлянки. Но они не копировали полностью многовековые славянские традиции: отличительной особенностью их жилищ является расположение очага в центре, а не в углу, как у славян. И даже в тех постройках, где имелись печи в одном из углов, традиция строительства очага в домах людей, бывших десятки или даже сотни лет назад кочевниками, побеждала и сохранялась почти повсеместно — наряду с печами часто сооружались в центре пола и очаги, если это представлялось возможным. Очаги разные: и углубленные в пол, и неуглубленные, но огороженные камнями, и глинобитные тарелкообразные. Очаги тщательно чистили. Не обнаружено ни одного очага, заполненного золой. Зола складывали в специальных местах, и она была предметом почитания и поклонения.

Очаг в центре — не просто устойчивая традиция. Этим обуславливались типы посуды, в которой готовилась пища. Если у славян — горшки, которые ставили в печь или на печь, то у алано-болгар — котлы с ушками, за которые они подвешивались над очагом. В одной из полуземлянок на Маяцком селище в очаге лежал раздавленный котёл.

У многих современных народов Кавказа ещё недавно широко бытовали открытые очаги с надочажной цепью, которая считалась семейной святыней. С ней связывали различные обряды и верования, ей приносили жертвы. У чеченцев и ингушей надочажная цепь играла большую роль в свадебных обрядах. Человек, спасаясь от преследования, мог вбежать в дом и, если он успевал схватиться за надочажную цепь, он был вне опасности. Таким путем он мог избавиться даже от кровной мести, находясь в доме им убитого. Старые цепи никогда не выбрасывали, не обменивали и не продавали. Может быть, этим можно объяснить тот факт, что на Маяцком селище ни в одном случае не обнаружена ни цепь, ни её звенья.

Жилища-полуземлянки Маяцкого поселения большей площади (более 20 кв. м), более просторные и удобные, принадлежали, по всей видимости, привилегированной части жителей поселения. К таким можно отнести и полуземляночные постройки в крепости. В них наблюдаются некоторые «усовершенствования» сооружения печей в углах, обкладка очагов камнем и глиной, лежанки и пр.

Кочевническая юрта. Реконструкция В. С. Флерова

Значительное место в жизни поселения занимали наземные хозяйственные постройки, служившие в качестве вспомогательных помещений. В одной из них располагалась ручная мельница. Площадь её 28 кв. м. В ней выявлено специальное мельничное устройство с кусками разбитого жернова. Тарелкообразный очаг с сильно прокаленной поверхностью, свидетельствующей об интенсивном его использовании, служил для просушки зерна перед помолом и для обогрева помещения. В постройке располагалась огромная зерновая яма колоколовидной формы, глубиной 2,68 м, диаметр по верху 1,3–1,6 м, по дну 2,45 м, в который можно было поместить не одну тонну зерна. Эта яма после прекращения функционирования постройки по своему прямому назначению была использована в качестве дромоса и в ней была выдолблена довольно массивная катакомба для богатого захоронения, которое впоследствии было разграблено.

Маяцкое селище.
Котлован полуземляночной постройки 13

Ещё одна наземная постройка использовалась жителями Маяцкого поселения в качестве гончарной мастерской. В ней обнаружены остатки производства: глина, ямка от вбитого в пол кола — оси гончарного круга. Работали в ней в отличие от профессиональных ремесленных мастерских, открытых на окраине поселения, только в летнее время. Это было домашнее производство посуды, рассчитанное только для внутренних нужд отдельно взятой семьи.

Кроме того, выявлены наземные постройки без каких-либо отопительных сооружений, предназначенные для содержания скота, для привязи животных (лошади). Они сооружались, как правило, в стороне от жилых комплексов.

Одним из типов хозяйственных построек являются хозяйственные ямы, выдолбленные в материковом мелу, достаточно стандартной, вполне устойчивой так называемой «грушевидной» формы, т. е. расширяющиеся

к низу, иногда повторяя форму кувшинов. В плане они круглой формы. Это, как правило, зерновые ямы, своеобразные амбары. Некоторые ямы, повторяя форму кувшинов, имеют у устья небольшое углубление, напоминающее слив (носик) кувшина, служившее для вентиляции. Над ямами были деревянные перекрытия различной конструкции, которые, конечно, не сохранились.

Одной из особенностей Маяцких построек является устройство в некоторых из них, по какой-то причине заброшенных, катакомбных погребений. Этот обычай особенно ярко выявлен при исследовании хозяйственных построек, котлованы которых были вырыты в меловом материке, как правило, глубже котлованов жилых построек. Это так

Маяцкое селище.
Котлован полуземляночной постройки 19

называемые погребца, квадратные или прямоугольные, в плане разделенные перегородкой на две равные части. Так как погребца были достаточно глубокими, в их стенах было удобнее выкапывать катакомбы. Одним из первых такой комплекс исследовал А. И. Милютин, и с тех пор сложилось представление, что им был открыт Маяцкий могильник. Но только работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции позволили сделать вывод, что это не специальные погребальные сооружения, а приспособленные под них хозяйственные постройки. Возможно, эти погребца-хранилища запасов продуктов считались особо почитаемыми, табуированными постройками, и поэтому после прекращения использования по каким-то причинам по прямому назначению их стали использовать в качестве дромосов в погребальных сооружениях.

Почти все обнаруженные на Маяцком селище типы как жилых, так и хозяйственных построек, встречены на других памятниках салтово-маяцкой культуры, включая Саркел на Нижнем Дону.

* * *

Аланы, основное население Маяцкого селища, на своей родине в Предкавказье заселяли места, удобные для занятия сельским хозяйством, с наличием воды и хороших пастбищ для скота. Всем этим условиям соответствует расположение Маяцкой крепости.

О развитии земледелия у народов Хазарского каганата мы знаем из письменных источников. Один из арабских путешественников — Ал-Истахри писал: «Летом они выходят на пашни... для посевов, собирают хлеба частью над рекой, а частью в степи, и перевозят хлеба свои на повозках и рекою на судах» [Цит. по Плетнёва, 1967. С. 144].

Данные археологии являются прекрасным дополнением к выразительному сообщению средневекового автора. Правда, на самом Маяцком селище не найдено никаких земледельческих орудий, не считая небольших мотыжек, использовавшихся для выкапывания котлованов под жилища и могильных сооружений, а также, вероятно, и для обработки почвы. На других же алано-болгарских поселениях обнаружены и лемехи, и тяжелые мотыги, применявшиеся в земледельческом хозяйстве. Но на Маяцком селище найдены серпы, которыми убирали урожай, жернова, которыми растирали зерно, получая муку. Раскопано на Маяцком селище и специальное помещение с большой ямой, о которой речь шла выше, где могла храниться не одна тонна зерна, ямой для ручной мельницы и очагом для просушки зерна перед помолом.

Жители Маяцкого селища, наряду с земледелием, занимались и скотоводством. Причем скотоводство их заметно отличалось по составу стада от чисто кочевнического. Подавляющее большинство костей (94,6 %) принадлежит домашним животным и лишь 6 % составляют кости диких животных как результат охоты. Разводили крупный рогатый скот (коров, быков), лошадей, свиней и мелкий рогатый скот (коз, овец). Значительные размеры свиноводства (23 %) свидетельствуют о прочной оседлости населения, ведь совершать даже недалекие перекочевки со стадами свиней практически невозможно. Из орудий для ухода за скотом найдены только путы для лошади, а в погребениях — ботала.

Жители Маяцкого селища занимались рыболовством. Близость Тихой Сосны и Дона давала для этого все возможности, хотя костей рыб и чешуи на селище немного.

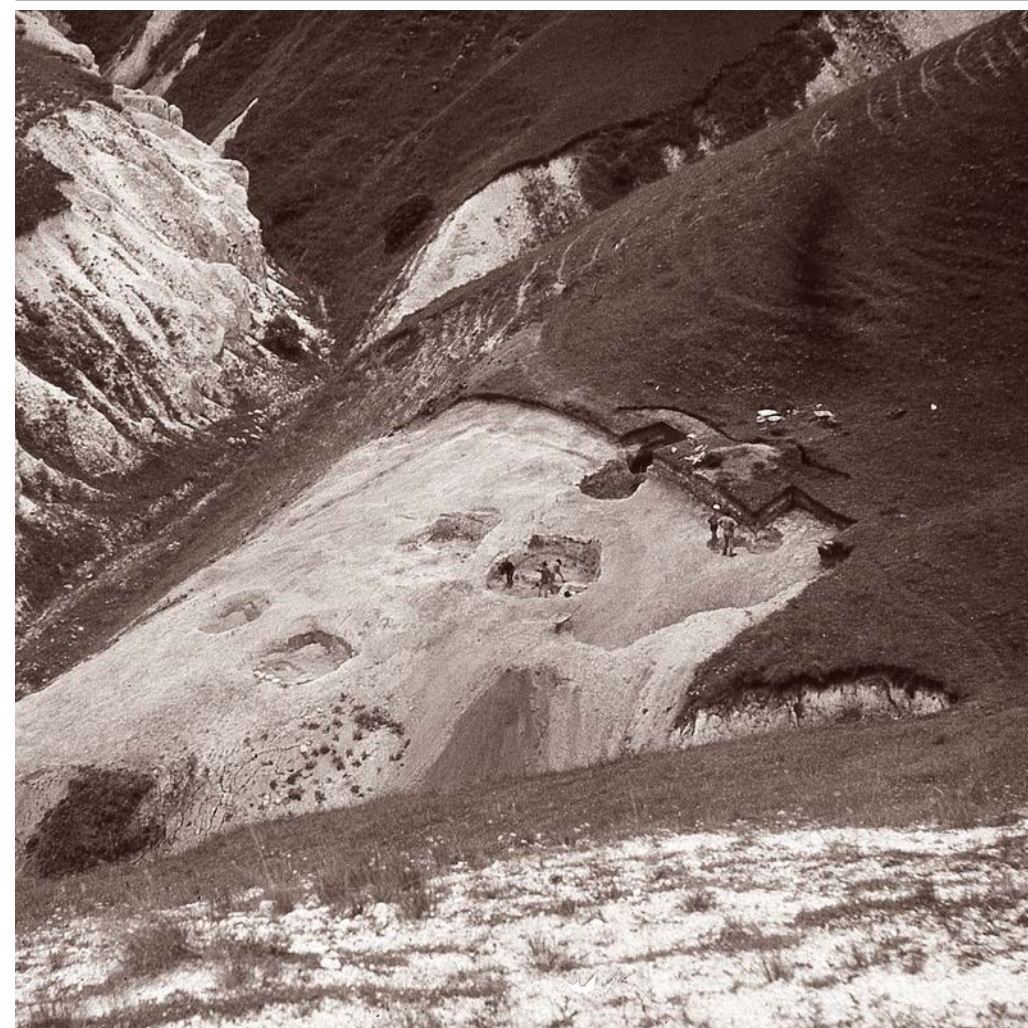
Мало и орудий труда кузнецов по железу и ювелиров, а сами изделия обнаружены главным образом в погребениях как инвентарь, сопровождающий умершего в иной мир. Не найдено и железных шлаков, которые всегда свидетельствуют о местной металлургии. В районе Маяцкого городища нет выхода болотной железной руды — необходимого сырья для получения железа. Может, жители Маяцкого селища получали металл в готовом виде, а может быть, приобретали железные изделия из какого-либо ремесленного центра? Один из предполагаемых металлургических центров открыт у села Поляны недалеко от села Верхний Мамон на левом берегу Дона. Здесь обнаружены десять сыродутных горнов, один из которых раскопан. Он представлял собой яму диаметром около метра и такой же глубины, заполненную железным шлаком, прокаленным песком.

Довольно крупные металлургические комплексы открыты у с. Ездочное Чернянского района, а также на Ютановском поселении Волоконовского района Белгородской области учителем Волоконовской средней школы, руководителем краеведческой группы «Алан», много сделавшим для изучения салтово-маяцкой культуры в Поосколье, А. Г. Николаенко. Если у с. Ездочное выявлен один железоплавильный горн, то на Ютановском поселении их выявлено значительное количество. Все они сооружены по одной схеме. Выкапывалась шахта, глубина которой в материке достигала более 1 м, в которую помещалась глиняная колба для выплавки железной руды. С двух противоположных сторон колбы находились два отверстия для сопел.

Особо следует сказать о керамическом производстве. Почти вся посуда изготовлена на гончарном круге в мастерских специалистами-ремесленниками, хорошо знающими своё дело. Основываясь на их традициях, впитав опыт античных центров Причерноморья и Нижнего Дона, византийских мастеров, являясь следствием тесных контактов кочевых, полукочевых и оседлых племён, керамическое производство населения Хазарского каганата стало передовым в раннесредневековой Восточной Европе.

Наличие ремесленных центров по производству керамики отнюдь не исключало её домашнего изготовления, но даже такая посуда отличается и стандартностью форм, и неплохим качеством. Но все-таки господствующей была керамика ремесленного производства. И именно такой центр был изучен на Маяцком селище, точнее на его северо-восточной окраине: в одной из лощин было обнаружено огромное скопление обломков разнообразной керамики. Поразила необычность места, ведь оно ниже поверхности мыса, на котором расположено селище, почти на 30 м. Разные высказывались догадки. И лишь раскопки открыли небольшой посёлок гончаров. Здесь были вскрыты и исследованы четыре гончарные мастерские и остатки четырёх гончарных печей. Все мастерские сооружались по одному плану. Это полуземляночные, почти квадратные в плане постройки, площадью 14–17 кв. м, с односкатной крышей. Довольно одинаков и внутренний интерьер построек. Каждая постройка делится на две части. В южной части нет никаких значимых или определённых следов производства. Эта часть построек отделяется от остальной площади порогом-ступенькой. Северная часть построек явно производственного характера. Здесь обнаружены ямки от осевых колов гончарных кругов. В некоторых постройках таких ямок было несколько. На полу вокруг этих ямок прослежены остатки производственной гончарной глины. Здесь же располагались очаги, служившие для обогрева построек, в которых работали и в холодное время года. В северо-западном углу всех построек в больших прямоугольных материковых или деревянных корытах выявлены запасы производственной глины. Южные части мастерских были предназначены, вероятно, для просушивания готовых сосудов и для подготовки их к обжигу.

Рядом с мастерскими сооружались гончарные печи, широко распространённые в Восточной Европе в конце I — начале II тысячелетия н. э.: двухъярусные, круглые в плане.

Исследование гончарных мастерских и печей

Для того, чтобы и мастерские, и печи не заливались ни дождевыми водами, ни талой водой, на склонах было сооружено несколько дренажных канав, которые пересекали склоны мыса и отводили воду от построек. Этот гончарный производственный комплекс снабжал керамической посудой не только жителей Маяцкого поселения, но и другие поселения салтово-маяцкого круга, располагавшиеся по Тихой Сосне и на Дону.

Все постройки и горны буквально завалены обломками посуды: кружки, кубышки, кувшины, пифосы, горшки. Чем можно объяснить наличие гончарного «хутора» в стороне от поселения? Близостью к сырью? Нет, там нет гончарных глин. Да и само место чрезвычайно неудобно. Так что же заставило гончаров скрыться от «постороннего» глаза?

У многих даже современных народов представители «огненных» профессий, какими были, например, металлурги, считались людьми, обладающими магической силой. Нередко они внушали страх другим членам племени, так как, по поверьям, общались с таинственными духами огня и земли. Они заботились о сохранении секретов профессии и нередко свои плавильни и мастерские устраивали в стороне от поселений. К этой же категории мастеров-ремесленников, которые держали в секрете своё

1. Котел

2. Водолей

3. Пифос

4. Пифос-кувшин и кувшин

5. Чернолощенная кружка с зооморфной ручкой

6. Кубышка с петлевидной ручкой и налепными шишечками

7. Чернолощенный кувшин

8. Кувшин с налепными шишечками

9. Серолощенный горшок

Клеймо на дне сосуда

Типы керамики алано-болгарского населения Маяцкого селища.
1, 3–9. Из фондов музея археологии ВГУ. 2. Из фондов музея-заповедника «Дивногорье»

производство, передавая его по наследству в рамках замкнутого клана, могли принадлежать и гончары. У некоторых народов, в частности у горных таджиков, гончары считались колдунами, а на некоторых алано-болгарских поселениях встречены специальные захоронения гончаров вдали от основного кладбища, в заброшенных жилищах.

Маяцкие гончары также предпочли работать в стороне, сохраняя в тайне свои приёмы производства. Вряд ли они там жили постоянно, но работали только там.

Посуда, изготовленная ими, очень высокого качества: хорошо промешанное тесто из специально подобранной глины, лощеные поверхности коричневого, черного, серого, желтого цветов.

Открытые мастерские несомненно свидетельствуют о глубоких профессиональных познаниях маяцких гончаров, а изолированность от населения — о выделении этого ремесла в самостоятельную производственную отрасль, специализировавшуюся на изготовлении товарной продукции, продававшейся как на самом поселении, так и в округе.

* * *

Народы Хазарского каганата, в том числе и жители Маяцкого городища и селища, придерживались языческих воззрений на мир, природу. Лишь господствующая верхушка — каган, феодалы приняли иудейскую религию, но рядовое население оставалось язычниками.

Яркое проявление язычества — амулеты, которые изготавливали из костей, зубов животных (лисицы, собаки, волка и т. д.). Некоторые амулеты, изображавшие животных, отливались из бронзы. Изображения почитаемых животных можно видеть на различных предметах: поясных наборах, оружии, колчанах, на бытовой утвари.

Верили и в различные божества. Ибн-Фадлан, арабский путешественник, побывавший в земле хазар, писал: «Верование их таково, что у дня и ночи, и ветра, и дождя, и земли, и неба — у каждого в отдельности — есть «бог», но «бог» неба больше, чем остальные». Сведения о религии народов каганата содержатся в труде армянского историка VII в. Моисея Каганкатваци. Он писал, что они «приносили жертвы огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными». Может быть, для жителей Маяцкого селища и крепости такими «удивительными творениями» были «Дивы» — каменные столбы, может быть, именно под их покровительством и строилась крепость?

Одним из главных божеств у населения Хазарского каганата был Тенгри-хан — великий бог неба и света. Тенгри как неперсонифицированное мужское божественное начало, распоряжающееся судьбами человека, народа и государства, представлен в древнетюркской мифологии. Поклонение своему божеству Тенгри-хану наблюдается ещё у западных тюрков — савиров. Тенгри-хан мыслился огромных размеров, что по всей вероятности должно было отражать космические масштабы небесного бога, тождественного самому небу, а титул «хан» указывал на главенствующее положение во вселенной или пантеоне богов [Мифы народов мира, 1994. С. 500]. Это о нём писал Моисей Каганкатваци: «... Чудовищный, громадный герой», ему «посвящали деревья, строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых поливали

Амулет с парными птичьими головками. Бронза. Из фондов музея археологии ВГУ

Лунница-амулет. Из фондов музея археологии ВГУ

Бронзовый амулет с соколиными головками. Маяцкое селище. Из фондов музея-заповедника «Дивногорье»

вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья» и «вся страна... поклонялась... и получала благие дары от идолов, капищ и от поклоняемых деревьев...». Такое капище-святилище было сооружено и на Маяцком селище.

В Центральной части одного из мысов поселения, раскопанного полностью, находилась «западина» — округлой формы, диаметром около 4 м, глубиной 0,3–0,35 м. Обычная «западина», каких очень много на площади поселения, трудно было предположить, что это остатки уникального сооружения, какие до сих пор не были известны на территории лесостепной Хазарии. Это полуземляночная постройка № 21, хорошо прослеживаемая по столбовым ямам, ориентированная углами по сторонам света. Ее размеры 6,34 × 8,3 м, т. е. 52,6 кв. м. Юго-восточная стена углублена в материк на 0,28 м, в северо-западном направлении углубленная часть постройки в связи с наклоном материка и стремлением сделать пол её ровным сходит на нет, и она приобретает фактически наземный характер, и контуры её выявляются только по столбовым ямам. По четырем углам постройки выявлены округлые глубокие — 0,4–0,8 м, диаметром 0,18–0,32 м ямы от столбов, между которыми также в материковом полу расчищены столбовые ямы. Их размеры 0,32–0,8 × 0,4–0,71 м, глубина 0,22–0,28 м. Во всех этих и угловых столбовых ямах обнаружены мелкие древесные угольки. Столбовые ямы являются остатками некогда существовавшей здесь деревянной конструкции.

Почти в центре юго-западной стены к постройке примыкает небольшая пристройка (тамбур), т. е. вход в постройку был не непосредственно с улицы, а через тамбур. Его размеры 0,7 × 1,7 м. Рядом с входом, несколько к северо-западу от него обнаружены черепа трёх свиней. В момент функционирования постройки они были замурованы в стену и, вероятно, связаны с жертвоприношениями в период строительства данного сооружения.

В этот большой квадрат, точнее прямоугольник, постройки вписан (встроен) несколько меньший квадрат — 4 × 4,9 м, стены которого идут параллельно стенам большого квадрата. С юго-востока это внутреннее сооружение углублено на 0,18 м в виде ступеньки шириной 0,18–0,44 м. В северо-западном направлении эта внутренняя конструкция сходит на нет, и также как внешняя, обозначена только столбовыми ямами. Здесь, у северо-западной стены расчищена каменная площадка (вымостка) размером 0,9 × 1,46 м, сложенная из отдельных меловых плиток. В южном углу этого квадрата расчищена большая округлая в плане яма диаметром 0,8 м, глубиной 0,57 м. Яма цилиндрической формы. По периметру дна, вдоль стен, расчищена небольшая канавка, служившая для установки нижнего венца деревянной обкладки стен ямы. Таким образом, эта яма представ-

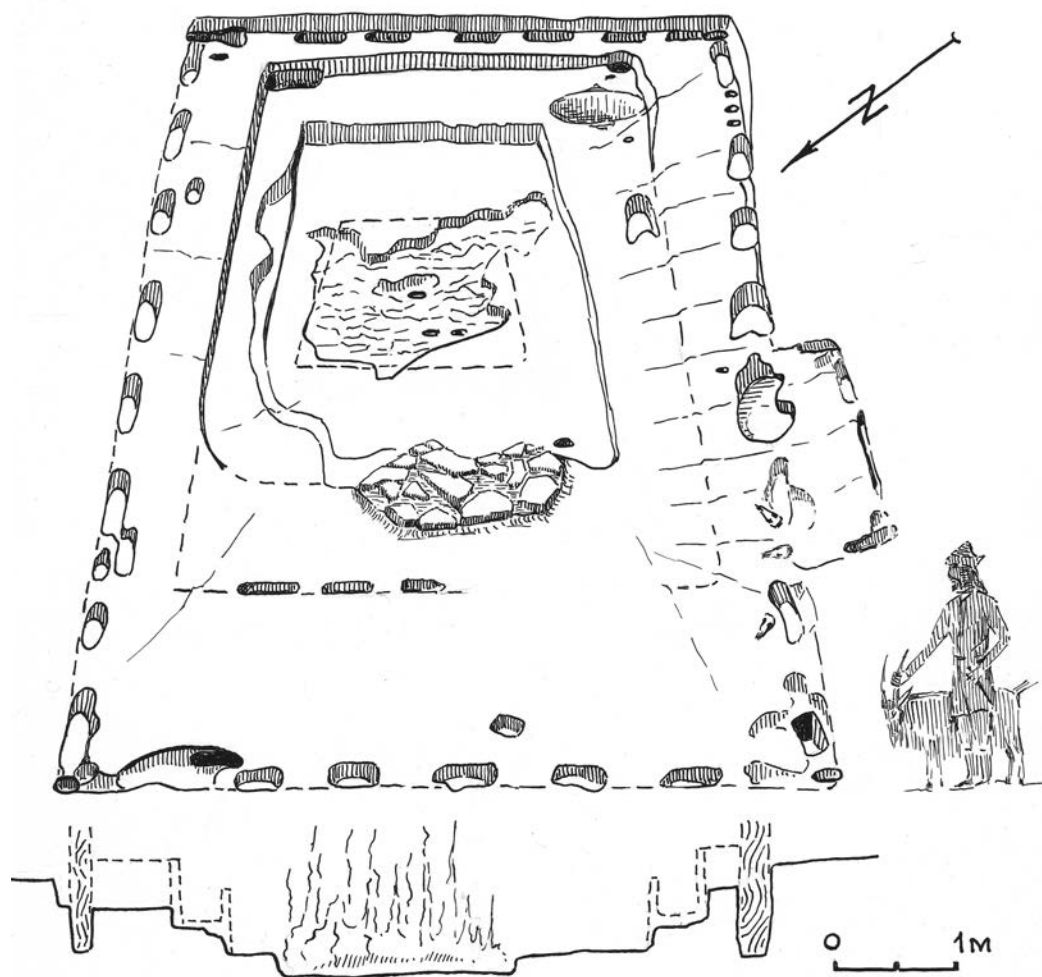
ляла собой своеобразную бочку, выдолбленную в мелу. С северо-запада и юго-востока, напротив друг друга, у верхнего края ямы сделаны выемки по форме слива кувшина, возможно для вентиляции воздуха внутри ямы.

В центральной части внутреннего квадрата выявлено ещё одно почти квадратное углубление в материке на 0,1–0,16 м, размером 3,5 × 4 м, стенки которого довольно четко прослежены с юго-западной и юго-восточной сторон. С северо-запада данный квадрат ограничен каменной вымосткой (площадкой). Северо-восточная стена этого углубления прослежена менее четко и с этой стороны довольно хорошо прослежены следы подработки пола мотыжкой.

В центральной части этого, по существу, третьего квадрата (углубления) прослежены остатки большого кострища, от которого в материковом мелу образовалось бесформенное углубление размером 1,5 × 2 м, пол которого под действием огня потрескался, раскрошился, прокаленность его довольно значительная. В центре кострища расчищено три округлые ямки диаметром 0,11–0,17 м.

Святилище на Маяцком селище. Постройка № 21

Частичная реконструкция святилища на Маяцком селище
С. А. Плетнёвой

Что можно сказать о назначении данной постройки? Сразу отпала версия о её жилом характере или хозяйственном назначении. И в ходе раскопок данного комплекса, и в последующем, когда обрабатывался полученный материал, возникло достаточно аргументированное предположение, что мы имеем дело с совершенно необычной постройкой. Размеры,

планировка концентрическими прямоугольниками, постоянно горевший огонь, каменная площадка, деревянный сосуд-бочка, три черепа свиней у входа — все это позволило высказать мнение о принадлежности данного сооружения культовой постройке — святилищу. Некоторое дополнение и разъяснение о характере данного сооружения, способе его использования дало изучение ряда комплексов, примыкающих к данной постройке и открытых в ходе раскопок.

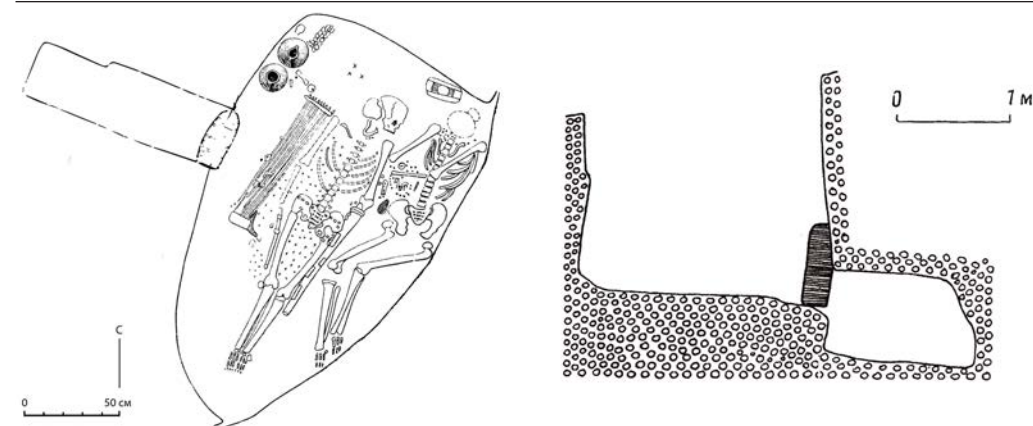
Дромос и вход в катакомбу № 1 Маяцкого селища

С запада и юго-запада к рассматриваемому сооружению примыкают пять катакомбных захоронений, четыре жертвенника, остатки тризны в виде нескольких глиняных сосудов, постройки, предназначенные для подготовки определенных ритуальных действий. Из погребений богатством инвентаря, тщательностью совершённого погребального ритуала выделяется катакомба № 1, расположенная в нескольких метрах к юго-западу от входа в постройку — святилище.

В меловой скале выдолблен мотыжками довольно глубокий дромос — около 2 м, длиной 2,7 м, шириной около 0,6 м. В центре южной стены был вход в камеру шириной 0,5 м, высотой около 0,4 м. Вход был закрыт очень плотно меловой плитой, обмазанной по периметру глиной и мелкими кусками известняка.

Когда убрали плиту, закрывавшую вход в погребальную камеру (катакомбу) и представилась возможность заглянуть внутрь, то открылась интересная картина. Камера была совершенно свободна от земли, все вещи лежали на своих местах, все в камере было так, как её оставили люди более тысячи лет назад.

На полу находились два погребения: мужчины 30—40 лет и женщины 30 лет, лежащие головами влево от входа. Скелет мужчины располагался в центре камеры вдоль её длинной оси, вытянуто на спине на угольной подстилке. На костях скелета видны были остатки матерчатой и кожаной одежды, а также шапочки или шлема и кожаной обуви. С левой стороны рядом со скелетом лежала сабля в ножнах. Деревянные ножны обтянуты кожей, а с внешней, лицевой стороны дополнительно обклеены берестой. К ножнам крепились две деревянные, обложенные и окантованные кожей, обоймы с железными кольцами для ремней португеи. Сабля состояла из слабо изогнутого клинка, длиной 0,84 м и шириной до 4 см, завершаемого обоюдоострым концом, из стержня рукоятки и перекрестия. Деревянные обкладки рукоятки не сохранились. Справа от костяка лежал железный шар кистеня. Под нижней челюстью погребённого найдены три стеклянные бусины, на левой руке — бронзовый витой браслет с остатками войлочной ткани. В левом переднем углу катакомбы лежали кости барана (жертвенного животного) и стояли два узкогорлых кувшина. У правого бедра погребённого лежали деревянные ножны с железными ножами. Здесь же, справа от скелета, находился берестяной колчан со стрелами, в котором были девять одинаковых древков стрел с трехлопастными наконечниками. Древки круглые с вырезом для тетивы и берестяной обмоткой у основания наконечника. Длина стрел 0,75—0,8 м. На тазовых костях зафиксированы остатки кожаного пояса. Слева от входа в камеру лежали мотыжка и боевой топорик.

План и разрез катакомбы № 1 Маяцкого селища

У задней стенки камеры вполоборота к мужчине лежал скелет женщины со слегка подогнутыми ногами. В районе черепа обнаружены бронзовые бубенчики с фрагментами ткани от головного убора. У правого плеча и локтя правой руки найдены бусы и большое количество бисера. Здесь же лежало небольшое зеркало, медная копоушка, деревянный футляр с растительным орнаментом, выполненным белой и темной краской, два совершенно одинаковых стеклянных перстня. Здесь же была и бронзовая шумящая подвеска в виде лошадки с шестью подвешенными к ней «лапками» — ромбами. На туловище лошади видны следы ремней. Подвеска крепилась с помощью двух петель и ремешков, которые частично сохранились.

Коньковые шумящие подвески из погребений Маяцкого селища:
1 — катакомба № 1; 2 — катакомба № 3. Из фондов музея археологии ВГУ

Эта подвеска совершенно необычная для алано-болгарских древностей. Она длительное время была в употреблении и подверглась ремонту, следы которого хорошо видны. Центр изготовления таких подвесок — восточно-финский мир, где-то в бассейне Оки. Попала она сюда или в результате торгово-обменных операций, или как трофей военных походов.

В районе таза погребенной лежал кожаный мешочек, отделанный внутри войлоком и тканью, в котором находилась бронзовая фибула. На костях скелета прослежены многочисленные остатки одежды из кожи и ткани. Около головы выявлены фрагменты берестяной шкатулки 0,22 × 0,1 м, украшенной изогнутыми деревянными пластинами с трехцветным орнаментом: на желтом фоне растительная композиция, контуры которой выполнены черной, а заполнение красной красками. В шкатулке в кожаном футляре лежал двусторонний деревянный гребень. Рядом со шкатулкой в кожаном футляре с войлочной прокладкой лежало небольшое бронзовое зеркальце. Под этим погребением угольной подстилки не было.

Это очень богатое захоронение, в котором погребён знатный воин и, вероятно, рабыня-наложница, сопровождавшая воина в загробный мир. Рядом со святилищем совершен ещё ряд захоронений, но они значительно уступают первому по богатству инвентаря.

Знатный воин (возможно, глава общины) и, предположительно, члены его семьи были похоронены у стен святилища. Может быть, этим и объясняется, что погребения оказались такими богатыми и интересными для археологов.

Жертвенники представляют собой ямы, выкопанные частично в почве, в том числе и в культурном слое, частично в меловом материке. Глубина их материкового основания различна: 0,08 м до 0,7 м. В плане они круглой или овальной формы. Размеры 0,6 до 3 кв. м. Жертвенники содержат, как правило, черепа, ребра, кости конечностей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Выделяется один из жертвенников (№ 4), который содержал кости 17 особей коз (черепа с рогами, челюсти, конечности). Обращает на себя внимание набор костных остатков в жертвенниках. Он свидетельствует о том, что все лучшие (мясные) части туши животных шли в пищу во время различных ритуалов, а всё остальное приносилось в жертву богам.

С запада и юго-запада этот культовый комплекс ограничивают две незначительные постройки. Основания этих построек углублены в материко-

вый мел на 0,3—0,34 м. Обе они овальной формы площадью 4,5—4,8 кв. м. В одной из них (№ 16) нет никаких отопительных сооружений, во второй — два небольших открытых очага. Обе постройки явно не жилого характера. Они были предназначены, вероятно, для подготовки или свершения каких-то ритуальных обрядов. Это так называемые «служебные помещения» при культовом комплексе.

Безусловно, представляет интерес интерпретация некоторых деталей святилища, предложенная З. Х. Албеговой и М. Г. Гусаковым. В частности, общую ориентировку сооружения связывают с летним солнцестоянием и восходом луны в весеннее и осеннее равноденствие. Кроме того, ими проанализированы жертвоприношения свиней у входа в постройку, на основании которых авторы относят данное святилище к кругу аланских древностей, что является довольно спорным.

Жертвенник с костями животных № 4.
Маяцкое селище

На расстоянии чуть более 20 м к востоку от этого культового комплекса выявлен ещё один, во многом аналогичный комплекс, состоящий из постройки по конструкции идентичной рассмотренному святилищу (постройка 45), шести катакомб его окружающих и одного жертвенника, сооруженного рядом с юго-западной стеной постройки. Если постройки — святилища конструктивно очень близки, то погребения имеют принципиальные отличия: в первом случае в качестве дромоса были прямоугольные ямы, во втором — в качестве дромоса или использовались или специально сооружались колоколовидные ямы аналогичные хозяйственным ямам Маяцкого и других поселений. К сожалению, все погребения в катакомбах с дромосами в виде колоколовидных ям, примыкающих к святилищу, очень сильно разрушены и не дают более или менее полного представления ни о погребальном обряде, ни об инвентаре, который клался в погребение. Поэтому рассмотрим погребение, расположенное в 25 м к северо-западу от данного комплекса, но, вероятно, с ним связанное, ибо конструктивно оно полностью аналогично погребениям в ямах, расположенных вокруг святилища — постройки 45. Это погребение в яме № 18.

Устье ямы овальной формы 0,65 × 0,72 м, глубина её 1,5 м, к низу яма расширяется, и диаметр дна 1,45 × 1,52 м. Стенки ямы хорошо обработаны мотыжкой, ровные. У северо-западной стены ямы находилось захоронение коня со сбруей. Перед погребением он был расчленен на несколько частей, в связи с невозможностью разместить в пространстве ямы крупную конскую тушу целой. В состав конской упряжи входили подпружные и нагрудные ремни, украшенные круглыми медными с позолотой бляхами и геральдической бляхой. От оголовья сохранился ряд ремешков, украшенных круглыми геральдическими бляшками. Здесь же находились железное кольцо, бронзовый бубенчик, железные удила с псалиями, два стремени. Большое количество древесного тлена и бересты позволяет предполагать наличие здесь и остатков седла.

У дна юго-восточной стенки ямы находился вход в катакомбу трапециевидной формы размером 0,37—0,53 × 0,38 м, закрытый плоской, хорошо обработанной меловой плитой.

Пол камеры, размеры которой 1 × 2,26 м, был на 0,42 м ниже пола ямы. В камере находилось погребение мужчины 50—60 лет и женщины такого же возраста. Мужчина был погребен у передней стенки камеры, на спине с вытянутыми руками и ногами. В катакомбе обнаружен разнообразный инвентарь. К мужскому погребению относится лежавшая у ног сабля. Общая длина её клинка — 0,81 м. Сабля была согнута, как результат по-

гребального обряда. На полу камеры обнаружены детали ножен. По всей камере разбросаны костяные пластины от лука, некоторые детали колчана для стрел, несколько наконечников стрел. В одном из углов камеры — остатки поясного набора. С женским погребением из инвентаря, обнаруженного в данной катакомбе можно связать круглое зеркало, бусы, медную копоушку, бронзовую фибулу, ножи, чернолощёный кувшин.

До того как оно стало предметом исследования археологов, погребение было подвергнуто или специально разрушительному обряду, о котором мы скажем ниже, ибо кости обоих скелетов далеко не во всём соответствуют анатомическому порядку, или же было просто разграблено. Тогда можно себе представить, сколь оно было богато инвентарём до разграбления, ибо даже то, что досталось археологам, производит впечатление далеко не рядового захоронения.

Вообще погребения в катакомбах, сооружённых в ямах, содержат намного меньше инвентаря, чем погребения в катакомбах с прямоугольными дромосами. А это второе святилище (постройка 45) вероятно было сооружено значительно раньше, чем первое святилище (постройка 21), и уже в процессе существования посёлка была прекращена его эксплуатация. Об этом свидетельствует значительно худшая сохранность внутреннего квадрата, меньшие размеры, отсутствие некоторых конструктивных элементов: входа в виде тамбура, ямы-«бочки», строительных жертвоприношений, значительно большая «вытоптанность» внутри сооружения.

В описанных выше культовых комплексах явление синкретизма, т. е. сочетание элементов свойственных различным этносам, что вообще характерно для салтово-маяцкой культуры, как культуры Хазарского каганата, нашло своё довольно яркое выражение. С одной стороны, аланские катакомбные захоронения с дромосами в виде прямоугольной ямы и с дромосами в виде округлой, довольно глубокой ямы, с другой — святилища, в основе конструкции которых лежит квадрат в квадрате с культом огня, широко распространённые в тюркском мире в эпоху средневековья. С одной стороны, жертвенники животных, главным образом, лошадей и коз (овец) — неизменные спутники кочевнического хозяйства, с другой — черепа свиньи в качестве строительных жертв, свидетельствующие о довольно прочной оседлости.

Таким образом, выявленные на Маяцком селище культовые комплексы, отражают довольно сложные и противоречивые религиозные представления обитавшего здесь населения.

Помимо этих двух культовых зданий на данном участке было обнаружено ещё одно необычное сооружение полуземляночного типа (постройка 14),

расположенное ближе к северному склону мыса. Почти квадратная в плане (5,2 × 5,7 м), углублена в материковый мел на 0,6–1,1 м. Разность глубин вызвана наклоном материка. Стены котлована хорошо обработаны мотыжкой, следы которой прослежены и на материке вдоль стен котлована. Внутри котлована расчищена квадратно-округлая, плохо сохранившаяся конструкция, сложенная из необработанных камней на земляной подсыпке. Ширина развала стен конструкции различна — от 0,4 м до 1,5 м, высота 0,25–0,3 м. К северо-западной стене она примыкает вплотную, от юго-западной отстоит на 1,1–1,4 м. Вход в постройку был с юго-западной стороны, где расчищены две столбовые ямки. Прямо напротив входа в полу имеется небольшое округлое углубление диаметром 1,2 м — следы вытоптанности. В заполнении котлована встречено значительное количество костей животных и керамики.

Данная постройка, сохраняя общие черты, заложенные в идее квадрат в квадрате (каменный квадрат в квадратной полуземлянке), с ранее рассмотренными постройками — святилищами, содержит ряд существенных отличий. Во-первых, сама постройка имеет совершенно иное конструктивное решение (по внешнему периметру углубленного в материк квадрата поставлен деревянный сруб). Во-вторых, внутренний квадрат не просто сделан из иного материала (необработанных камней), но и внутреннее пространство имеет округлые очертания, напоминающие юртообразное жилище. В-третьих, при данной постройке нет связанных с ней культовых атрибутов (жертвенников, захоронений). Вероятно, это объясняется несколько иным её назначением. Не исключено, что постройка 14 является остатками общественного сооружения, предназначенного не только для совершения религиозных отправления, но и для проведения в ней различных собраний. Возможен и другой вариант. Она могла выполнять функции более локального святилища с переносным огнём для небольшой группы жителей.

Святилища, близкие Маяцким, раскопаны на Северном Кавказе, в раннесредневековой Болгарии. Все они построены по принципу «квадрат в квадрате», то есть внутри большого прямоугольного или квадратного сооружения имеется меньшее, также прямоугольной или квадратной формы, внутри которого горел костёр. Это одна из характерных традиций тюркских культовых сооружений, в которых культ огня, солнца, света занимал большое место.

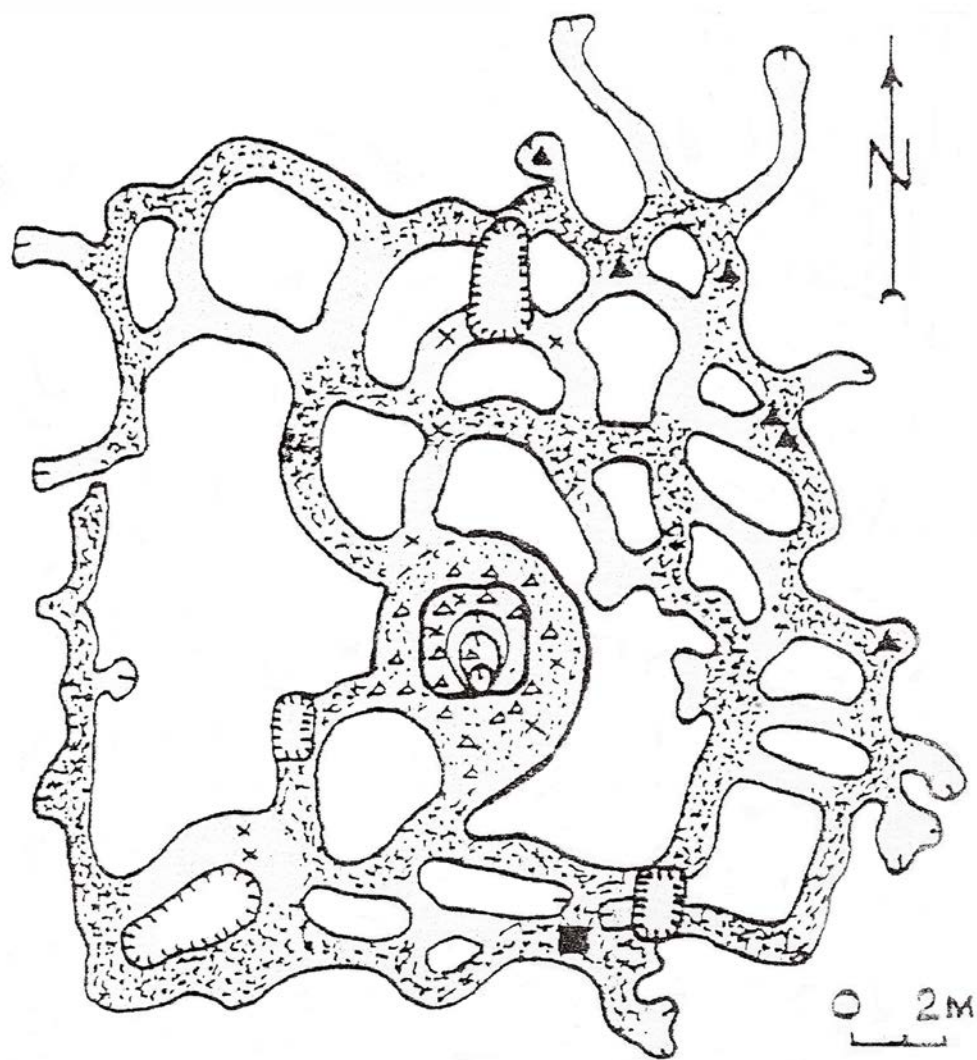
В 1988 г. при исследовании Второго Власовского могильника эпохи бронзы и раннего железного века, находящегося в 2 км к северу от

с. Власовка Грибановского района Воронежской области (раскопки А. Т. Синюка и В. Д. Березуцкого) было выявлено весьма интересное и совершенно уникальное сооружение — подземный лабиринт, площадь которого около 254 кв. м. В него вели подпрямоугольные колодцы-входы площадью 0,9–3,6 кв. м. Глубина колодцев от уровня материка 1–1,5 м. От каждого из них шли ходы, проложенные в материке или несколько выше пола колодца, или на его уровне. Ходы взаимопереплетались, но в целом они представляли собой лабиринт, приближающийся к квадратной форме. Ширина ходов 0,75–1 м, лишь местами 0,5–1,5 м, высота 1–1,3 м, но есть участки и с меньшей высотой. Все колодцы связаны между собой ходами как по периметру, так и через центр, где была сооружена «юрта», также углубленная в материк. В её полу расчищена яма диаметром 0,2 м, в которой, по предположению исследователей, стоял деревянный или каменный идол. Сверху «юрта» имела купольную конструкцию, которую «спрятали (как и сам лабиринт) под землю и обмазали той же материковой глиной». Идол не сохранился. Он, вероятно, был вынут после прекращения функционирования лабиринта как культового комплекса.

Рядом с ямой, в которой стоял идол, были выявлены кости взрослого человека — это, вероятно, остатки ритуального жертвоприношения. Кроме того, в ходах лабиринта, в его восточной половине, обнаружено шесть жертвоприношений животных: черепа лошади, кости овцы. В одном из них вместе с черепом лошади находились удила и псалии. В юго-восточном углу лабиринта, рядом с колодцем на полу одного из ходов лежал «алтарный камень в виде крупной кварцевой плиты... со следами заглаживания по внешней поверхности».

Авторы раскопок и публикации данного памятника вполне справедливо и аргументированно датируют комплекс VIII–IX вв. и связывают с тюркским этнокультурным миром, считая, что он планиграфически вполне соответствует устройству святилищ по принципу «квадрат в квадрате», принятому в среде ранних болгар. Сооружение конструктивно перекликается и с Маяцким святилищем, хотя роль Власовского лабиринта в религиозной обрядности, по мнению С. А. Плетнёвой, была несколько иной, нежели Маяцкого святилища. Как предполагает С. А. Плетнёва, лабиринт играл огромную роль в обрядах инициаций юношей, которые должны были передвигаться по узким и длинным запутанным ходам, в темноте, обязательно достигнуть центра, где находился «посвящающий жрец, своеобразный местный минотавр». Посвящающийся должен был

в начале, в восточной части лабиринта, принести жертвоприношение, а затем выбрать правильное направление. «Это была сдача экзамена на терпение, ориентировку и смелость, поскольку в центре юношу должны были ожидать самые серьезные испытания».

План подземного лабиринта у с. Власовка

Следует, пожалуй, согласиться с А. Т. Синюком и В. Д. Березуцким по поводу того, что это капище было сооружено или для кратковременного, или даже для разового использования. Уже подчёркивалось, что во время раскопок Маяцкого селища, кроме погребений, связанных со святилищами, составлявшими с ними единые ритуально-культурные комплексы, были выявлены погребения и в жилищах, и в хозяйственных постройках. Маяцкое селище является сейчас единственным алано-болгарским поселением с таким обилием погребений. Конечно, и жилища, и хозяйственные постройки, и погреба, как отмечалось выше, уже не использовались по прямому назначению, после того как в них совершали захоронения. Трудно объяснить, почему людей хоронили в постройках, когда имелось специальное кладбище.

Можно предположить, что эти захоронения принадлежат лицам привилегированного сословия, желавшим выделить себя из числа остальных и в похоронном ритуале. Большинство этих погребений также было ограблено ещё в древности или подверглось обряду ритуального разрушения.

Среди погребений в постройках особый интерес представляет катакомбное погребение в постройке № 2. Это почти наземное сооружение площадью 12,4 кв. м. В северной части находился небольшой очажок. В южном углу постройки в углублении были обнаружены удила, стремяна, 12 крупных блях от конской сбруи, пряжка, бубенчик, обломок сабли. В материковом полу через всю постройку с северо-востока на юго-запад проходила материковая трещина, преобразованная в дромос катакомбы. Он имел длину 2,55, ширину 0,75–1,24, глубину 1,77 м. В стенке дромоса был тайничок 0,25×0,4×0,5 м. Он оказался пустым. Камера была опущена ниже дромоса на 0,95 м. Её размеры 1,8×2,7 м (площадь более 4 кв. м), высота свода 1,8 м. На дне находились остатки двух сильно разрушенных и перемешанных скелетов: мужчины 30–40 лет и девушки 14–17 лет. У стенки камеры — кость ноги лошади. Среди костей скелетов обнаружены бусы, копоушка, бронзовая пряжка, бляшка от поясного ремня, железный нож.

В данной катакомбе, судя по её размерам и по остаткам инвентаря, был погребён очень богатый воин с оружием, конём, женой (наложницей). Именно вследствие богатства погребение и было разорено, вещи забраны, некоторые вытащены и поломаны. Саблю вытащили из погребения, она была ритуально согнута или сломана и её бросили вместе с остатками других всаднических регалий.

Налицо определенное противоречие в данном комплексе. С одной стороны, довольно небольшая постройка, сооруженная с очагом, не имеющим даже приспособлений для подвешивания котла. С другой, довольно богатое

погребение, выделяющееся по размерам погребальных сооружений среди подобных. Кроме того, удивительно точно и аккуратно данная катакомба, в основе которой дромос-материковая трещина, вписывается в контуры постройки. Вряд ли в этой постройке мог жить воин со своей семьей. Назначение постройки могло быть совершенно иным, нежели её функции как жилого помещения. Она вполне могла быть частью погребального сооружения. Подобного сооружения над катакомбой вполне мог быть удостоен погребённый в данной катакомбе. Конечно, как отмечает С. А. Плетнёва, это гипотеза, но она должна быть высказана хотя бы для того, чтобы привлечь более пристальное внимание археологов к возможным следам аналогичных (чаще всего, видимо, совсем наземных) построек над катакомбами.

* * *

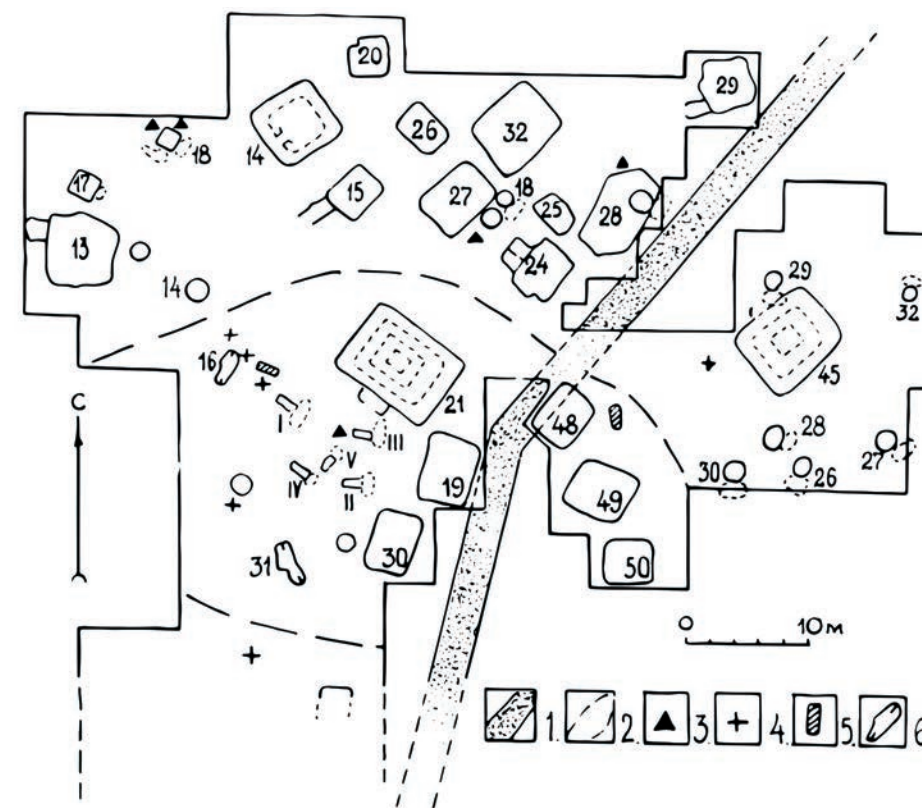
Итак, кроме различных жилых и хозяйственных построек, на площади селища выявлены разнообразные культовые сооружения: святилища, погребения с тризнами, жертвенники. Отметим, что все три раскопанных святилища открыты на наиболее полно изученном (раскоп 9) мысу, довольно круто спускающемся к Тихой Сосне и прилегающей к нему территории (плато).

Естественно, возникает вопрос, сколь все эти изученные раскопками комплексы одновременны или функционировали они в какой-то определенной хронологической последовательности, сменяя друг друга? К сожалению, четких и конкретных данных для ответа на этот вопрос археологический материал не содержит, но тем не менее, высказать определенные предположения все-таки возможно.

Жилые и хозяйственные постройки, различные типы погребальных сооружений, культовые постройки достаточно четко делятся на две группы, вероятно связанные с семейно-родовыми кланами.

Первая представлена жилыми постройками 13, 15, 24, 29, а также погребениями, в которых катакомбы с погребениями сооружены в основном в круглых ямах. Здесь же выявлено святилище — постройка 45, вокруг которой концентрируются погребения в катакомбах в больших круглых ямах. Постройка 13, сооруженная на наиболее видном, престижном месте, на самом краю мыса, принадлежала, вероятно, главе семьи (клана). Перед ней значительное открытое свободное пространство, подчеркивает значимость владельца этого жилища. Да и сама постройка и размерами, и конструктивными особенностями заметно выделяется среди построек данной группы, да и пожалуй среди всех вскрытых на Маяцком селище. Не исключено, что на свободном пространстве к востоку от постройки 13 стояла

юрта, на месте которой осталась только необычная по своей форме яма (14). На этой площади раскопа было собрано значительно больше керамики, чем на других участках, а в районе ямы 14 наблюдались вкрапления золы и угольков в культурном слое, возможно, это связано с наличием очага в данном месте. В некотором отдалении от постройки 13, но также практически на краю обрыва, было сооружено святилище или общественное здание для каких-то собраний (постройка 14), которое вскоре было засыпано по непонятным причинам, и к востоку от данного комплекса было сооружено новое святилище (постройка 45), которое обросло целой группой погребений в катакомбах, сооруженных в круглых ямах (№№ 26 — 30, 32).

План расположения построек на Маяцком селище (участок Раскопа 9)
Условные обозначения: 1. Дренажная канава; 2. Предполагаемые границы двух участков поселения; 3. Тризны; 4. Жертвенники; 5. Недокопанные дромосы; 6. Вспомогательные культовые сооружения

По мере разрастания семьи-клана, главой которого был хозяин, живший в постройке 13, из неё выделяется (возможно отделяется) «дочерняя» большая семья, представленная второй группой построек, отделённых от северной неширокой 6—8 м незастроенной полосой. Сюда входят пять жилых построек (№№ 19, 30, 48, 49, 50), святилище (постройка 21) и целая серия катакомбных погребений с прямоугольными дромосами, жертвенниками из домашних животных и вспомогательными ритуальными помещениями.

Таким образом, единая большая семья распалась на две части, которые отделяются друг от друга, возможно, лишь одним поколением жителей — 25—30 лет. И если первый комплекс построек возник около середины IX в., то второй — ближе к его концу, вероятно, в последней четверти этого столетия, хотя оба гнезда какое-то время сосуществовали.

Проследить планировку других гнёзд на Маяцком селище не представляется возможным в силу значительно меньшей площади исследования.

МАЯЦКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1975 г., когда начались раскопки на Маяцком комплексе, поиски могильника велись на северной окраине селища — там, где оно заканчивается крутыми склонами оврага. Именно здесь в 1906 г. А. И. Милютин раскопал несколько необычных погребальных сооружений, о которых мы уже упоминали. Но работы 1975 г. не привели к открытию могильника. И тут на помощь пришли вездесущие местные ребята, которые принесли в лагерь экспедиции больше десятка различных бус и другие украшения из бронзы и показали место находок. Это был разрушающийся овраг, с юго-востока ограничивающий селище. Так было обнаружено древнее кладбище населения, обитавшего на Маяцком городище и селище.

Как выше отмечалось, основным исследователем могильника был В. С. Флёров. Им же опубликованы материалы раскопок памятника. Вся информация о могильнике в данном разделе книги основана на результатах исследования и их публикации В. С. Флёровым [Флёров, 1993].

По предположению В. С. Флёрова, его площадь 30 000 кв. м (3 га). Но раскопками изучено лишь 2 426 кв.м, на которой располагались 133 погребения. Кроме погребений, выявлены остатки 23 тризн в виде целых и битых сосудов.

В 1987 г. М. И. Лыловой на могильнике проведены охранные раскопки. Было открыто и исследовано 18 погребальных сооружений, захоронение лошади в прямоугольной яме и костей собаки.

Таким образом, к настоящему времени на Маяцком могильнике раскопано 151 погребение, что составляет, по мнению В. С. Флёрова, около 1 % имеющихся на данном памятнике захоронений.

Маяцкий могильник, как и все аланские могильники, занимает склоны оврага. Такое их расположение связано с особенностью погребального сооружения у алан. Оно состояло из двух частей: прямоугольной ямы — своеобразного коридора (дромоса), ведущего в пещеру (катакомбу), в которой и совершалось захоронение. Катакомбы имели куполообразную

форму. Размеры дромосов на Маяцком могильнике: длина 1,3–3 м, ширина 0,7–1,4 м, глубина — около 1 м. Катакомбы (камеры) длинной осью располагались перпендикулярно дромосу, а их пол всегда находился ниже пола дромоса. Зависимости размеров дромоса от пола погребённого нет. Умершего сверху опускали в дромос, затем заносили через вход в катакомбу. Не так легко было это сделать, расположить его там согласно ритуалу, да ещё и совершить некоторые обряды. Археологам чрезвычайно неудобно работать в катакомбах. Расчистка погребений длится порой не один час и требует исключительной осторожности и аккуратности, чтобы не сдвинуть с места ни одной косточки, ни одной вещи, а работать приходится в основном на корточках или даже лежа, нужны выдержка, терпение, и немалые.

Маяцкий могильник

Мужские захоронения совершались вытянуто на спине, в центре катакомбы, влево головой по отношению ко входу в камеру. Умершие укладывались вдоль длинной оси камеры ближе к задней стенке. Иногда ноги связывались в коленях, с целью лишить умершего возможности передвигаться и вредить живым. Укладывались без каких-либо деревянных настилов, колод, возможно на какие-то органические подстилки или тканевые покрытия. Отсутствовали какие-либо подсыпки под погребёнными. Находок в них встречено очень мало: ножи, поясные пряжки, некоторые украшения, наконечники стрел.

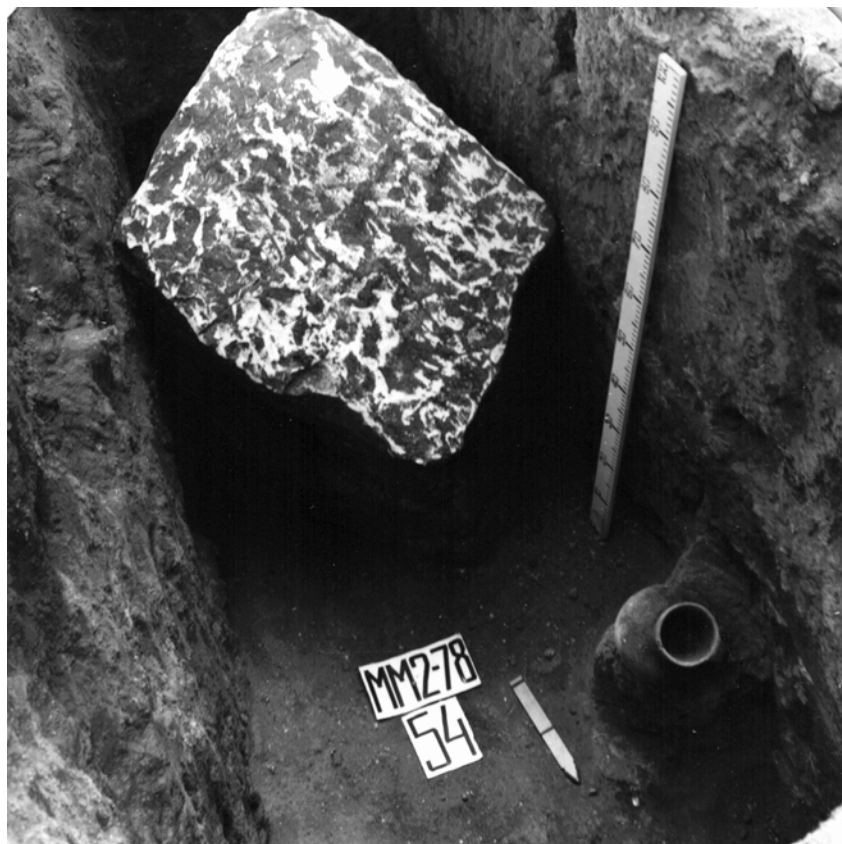
Женщин хоронили в скорченном положении на правом боку — обряд, свидетельствующий об их подчиненном положении по отношению к мужчинам. Хоронили лицом к передней стенке камеры, т. е. ко входу в камеру, но ближе к задней стенке. В этих погребениях также не прослежены какие-либо настилы под погребёнными, кроме подстилок растительного характера в ряде случаев. Погребальный инвентарь также немногочислен: бронзовые зеркала, амулеты, бусы и другие украшения.

Подчеркивая отсутствие зависимости размеров дромоса от пола погребённого, В. С. Флёров отмечает, что некоторая удлинённость дромоса в женских погребениях, «была признаком отличия определённой категории женщин, занимавших при жизни неадекватное... положение и умерших в молодом (но не юном) или зрелом возрасте». Он предположил, что это могли быть «знахарки, гадалки, шаманки и тому подобное» [Флёров, 1993. С. 9].

Кроме одиночных захоронений на Маяцком могильнике есть и коллективные — как правило, погребения мужчины и женщины, но они чрезвычайно редки. Семейные погребения вообще не свойственны для Маяцкого могильника и вызваны экстраординарными причинами.

И здесь соблюдался сложившийся ритуал — женщины похоронены в скорченном положении на боку, мужчины — на спине вытянуто. После совершения захоронения вход в катакомбу закрывали или каменной плитой, или деревянными плахами, затем засыпали дромос землёй и глиной.

На Маяцком могильнике выявлены и некоторые его отличия от других аланских могильников Донского бассейна, например, могильника у с. Дмитриевка на р. Короча, притоке Северского Донца. В погребениях Маяцкого могильника очень мало вещей, а ведь известно, что аланские погребения отличаются обилием инвентаря. Сопровождая покойника в иной мир, ему клали в могилу всё, что необходимо для нормального существования, всё, чем он пользовался при жизни: орудия труда, оружие, бытовые предметы, украшения.

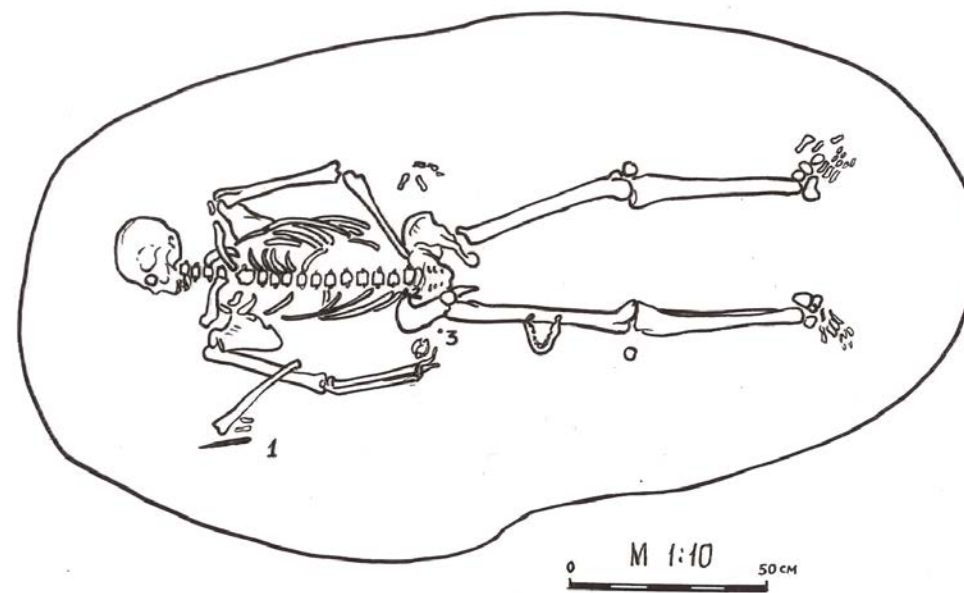
Дромос с закладной плитой. Маяцкий могильник

Кроме погребений в катакомбах на Маяцком могильнике выявлено 10 погребений в ямах. Ямы прямоугольной формы. Их размеры 0,46 – 0,97 × 1,05 – 2,55 м, глубина в материковой глине 0,13 – 1,1 м. Из них семь принадлежали детям или подросткам, а три – взрослым женщинам. В. С. Флёров считает, что присутствие на Маяцком могильнике ямных погребений не характерных для местного аланского населения является результатом семейно-брачных отношений или «добровольного или следствием пленения болгарских женщин», которые придерживались ямного обряда погребений. Ямные погребения не локализируются на какой-то отдельной территории, а размещаются между катакомбами. В. С. Флёров подчеркивает, что «...нет никаких оснований отрицать болгарскую при-

надлежность ямных погребений на территории катакомбных могильников». Следует полагать, что это относится и к Маяцкому могильнику. Тем более это подтверждается и Т. С. Кондукторовой, исследовавшей антропологические серии Маяцкого могильника.

Почти во всех маяцких катакомбах скелеты погребённых лежат в нарушенном состоянии, кости перемешаны и сдвинуты или разбросаны по камере. Малое количество вещей в погребениях отнюдь не означает, что родственники умершего «пожалели» для покойника какие-то вещи. Тут, вероятно, другое – большинство катакомб имеет следы вторичного проникновения в погребальную камеру спустя какое-то время после совершения обряда захоронения. Возможно, это следствие ограбления.

Естественно, грабители забирали наиболее ценное: оружие, орудия труда и, конечно, украшения. Лишь отдельные предметы, случайно «забытые» или незамеченные, достались археологам. И среди них – великолепные золотые серьги с «живым» жемчугом!

Мужское погребение. Маяцкий могильник

Говорят, если жемчуг в течение длительного времени не соприкасается с телом человека, он темнеет и «умирает». Но здесь явление уникальное — жемчуг засиял, как только серьги были вынуты из темной сырой катакомбы, и через тысячу лет мы вновь поражаемся прекрасному мастерству аланских ювелиров.

Большинство захоронений на Маяцком могильнике, по мнению В. С. Флёрова, дают представления ещё об одном ритуале.

После совершения обряда захоронения в камере катакомбы, она закрывалась каменной плитой или деревянными плахами, оставаясь абсолютно свободной от земли. Дромос-коридор засыпался грунтом, образовавшимся при копке его и камеры. Затем каким-то знаком (возможно небольшим холмиком) обозначали место погребального сооружения. Через определенный промежуток времени, в течение которого разлагались мягкие ткани захороненного, путем частичного вскрытия дромоса, что достаточно убедительно доказано В. С. Флёровым, открывалось входное отверстие в камеру и совершался обряд обезвреживания покойника, лишавший его, по представлению совершавших этот обряд, возможности принести какой-либо вред живым. Способы проведения этого обряда самые различные: расчленялись и смешивались суставы и кости, отчленялся череп, иногда удалялся из камеры, а чаще всего разрушениям анатомического порядка подвергались кости конечностей, особенно ног. Здесь проявился присущий многим народам вечный страх перед покойником, стремление избавить живущих от его недобрых действий. Вероятно, во время совершения обряда обезвреживания из могилы изымались и самые ценные вещи: оружие, орудия труда, украшения и т. д. В погребениях при раскопках обнаружены по 1–3 предмета, а некоторые вообще без инвентаря. Лишь в отдельных катакомбах встречены небольшие наборы бус и бисера, детали луков, колчанов, ножен от сабель, отдельные наконечники стрел. Всё это даёт право с уверенностью предположить, что катакомбные захоронения на Маяцком могильнике были не менее богаты инвентарем, чем другие аланские могильники салтово-маяцкой культуры.

Необходимо отметить, что на Маяцком могильнике «абсолютное преобладание данных захоронений определило и размеры погребальных камер. Они были рассчитаны на захоронение одного человека» [Флёров, 1993. С. 13]. Преобладание одиночных захоронений является прямым следствием гипертрофированного страха перед погребёнными. Именно это не позволяло вскрывать катакомбы для последующих подзахоронений [Флёров, 1993. С. 13].

Женское ямное захоронение. Маяцкий могильник

Жители Маяцкого городища и селища, хороня на кладбище умерших, последующему разрушению подвергали не все, но большинство, скелетов. И почти всегда разрушали женские захоронения, что объясняется особым страхом перед женскими злыми духами-албастами².

Некоторые народы Средней Азии представляли албастов «безгранично сильными». Узбеки говорили, что если «повеет её ветром, то человек заболевает», а на вопрос «Что же такое албасты?» — отвечали: «Не-что очень страшное». У среднеазиатских белуджей (тюркского народа) не так давно существовал обычай, согласно которому, если после смерти человека вскоре умирали ещё несколько его родственников, могилу раскапывали, под телом покойника скребли землю и через труп вбивали в дно могилы деревянный кол, чтобы лишить его возможности «тянуть за собой людей».

После разрушения скелета дромос вновь засыпали землёй, глиной. Засыпалась и погребальная камера. Погребальный обряд считался выполненным до конца.

Между погребениями встречены скопления керамики — целая и битая посуда, а также кости животных. Это остатки поминок — тризны, совершавшихся или сразу после погребения, или по прошествии определённого времени.

Как отмечает В. С. Флёров, поминальные обряды были многовариантны и не все они проявились в виде «остатков утвари в земле». Тризны устраивались в круглых ямах глубиной 0,2–1 м. Среди жертвенных животных в тризнах преобладали кости лошади и барана. В тризнах чаще всего встречалась гончарная лощёная посуда: кубышки с круглыми ручками, кружки, кувшины-пифосы, горшки. При этом В. С. Флёров отмечает, что «разнообразию и представительности посуды в тризнах придавалось особое значение» и далее он подчеркивает, что «... закапывавшаяся в тризны посуда посвящалась умершему» и «... свидетельствовали о его статусе и степени уважения к нему» [Флёров, 1993. С. 66].

Интересную информацию о демографической ситуации на Маяцком селище (учитывая, что могильник является местом погребения жителей селища) дают результаты анализа половозрастного состава погребённых. В. С. Флёров обращает внимание на одинаковое число похороненных мужчин и женщин, выявленных на раскопанной части могильника: по 57 индивидов, что подчеркивает «естественный баланс

полов... на Маяцком поселении». Отмечается наличие индивидов в возрасте свыше 60 лет, а так же низкая смертность до 20 лет. Отмечается, «отсутствие на скелетах погребённых повреждений боевого происхождения, зато многие имели патологические изменения, связанные с различными хроническими заболеваниями». Можно отметить довольно низкую детскую смертность, в возрасте до 3 лет — всего 5 случаев. Вероятно, демографической ситуации на Маяцком поселении способствовали благоприятные условия обитания в данном регионе в последних веках I тыс. н. э.

Погребения Маяцкого могильника и селища, ограбленные или испытывавшие разрушительный обряд, не дают нам полного представления о погребальных традициях населения. И, наверное, вопрос остался бы открытым, если бы Маяцкое селище не сохранило целую серию погребений, совершенно не потревоженных ни древними грабителями, ни разрушительным обрядом, о них речь шла выше. В них встречено значительное количество самых разнообразных вещей (украшения, поясные наборы, орудия труда, оружие, бытовые предметы). Они-то и донесли до нас во всех деталях древнюю аланскую погребальную обрядность.

Для обозначения этноса, который проживал на Маяцком поселении и крепости, мы употребляем термин алано-болгары, подчеркивая его смешанный характер. В то же время необходимо ещё раз подчеркнуть, что все-таки в основе оно было аланским — переселенцами с Северного Кавказа. Отметим также, что здесь довольно четко ощущается и болгарский компонент. И. Л. Кызласов, изучавший надписи на стенах Маяцкой крепости, выделил «донской» алфавит, хотя его условно можно назвать «хазарским». Болгарские погребения на памятнике, довольно ощутимая примесь болгарского компонента в антропологическом облике населения Маяцкого селища, прослеживаемая в ряде погребённых, святилище, конструкция которого несомненно связана с тюркскими традициями, болгарская керамика, составляющая неотъемлемую часть керамического комплекса Маяцкого поселения — все это позволяет уверенно говорить, что здесь на славяно-хазарском пограничье в IX — в первой половине X в. протекали весьма интересные этнические процессы, возможно, связанные с формированием синкретического нового этноса.

О сложившейся неоднозначности этнических процессов, протекавших на далекой северной окраине Хазарского каганата, свидетельствует открытие и исследование ещё одного могильника на Маяцком комплексе, а точнее на самой южной оконечности мыса, на котором расположено селище.

² Албасты — от тюркского «басти» — придавил, задавил.

Эта работа была проведена, как уже отмечалось, в 2008 г. экспедицией Белгородского университета под руководством В. А. Сарапулкина, и им же опубликованы результаты этих раскопок.

Из шести вскрытых погребений на этом участке особого внимания заслуживают пять захоронений, совершённых в прямоугольных ямах размером 0,9–1,2×2,1–2,65 м, глубиной в материке 0,7–1,25 м. В ряде погребений встречены остатки деревянных колод, в которые были помещены погребённые. В. А. Сарапулкин подчеркивает, что погребальные сооружения находятся в одном ряду с многочисленными ямными погребениями салтово-маяцкой культуры, выявленными на северо-западном пограничье, включая и ямные погребения на Маяцком могильнике, и в более южных районах Хазарского каганата. Добавим, что большинство исследователей связывают эти могильники с болгарами, одним из крупнейших этнических составляющих (после алан) населения каганата в данном регионе. Но в то же время автор отмечает, что положение погребённых в ряде захоронений (скорченные положения женщин) и инвентарь «типичны для части катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры». В. А. Сарапулкин делает вывод, что данные погребения могут принадлежать либо аланам «со специфическим погребальным обрядом», либо это «группа иноэтничного населения переселившаяся с аланами с Северного Кавказа на Дон». К сожалению, нет полных сведений об антропологическом облике людей, похороненных в анализируемых погребениях. Но устройство могил, инвентарь, положение погребённых в могилах, на наш взгляд, являются довольно ярким отражением синкретического характера данного могильника. Сочетание в одних захоронениях черт погребального обряда болгар и алан ещё раз подтверждает этническую, культурную и духовную интеграцию, протекавшую в рассматриваемом нами регионе. Но этот процесс не был завершён.

Для того, чтобы лучше понять и историческое место народов, населявших северо-западное пограничье Хазарского каганата, в том числе и Маяцкого поселения, и исторические судьбы его населения, необходимо посмотреть более внимательно на северных соседей каганата, от которых отделяет довольно узкая, практически незаселенная полоса. Речь идет о донских славянах, которые почти одновременно с аланами и болгарами стали осваивать лесостепной Дон и негласно как бы «поделили» эту территорию.

ДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ: НА СЕВЕРНОМ ПОГРАНИЧЬЕ ХАЗАРСКОГО МИРА

Первый отечественный историк — монах Киево-Печерского монастыря Нестор в 1113 г. закончил знаменитый труд «Повесть временных лет», в котором изложил свои взгляды на раннюю историю восточных славян и первые столетия Древнерусского государства. В летописи Нестора внимание историков и археологов привлекает география расселения восточнославянских племён: «...словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане... Словени же седоша около езера Ильмеря... А друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле, и нарекошася север»; «...кривичи, иже седять на верх Волге, и на верх Двины и на верх Днепра». «...И пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим на Оце. От него-же прозвашася вятичи». «Дулебы живяху по Бугу, где ныне вельняне, а уличи и тиверцы седяху бо по Днестру, при седяху к Дунаеви» [Повесть временных лет, 1950].

Нестор оказался незаурядным географом, он знал все крупные реки Восточной Европы, которые были заселены славянскими и неславянскими племенами. Но славяне, обитавшие в последних веках I тыс. н.э. на берегах Дона и его притоков, не названы. Обвинить автора «Повести временных лет» в незнании этой реки, у нас нет оснований. Дон часто упоминается там, где речь идёт о набегах кочевников — печенегов, половцев, а также в связи с другими событиями.

Большинство отечественных историков и археологов пришли к общему мнению, что многие сведения о восточнославянских племенах, содержащиеся в летописи, относятся не к моменту её написания, а к более раннему (на 200–300 лет) времени — ко второй половине I тыс. н. э., точнее, к последним его векам. Неужели в это время река Дон и его притоки не были освоены славянами, и наш край оказался в стороне от славянского мира? Чтобы ответить на вопрос, обратимся к данным археологии, которые и подтверждают, и дополняют, а иногда и опровергают летописные свидетельства.

В VII—IX вв. славяне начали активно расселяться по Восточно-Европейской равнине, вступая в тесные контакты с балтскими и финскими народами, издревле жившими на берегах Верхнего Днепра и его левобережных притоков, Верхней Волги, Оки и в более северных районах. На рубеже VIII—IX вв. восточнославянские племена стали заселять берега Дона и Воронежа.

На реке Воронеж, на высоком правом берегу, изрезанном балками и логам, нетрудно и сейчас заметить следы древних поселений. Хорошо видны округлые ямы — остатки жилищ, различных хозяйственных построек. Для защиты от неприятеля использовались не только естественные крутые склоны мысов, но и специально сооруженные со стороны плато укрепления — валы и рвы. Они как бы отделяли само поселение от прилегающей территории.

Такие городища можно обнаружить в местах, известных многим воронежцам. Над дачным посёлком Рыбачье расположено довольно большое городище, на площади которого несколько сот округлых западин от жилищ; вверх по течению реки на так называемой Белой Горе — ещё два городища. У села Чертовицкое также имеется славянское укрепленное поселение; далее идет древнее славянское поселение у села Староживотинное, и так вплоть до Липецка, в центре которого на высокой горе в X в. тоже располагалось славянское городище.

Если же от впадения реки Воронеж в Дон мы поплывем вниз по течению, то наше внимание вновь привлечет высокий правый берег реки с балками и оврагами. Здесь, на берегах Дона, славяне остановились в своём продвижении на юго-восток, создав многочисленные укрепленные поселения.

Надо сказать, что укрепления славянских посёлков были достаточно сложными и мощными сооружениями. Общей чертой всех этих поселений является: 1) расположение их в максимально удобных, с точки зрения хозяйственной целесообразности, местах; 2) использование и совершенствование для организации обороны всех возможностей территории, занимаемой поселением: естественные крутые склоны мысов, усиление их крутизны за счёт искусственной подрезки, встречаемой почти на всех городищах; 3) строительство искусственных оборонительных сооружений в местах, наиболее уязвимых и легко доступных для противника; 4) использование деревянных конструкций при строительстве оборонительных укреплений.

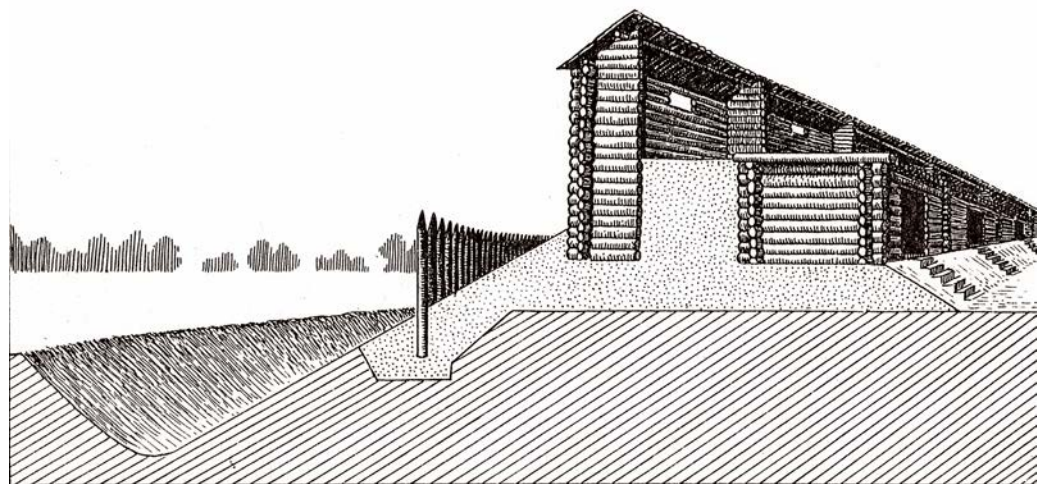
Раскопки укреплений — работа не всегда благодарная, поскольку требует больших физических усилий и, как правило, не приносит каких-либо

эффектных находок. Зато конечный результат даёт много интересных сведений для характеристики социально-политической истории исследуемого поселения.

Самым южным форпостом славян на Дону было городище у хутора Титчиха в Лискинском районе Воронежской области, в 25—30 км от Маяцкой крепости, расположенное на высокой горе, что в народе зовётся «Трудень» и с которой открываются необозримые пространства донского левобережья. Чтобы сделать это место ещё более неприступным, склоны горы-мыса подрезали, усилив их крутизну. Подняться со стороны реки или по склонам оврагов, которые ограничивают мыс, на территорию поселения на высоте почти 90 м, да ещё конным воинам, какими были кочевники, практически невозможно. Оставалось одно уязвимое место — там, где мыс переходит в поле, и где сейчас возвышается вал, вдоль которого тянется ров. Как же выглядели укрепления в древности, когда на горе «Трудень» раздавалась славянская речь?

Когда в IX в. славяне оказались на горе «Трудень» и решили построить здесь свои первые жилища, вероятно, не было необходимости в мощных деревянных оборонительных стенах, да и сил для этого не хватало. Ведь первых поселенцев было не так много. И мыс со стороны поля сначала огородили невысоким земляным валом, перед которым выкопали неглубокий ров. Возможно, на вал и поставили деревянную стену. Лишь позднее, примерно в начале X в., с ростом внешней опасности (набеги кочевников) потребовалось усилить укрепления, да и сам посёлок значительно расширился, переступив границы первоначального вала и рва.

Перед тем как строить новые деревянные укрепления, вся растительность на валу — кустарники, небольшие деревья, а также старые деревянные стены были сожжены. Затем по всей длине вала (около 130 м) были сооружены деревянные четырехстенные срубы высотой более 3 м, засыпанные внутри землёй на всю высоту. Площадь каждого из срубов составляла примерно 2×2 м. С наружной стороны линия срубов также была присыпана землёй. Верхняя площадка тщательно выровнена, а наружная стена, выведенная над площадкой, служила своеобразным бруствером для защитников посёлка, которые во время опасности размещались на верхней площадке сруба. В старый ров вдоль всей линии срубов был поставлен частокол из массивных дубовых бревен, заостренные концы которых выступали из земли на значительную высоту, а впереди линии частокола был вырыт новый, более глубокий ров с крутыми склонами. Таким образом, поселение на горе «Трудень», превращённое в крепость, имело все основания считаться неприступным.

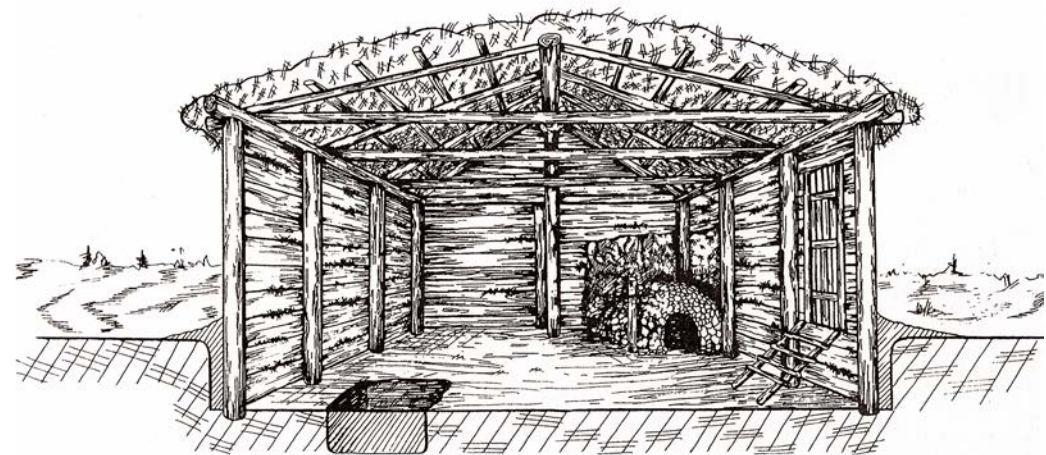
Реконструкция оборонительных сооружений городища Титчиха

К линии оборонительных срубов, заполненных землёй, с внутренней стороны примыкали деревянные сооружения, в которых укрывались женщины, дети, старики, а всё взрослое мужское население должно было стоять наверху срубов, заполненных землёй, и защищать поселение. В мирное время эти постройки служили местом, где останавливались купцы со своими товарами из Волжской Болгарии, Хазарского каганата, Средней Азии и других дальних и ближних мест. Бывали здесь и славянские купцы из древнерусских городов, направлявшиеся в Саркел либо в Итиль — торговые и ремесленные центры Хазарии.

За оборонительными стенами укрывался обычный славянский посёлок, а их было разбросано на огромных пространствах Восточно-Европейской равнины многие сотни. Какими мы представляем себе первые поселения славян на берегах Дона и Воронежа? Попробуем перенестись более чем на тысячу лет назад... Жители посёлка, купцы и просто путники могли пройти на территорию поселения только через специально сооружённые

ворота или въезды с одной из сторон мыса. В крупных городах, правда несколько позже, ворота делались каменными, сооружались надвратные церкви, а в мелких безымянных городках въезды были гораздо проще. Через рвы перекидывались мосты, которые в случае опасности, как говорит летописец, «переметывали» или «отсекали» (разрушали), а потом вновь восстанавливали.

Жили славяне в домах-полуземлянках. Подавляющее большинство углубленных в землю до 1,5 м котлованов имели квадратную или приближающуюся к квадрату форму. Площадь — 12–16, реже до 25–30 кв. м. Стены котлована обшивали деревом, деревянная конструкция продолжалась и выше, переходя в крышу, которая чаще всего была двухскатной и покрывалась соломой, землёй, а иногда обмазывалась глиной, которую слегка обжигали, чтобы не размокла под дождём или снегом. На славянских поселениях Среднего Дона выделяются два типа полуземляночных жилищ: с каркасно-столбовой облицовкой стен и срубной.

Славянская полуземлянка. Реконструкция В. Н. Ковалевского

Многие славянские поселения в бассейне Дона значительны по площади и имели по несколько десятков, а иногда и сотен жилищ. На территории городища у хутора Титчиха (на горе «Трудень»), как и на многих других, и сейчас ещё видны остатки жилищ в виде так называемых «западин». Конечно, не все они существовали одновременно, многие сооружались в связи с ростом населения и образованием новых семей. Некоторые из них по мере разрушения приспособлялись под хозяйственные постройки или просто под свалки мусора и отходов. Они очень интересны для археологов: в них, как правило, много различных находок.

Обязательная принадлежность славянского жилища — печь, которая служила и для обогрева дома, и для приготовления пищи. Печи делали из разного материала: камня, глины, глины с камнем, а иногда из материкового останца, который оставляли при выкапывании котлована постройки. Но какой бы ни была печь, она всегда находилась в одном из углов жилища или близко к нему.

Совершенно очевидно, что отопительные сооружения — это довольно стабильный этнографический признак, и имеющиеся некоторые конструктивные различия отражают лишь определённые семейные традиции и навыки, или способ использования условий местности.

Но независимо ни от типа деревянной конструкции, ни от места расположения печи и материала, из которого она сооружена, во всех жилищах, где есть возможность проследить расположение печи, ориентацию её устья и входа, сохраняется очень четкая их взаимозависимость, которая выражается, во-первых, в правостороннем расположении печи относительно входа, во-вторых, устье печи четко ориентировано на вход. Полуземлянки отапливались по чёрному, дым выходил через дверь. Если бы печь была рядом с входом, то вместе с дымом уходило бы и тепло.

Вся внутренняя планировка дома: расположение печи, входа, стола, лавок, по мнению этнографов, не только имеет чисто практическое значение, но и является отражением видения человеком мира, его представлений о своём месте в окружающем пространстве, т. е. несёт определённую религиозно-мифологическую нагрузку, и этим можно объяснить известную устойчивость ряда элементов устройства славянского жилища.

В ряде построек кроме основной печи, сооружённой из камня и глины, имелись и открытые очаги, расположенные на значительном расстоянии от печей. Ни в одном из жилищ не было только открытого очага. В некоторых постройках в районе печей имеются небольшие выемки в материковой стене. Возможно, это своеобразные дымоходы.

Арабский писатель Ибн-да Русте в своём труде «Книга драгоценностей» писал: «В земле славян холод бывает до того силён, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянной острокопной крышей, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна, когда же раскаляются камни до высшей степени, поливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают уже одежду. В таком жильё остаются до самой весны» [Известия о Хозарах, 1869. С. 33].

О чем писал средневековый писатель? О жилищах? А может быть, о бане? Ведь трудно представить, чтобы в жилом доме раскаленные камни поливали водой и паром обогревались. В таком случае камни должны быть обнаружены если не во всех полуземлянках, то, во всяком случае, во многих из них. А они встречены лишь в единичных случаях. Вероятно, в описании нашли отражение в совокупности и жилые сооружения, и бани, которые, безусловно, были у восточных славян. И в сознании средневекового наблюдателя-иноземца и те, и другие постройки соединились в одно целое. Но в то же время сведения Ибн-да Русте поражают точностью наблюдения и конкретностью описания.

Жить в славянском жилище, вероятно, было не очень просто. Низкая крыша, земляной пол, редко покрывавшийся деревом, дым и копоть, теснота: вместе с людьми зимой находился молодняк скота — таков был повседневный быт славянского населения. Правда, в летнее время становилось легче. Рядом с домом под легким навесом сооружали временные печи из камня, в доме стены очищали от сажи, копоти, осевшей толстым слоем за долгие зимние месяцы, вход в дом был открыт, внутри сухо, светло. Пройдёт ещё не одно столетие, пока полуземлянки сменятся просторными наземными срубными домами, появятся дымоходы, более удобные печи и многие другие усовершенствования славянского жилища. А до тех пор полуземлянка на протяжении многих веков верой и правдой служила славянам.

Земледелие составляло основу хозяйства донских славян. Имеется достаточно фактов, свидетельствующих об этом. Прежде всего необходимо отметить находки зерна. На Кузнецовском городище в специальных помещениях — амбарах, на Титчихинском городище в полуземлянках обнаружены зёрна ячменя, ржи, проса, гороха, значительная коллекция зерна происходит с Животинного городища, где выявлены зёрна пшеницы, проса, чечевицы, ячменя, гороха, льна.

Важным показателем степени и качества развития земледельческого хозяйства являются орудия труда. К сожалению, их обнаружено чрезвычайно мало: наральники для обработки почвы, серпы, коса для уборки урожая.

Кроме жерновов в хозяйстве донских славян широко использовались зернотёрки. Причем почти все они обнаружены возле печей на полу жилищ. Зернотёрками пользовались для размола зерна в незначительном количестве, не заготавливая муку таким образом впрок. Кроме того, зернотёрки могли использоваться для размола и каких-либо других продуктов.

Обмолоченное зерно хранилось в специальных амбарах. Как выше отмечалось, зерно обнаружено на Кузнецовском городище в двух зернохранилищах-амбарах. Оба представляют собой почти квадратные помещения площадью около 2 кв. м. Глубина помещений в материке 0,6–1,05 м. В одном из них прослежен пол, выстланный берестой. Аналогичные зернохранилища обнаружены на Животинном городище. В одном из них встречено около 20 кг горелого зерна.

Данные постройки представляли собой погреба-амбары (учитывая материковую часть почвенного слоя, они имели глубину более 1,5 м). Мощные деревянные конструкции стен позволяли сооружать капитальное деревянное перекрытие, поверх которого насыпался мощный слой земли, за счёт чего создавался внутри помещения микроклимат, необходимый для хранения зерна.

Кроме квадратных погребов-амбаров донские славяне для хранения зерна использовали круглые в плане ямы, стенки и дно которых также предварительно обрабатывались огнём. Ямы могли вместить значительное количество зерна, а некоторые несколько тонн.

Кроме зерна донские славяне выращивали огородные культуры. Огороды, по всей видимости, находились в поймах рек или в других удобных участках вблизи поселений. Огородничество требовало очень тщательной обработки земли. На Животинном городище обнаружены железные наконечники оковок деревянных орудий, которыми обрабатывали землю. К такого типа орудиям исследователи относят некоторые наиболее крупные мотыжки, которые встречены и на славянских поселениях на р. Воронеж.

Таким образом, земледелие донских славян было направлено прежде всего на удовлетворение нужд в питании и необходимой кормовой базе для животноводства.

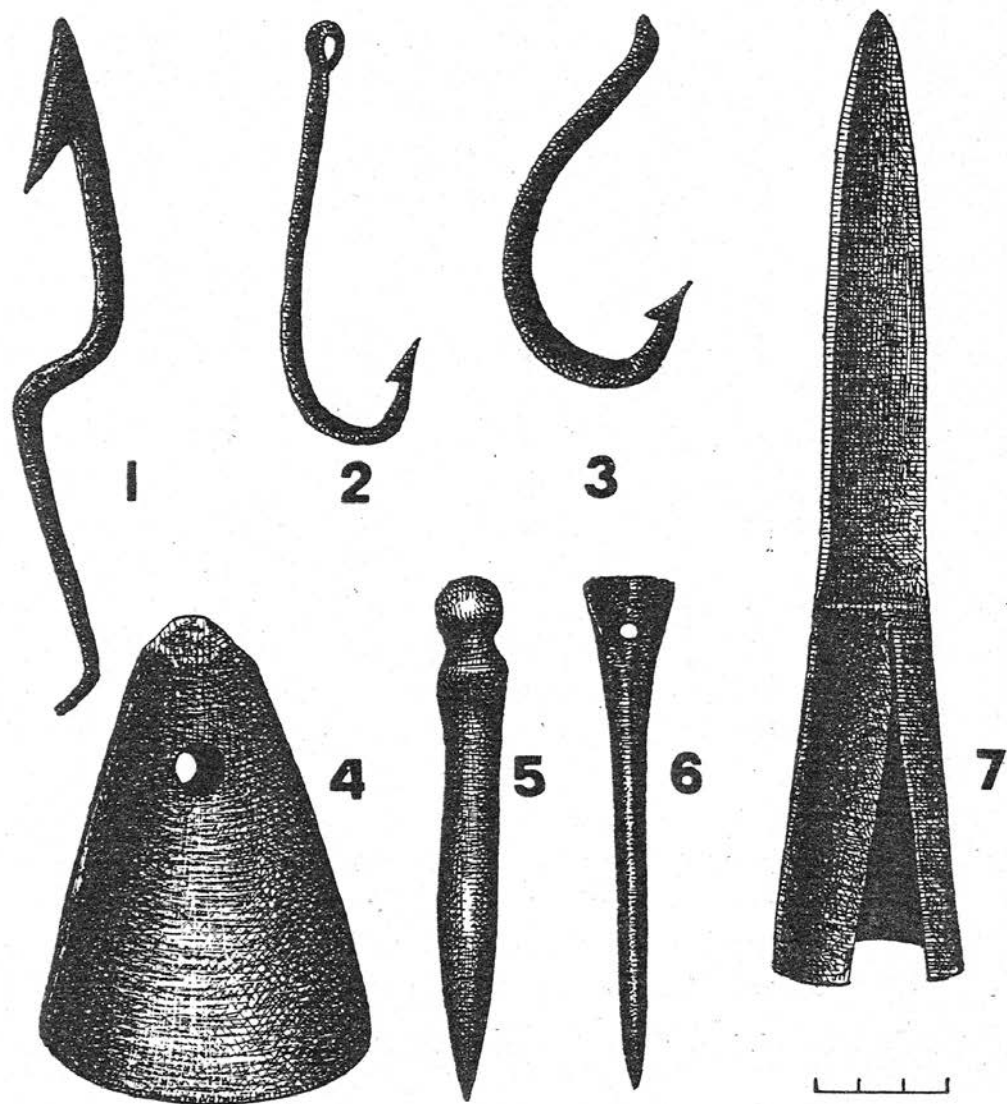
При раскопках всех славянских поселений в большом количестве встречаются кости животных. Донские славяне разводили преимущественно крупный рогатый скот: коров, быков. Молочная пища играла немалую роль. Обнаружены специальные сосуды для приготовления творога — глубокие миски с отверстием внизу. Кроме того, в хозяйстве имелись овцы, козы, свиньи и, конечно, лошади, которые служили не только в качестве рабочих животных, транспортного средства, но конину еще употребляли (хотя и в небольшом количестве) в пищу.

Донская лесостепь отличалась разнообразием диких животных. Охотились на лосей, кабанов, косуль, бобров и других животных. От бобра, кроме мяса, использовали шкурки, которые высоко ценились и в большом количестве сбывались арабским и хазарским купцам и шли на уплаты дани хазарам. Охотились и на других зверей: белок, зайцев, лисиц, медведей. Охоту вели с помощью стрел с железными и костяными наконечниками, а также различных ловушек, капканов.

Охота была одной из важнейших отраслей хозяйства донских славян, и свидетельствует об умении рационально использовать природно-географические условия, а ни в коей мере не о какой-либо примитивности хозяйства.

Дон, Воронеж и другие реки были богаты рыбой. Кости рыб и чешуя встречаются во всех славянских посёлках в бассейне Дона. Водились щуки, лещи, сомы, значительно превышающие по размерам современных. Ловили рыб и других пород, в том числе таких редких и «экзотических» для нашего края, как стерлядь, севрюга. Крупная рыба требовала и соответствующей рыболовной снасти. Рыболовные крючки поражают своими размерами — 8–13 сантиметров! Крючки меньших размеров (5–8 см) встречаются гораздо реже. Кроме крючков для ловли рыбы использовались составные трехзубые остроги. Широко был развит у донских славян и подледный способ добычи рыбы, о чём свидетельствуют находки пешней — массивных втульчатых наконечников. Кроме крючков и острог ловлю рыбы осуществляли при помощи сетей. На поселениях донских славян обнаружены глиняные грузила, но их очень немного. Вероятно, в большей мере использовались каменные грузила, которые прикреплялись к сети непосредственно у водоема и на поселении не встречены. Зато на поселениях найдены в большом количестве костяные иглы-кочедыки для плетения сетей.

Рыболовство средневековых славян являлось, наряду с земледелием, животноводством и охотой, важнейшей отраслью добычи пропитания. Из

Орудия рыболовства: 1 — острога; 2, 3 — рыболовные крючки; 4 — глиняное грузило; 5, 6 — костяные кочедыки для плетения сетей; 7 — пешня (орудие для пробивания льда).
Из фондов музея археологии ВГУ и Воронежского областного краеведческого музея

летописи мы знаем о частых засухах, набегах кочевников, которые разоряли хозяйство славянских семей, ставя их на грань голода и вымирания. Рыболовство, охота, собирательство становились порой единственным средством существования. Рыбу ловила каждая семья и заготавливала её впрок. Но, возможно, были и рыболовы, специализировавшиеся на ловле крупной рыбы, которую обменивали на другие продукты и предметы. В одном из жилищ на I Белогорском городище обнаружено три рыболовных крючка, пешня для пробивания льда в зимнее время и рядом с жилищем — хозяйственная яма-погребок, в которой найдено около 1,5 кг рыбьих костей и чешуи. В жилище обитала семья, для которой рыболовство было очень важным занятием, а запасы рыбы хранились в специальном погребе. Такое же хранилище рыбы найдено и на Животинном городище, где шесть рыболовных крючков обнаружены в постройке № 29. На Большом Боршевском городище расчищена яма, на дне которой обнаружен слой в 10 см из рыбьих костей и чешуи, который мог получиться лишь в результате хранения в яме сушеной рыбы. Здесь были найдены остатки 16 судаков, 25 лещей, 11 жерехов, 4 вырезубов, 1 красноперки.

В целом, говоря о характере рыбного промысла, необходимо отметить, что это была исключительно важная отрасль хозяйства, неотъемлемая часть хозяйственного уклада донских славян, оно было столь же необходимо, как земледелие, животноводство и охота.

Хозяйственная жизнь древних славян в нашем крае была трудной, сложной и разнообразной. Занимались прядением и ткачеством. Обработывали кожу, из которой шили одежду и обувь. Из кости изготовляли ручки для ножей, гребни, украшения и многое другое. Умело и широко применяли дерево, особенно при строительстве жилищ и оборонительных укреплений. Видимо, была и деревянная посуда, но, к сожалению, об этом можно только догадываться — она не сохранилась.

Зато какое изобилие керамических остатков на поселениях донских славян! Глиняная посуда разнообразна: горшки различных форм, в которых готовилась пища и хранились различные припасы; столовые миски, сковородки, на которых пекли хлебные лепешки, большие квадратные или округлые противни с высокими бортами, применявшиеся для сушки зерна перед помолом. Последние часто находят возле печей, а в одном из жилищ у села Борщево удалось определить, что противень был водружен на колышках прямо над печкой. Нередко попадаются и очень маленькие сосудики. Это не что иное, как детские игрушки.

Славянские лепные горшки. Из фондов музея археологии ВГУ

Славянская глиняная посуда имела незатейливый орнамент: по самому краю на сосудах делались различные вдавления (пальцем, ножом, палочкой), верхняя часть тулова сосуда украшалась своеобразным орнаментом — вдавлениями штампа, образованного веревочкой или ниткой, намотанной на палочку. Изготавливали посуду без гончарного круга исключительно женщины. Каждая семья готовила посуду для себя. Вряд ли посуда была предметом обмена или торговли. Никаких специальных устройств (горнов) для обжига керамических изделий не было. Обжигали в обычных печах жилищ, или в открытых очагах вне постройки. Славянская керамика была очень хрупкой, легко билась и требовала постоянного пополнения.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. IX—X вв., то есть время пребывания славян в бассейне Дона, — это период становления, укрепления и развития ремесел в Древнерусском государстве. Гончарный круг во многих районах к концу X в. господствовал безраздельно, и керамика стала предметом ремесленного производства, изготавливалась по заказу или на продажу. Гончарный круг у донских славян не привился, хотя на отдельных поселениях, особенно на р. Воронеж, население было знакомо с приемами работы на нём, и даже иногда гончары, слепив вручную горшок, придавали ему большую стройность, слегка подрабатывая на примитивном гончарном круге, нанося на него уже несколько иной орнамент — волнистые или прямые линии. Но полностью перейти на производство глиняной посуды на круге донские славяне так и не смогли, а возможно, не успели, так как в конце X — начале XI вв. они вынуждены были покинуть свои посёлки.

Одними из важнейших отраслей хозяйства донских славян являлись металлургия и металлообработка, т. е. изготовление изделий из металла, прежде всего из железа. О местной металлургии железа свидетельствует значительное количество железного шлака, встреченного на всех без исключения раскапывавшихся поселениях. Шлак встречен и в культурном слое, и в хозяйственных ямах, и в жилищах (в заполнении, на полу, в печах). Отмечены случаи использования железного шлака в качестве строительного материала при сооружении печей. Сырьё, т. е. болотная руда, на территории лесостепного Дона встречается в значительном количестве.

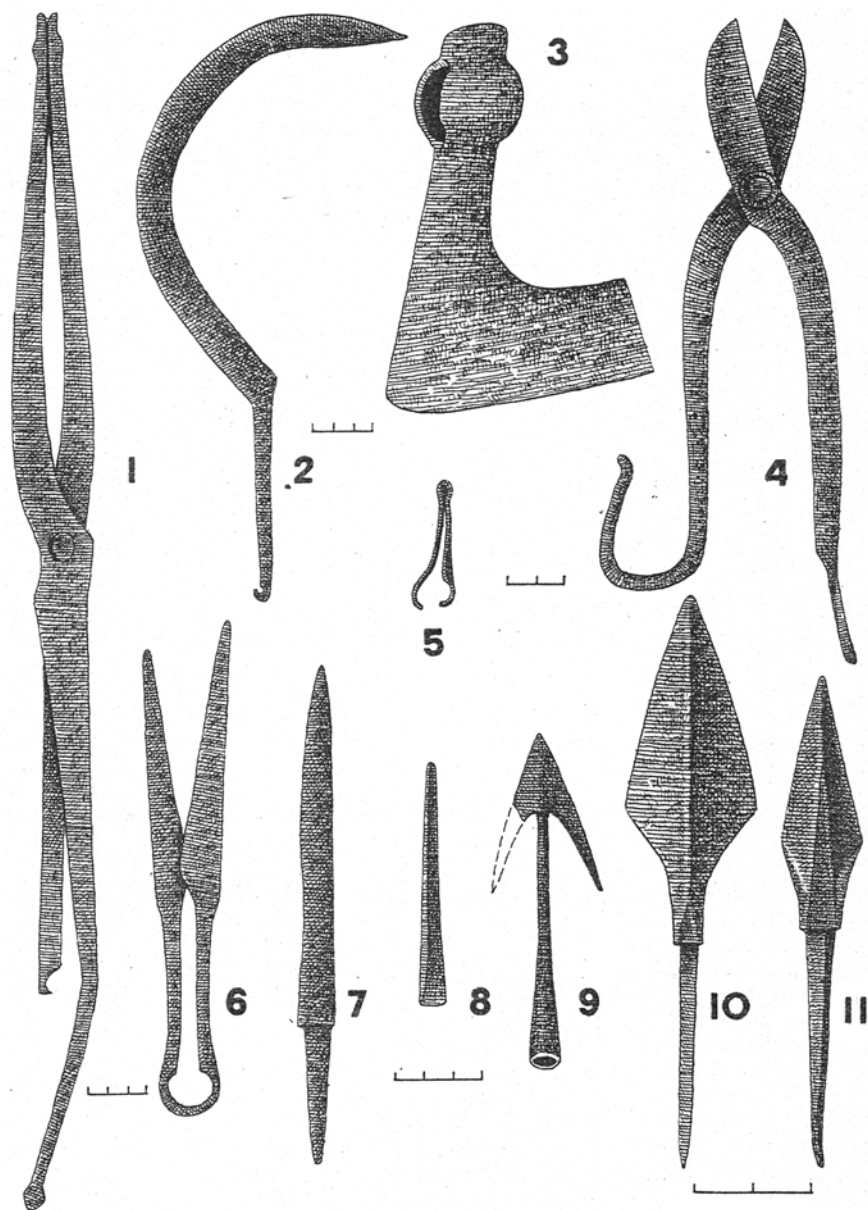
Специальные металлургические печи, в которых плавилась руда, встречены лишь на двух поселениях: Кузнецовском и Животинном. Печи Кузнецовского городища сооружались в полужемляночных постройках. Во всех этих помещениях обнаружены находки бытового характера, украшения, свидетельствующие об их использовании и в качестве обычных жилых помещений.

Вероятно, плавку железа в жилищах осуществляли и жители Титчихинского городища. На площади поселения, в жилых и хозяйственных комплексах встречены не только отдельные куски шлака и их скопления, но и большое число фрагментов перегоревшей до синевы, ошлаковавшейся керамики. Это, как правило, большие сосуды, форма которых не восстанавливается из-за сильной деформации. Иногда куски шлака повторяли форму глиняных горшков.

«Варка» железа в горшках в домашней печи была древнейшим и простейшим способом его производства. Кроме «варки» железа в горшках славянским населением Дона использовался и сыродутный способ получения железа в специальных горнах, широко распространённый у восточных славян в конце I тыс. н. э. Горны располагались, как правило, ближе к сырью, за пределами или на самой окраине поселений.

В литературе уже подчеркивалось, что доменное и кузнечное дело находились в древнерусской деревне в руках одних и тех же мастеров. Производственные помещения, открытые на некоторых поселениях, в частности, на Кузнецовском городище, также свидетельствуют о совмещении производства металла и кузнечного дела. Не исключено, что и в тех жилищах, в которых зафиксирована «варка» железа в горшках, занимались и кузнечным делом.

Наряду с производственными помещениями, предназначенными и для плавки железа, и для выполнения кузнечных работ, у донских славян были

Металлические изделия: 1 — кузнечные клещи; 2 — серп; 3 — топор; 4, 6 — ножницы; 5 — пинцет; 7 — нож; 8 — долото; 9–11 — наконечники стрел.
Из фондов музея археологии ВГУ и Воронежского областного краеведческого музея

и специализированные кузнечные мастерские. Одна из них была исследована на I Белогорском городище.

Кузнечное производство требовало определенного набора инструментов. Он в достаточно широком ассортименте представлен в материалах поселений: клещи, ножницы по металлу, зубила, долота, шилья, пробойники и т. д. И хотя эти предметы обнаружены на разных памятниках и не отражают полного набора, в целом они дают представление об инструментрии кузнеца.

Уровень развития металлургии и металлообработки у донских славян обеспечивал их необходимым количеством и ассортиментом железных изделий. Кроме рассмотренных выше орудий земледельческого, животноводческого и охотничьего хозяйств, рыболовного промысла, славянские кузнецы изготавливали разнообразные орудия труда, связанные с обработкой дерева. Строительство жилищ, сооружение деревянных оборонительных укреплений, изготовление деревянной посуды — все это требовало разнообразного инструмента.

Значительна и разнообразна коллекция бытовых предметов. Среди них: ножницы для стрижки овец, кресала, трубочки для фитиля, замок, ключ для внутреннего замка, кочедыки, дужки от ведер, скобы, ушки от деревянной посуды, и, конечно, ножи.

Металлургия и металлообработка донских славян не только давала возможность обеспечить всем нужным инвентарем внутривозвращенную жизнь, но и снабжала необходимым военным снаряжением. На славянских поселениях Дона обнаружено двадцать пять наконечников стрел. Кроме наконечников стрел на Титчихинском городище найдены обрывки железной кольчуги, обломки мечей. На городище «Михайловский кордон» обнаружен наконечник сулицы (разновидность метательного оружия).

Обрабатывался донскими славянами и цветной металл: бронза и серебро. О том, что плавка цветных металлов осуществлялась непосредственно на поселениях донских славян, свидетельствуют находки глиняных и каменных тиглей, льячек, обломков литейных формочек.

Помимо свидетельств литейного производства на поселениях донских славян выявлены и мастерские по обработке и изготовлению изделий из цветных металлов. Одна из них раскопана на Воргольском городище. Это была не специализированная постройка, а обычное жилое помещение с сильно разрушенной печью-каменкой в северо-западном углу. Аналогичная постройка раскопана и на Животинном городище. Сырьем служили различные привозные вещи, которые ломались, изнашивались, но

никогда не выбрасывались. Орудия труда ювелиров: пинцеты, маленькие долотца, сверла и т. д.

Одним из направлений обработки цветных металлов восточных славян в конце I тыс. н. э. было изготовление различного рода украшений. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что, как отмечали П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, у восточных славян отсутствовала склонность «...к обильным украшениям из металла», и подчеркивали простоту мужского и женского наряда, которую «можно считать одной из этнографических черт восточных славян». Известный археолог-славист И. П. Русанова отмечала, что одной из особенностей культуры ранних славян является «отсутствие среди находок специфических украшений, за исключением вещей общеевропейских типов». Продолжая мысль И. П. Русановой, можно отметить, что славяне в процессе расселения по восточноевропейской равнине и вступления в контакты с различными народами (финскими, балтскими, тюркскими, иранскими) заимствовали у них некоторые типы украшений. Нередко у восточных славян отдельные украшения появлялись в результате торговых отношений. Таким образом, не все найденные на славянских поселениях ювелирные изделия следует рассматривать как результат местного производства. Безусловно, славянскими мастерами на месте изготовлены разнообразные височные подвески, колечки, обнаруженные на всех раскапывавшихся поселениях, и иные украшения, широко представленные в славянских древностях других территорий.

Что касается изделий из серебра, то, вероятно, основным сырьем являлись арабские монеты, которые на памятниках Среднего Дона встречены в достаточно большом количестве. Арабские дирхемы не только выступали в качестве сырья для изготовления украшений, но и довольно часто сами служили украшением. Многие обнаруженные на Титчихинском городище монеты пробиты, а некоторые — дважды. Монета с отверстием, сильно обожженная, обнаружена вместе с кальцинированными костями в одном из курганов на II Белогорском могильнике. На Большом Боршевском городище найдена бронзовая трапециевидная подвеска с припаянным к ней дирхемом.

Таким образом, материалы раскопок поселений позволяют говорить достаточно уверенно об определенной степени развития у донских славян ювелирного дела, которое хотя и не удовлетворяло полностью спрос на украшения, но соответствовало общему уровню развития экономики у славянского населения Дона.

Работа мастеров по металлу (черному и цветному) требовала определенных знаний, опыта и достаточно высокой квалификации. Славянские кузнецы владели различными технологическими приемами.

Оценивая мастерство кузнецов и ювелиров донских славян, можно сказать, что и по качеству, и по ассортименту их изделия почти ничем не уступали продукции мастеров городских центров. Вряд ли каждый житель славянского посёлка владел навыками обработки металлов, и тем более цветных. И если гончарством, ткачеством, обработкой кожи и кости занималась каждая славянская семья, снабжая себя и посудой, и тканями, и различными бытовыми предметами, то изделия из металла приходилось заказывать специалисту-кузнецу, обменивая их на различные сельскохозяйственные продукты. Такие мастера жили в каждом посёлке.

У донских славян к концу I тысячелетия вряд ли существовал в развитом виде внутренний обмен. Даже при довольно высокоразвитом металлообрабатывающем производстве и других видах домашних ремёсел ни на одном поселении не выявлено каких-либо крупных производственных комплексов, позволяющих говорить о наличии специалистов-ремесленников, живших только за счёт своего ремесла. Но при этом нужно отметить, что отрицать вообще внутренний обмен также нет оснований. Кузнецы, ювелиры, другие мастера, хотя полностью и не оторвались от земледельческого и скотоводческого хозяйства, тем не менее за свою продукцию, которую изготавливали на заказ, получали плату в виде различных натуральных продуктов.

Больше оснований мы имеем говорить о довольно развитой внешней торговле донских славян. При этом необходимо иметь в виду географическое положение донской славянской группировки. Занимая окраинное положение в восточнославянском мире в конце I тыс. н. э., живя непосредственно у границ Хазарского каганата и являясь по существу первыми славянскими племенами на длительном пути сухопутных купеческих караванов из Волжской Болгарии и из Средней Азии в Киев и другие древнерусские города, донские славяне, естественно, не могли остаться в стороне от той обширной и разнообразной торговли, в которую были втянуты многие народы в эпоху средневековья. Да и сама река Дон — одна из крупнейших рек Восточной Европы — стала торговой артерией, ведущей из восточнославянского мира в Хазарию и далее — в Среднюю Азию и на Передний Восток. Донские славяне не только сами торговали с Востоком, но и являлись своеобразной перевалочной базой, через которую велась торговля Востока с другими районами восточнославянского мира.

О развитии торговли свидетельствуют и привозные вещи, которые встречаются на всех поселениях. Это прежде всего стеклянные бусы из мастерских Ближнего Востока, каменные бусы из сердолика среднеазиатского производства. В большом количестве найдена посуда, изготовленная в Херсонесе и в других южных ремесленных центрах. Вряд ли доставляли в славянский мир пустые сосуды (амфоры, кувшины, пифосы). Вероятно, в них везли с юга различные товары: вина, масла. А славяне могли предложить взамен продукты сельского хозяйства и охоты: меха, кожи, возможно, мёд и воск. О бортничестве славян мы знаем из древнейшего свода русских законов — «Русской правды». Арабский путешественник Абу Хамид писал: «И когда я прибыл в их (славян) страну, я увидел страну обширную, богатую мёдом, пшеницей, ячменем и крупными яблоками...» [Цит. по Монгайт, 1959. С. 175].

Ярким показателем торговли с восточным миром являются монеты — арабские дирхемы, находки которых археологи считают для себя большой удачей.

Июль 1957 года. Обычный рабочий день на раскопках Титчихинского городища. Идет расчистка котлованов построек, тщательно просматривается земля, в работе ножи, кисти. Все очень внимательны. В одной из полуземлянок обнаружена интересная находка — на полу стоял горшок с горохом. Уже этого было достаточно для того, чтобы считать, что день на городище проведён не зря. Но главное ждало впереди. День клонился к концу, и раскоп почти все покинули, забрав лопаты, носилки и дневные трофеи — керамику, кости животных, шлаки. Задержались лишь самые преданные и стойкие (такие всегда есть в экспедиции, которые вместе с руководителем последними покидают раскоп). Они убрали из жилища накопанную землю, которую нельзя оставлять на ночь: может пойти дождь, образуется грязь, а это затруднит дальнейшую работу. И в тот момент, когда работа была уже закончена, произошло непредвиденное. В углу за печкой, из забутовки между материковой стеной и остатками её деревянной облицовки выпала арабская монета-дирхем. Начальник экспедиции А. Н. Москаленко спустилась в котлован и стала осторожно расчищать этот участок. Монета была не единственной. Здесь был клад.

Уже темнело. Но оставлять на ночь по существу уже вскрытую сокровищницу нельзя. Весть о том, что на городище найден клад монет, быстро стала известна в лагере и даже на хуторе Титчиха, откуда, не заставив себя ждать, прибежали дети — добровольные и верные помощники в раскопках Титчихинского городища. Работа продолжалась при свечах и керосиновой лампе. Необходимо было не просто собрать все монеты, но и точно

зафиксировать их местоположение. Несмотря на необычные условия, работа была проделана очень тщательно и аккуратно. Клад состоял из 22 монет. Все монеты лежали на ребре. Вероятно, они были уложены в небольшую коробочку и спрятаны в нишу стены.

На Титчихинском городище в последующие годы нашли ещё несколько арабских монет. Одной из особенностей многих монет этого городища, в том числе и из клада, является наличие у них отверстий. Монеты служили украшениями в ожерельях.

Ещё один клад арабских монет найден в 1966 г. на городище у села Борщево на Дону. Здесь в середине X в. под кровлей жилища, вероятно, в деревянном ящичке было спрятано 106 монет. Клад этот необычен: 92 монеты оказались не подлинными арабскими, а подражаниями, или, как мы сейчас сказали бы, фальшивыми. Они отличаются от подлинных и худшим качеством серебра, из которого чеканены, и менее четкими надписями на них.

В 1939 г. у с. Девица на р. Девица в 5 км от её впадения в Дон и примерно в 15 км от городища Титчиха обнаружен клад из 299 целых арабских монет и 24 обломков. Клад содержал, по мнению его исследователя, 86 «очень странных монет», изучение которых дало ему право сделать вывод о возможности чеканки этих 86 монет-подражаний где-то на территории Хазарского каганата [Быков, 1974. С. 68].

Конечно, интересно было бы узнать: где, в каком городе занимались подобным «ремеслом»? В Саркеле или в столице Хазарии Итиле, а может быть, в столице Волжской Болгарии — Булгаре, куда стекались многочисленные купеческие караваны со своими товарами из Руси, из Скандинавии, из Средней Азии, из Хазарии? Там происходили крупные торговые сделки, о чём очень хорошо пишет арабский путешественник ибн-Фадлан [Цит. по Ковалевский, 1956].

Трудно ответить сейчас на поставленный нами вопрос. Но бесспорно одно — в эпоху раннего средневековья славянское население Дона было втянуто в орбиту активной экономической жизни, и места их обитания никак не назовешь «глухой окраиной» славянских земель.

Говоря о торговых связях донских славян, необходимо отметить, что Средний Дон стоял и на пути караванной сухопутной торговли с Востоком. На Боршевском и Титчихинском городищах обнаружены кости верблюдов. Каким образом могло попасть сюда столь экзотическое для данного края животное? Конечно, в результате караванной торговли, для которой использовали верблюдов, приспособленных для длительных переходов в условиях засушливого и пустынного Поволжья, Приаралья, Средней Азии. Довольно осно-

вательно этот вопрос рассмотрен Б. А. Рыбаковым. На основании тщательного анализа труда арабского географа Абу Абдаллаха Мохамеда аль-Идриси «Услава путешественников вокруг света», составленного в 1154 г. в Палермо для короля Рожера II, он убедительно доказал, что торговый сухопутный путь из Волжской Болгарии в Киев в X в. проходил через земли донских славян.

Араб Ибн-да-Русте сообщает: «В самом начале пределов славянских находится город, называемый ВаТ (Ва.иТ). Путь в эту страну идет по пустыням и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса». А в другом источнике читаем: «И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит». По мнению Б. А. Рыбакова, путь из Киева в Булгар мог идти следующим образом: Киев — водораздел Сейма и Сулы — верховья Северского Донца — Дон (между Воронежем и устьем Тихой Сосны) — верховья Цны и Хопра — водораздел Мокши и Суры — Булгар. В другой работе Б. А. Рыбаков конкретизирует место возможной остановки каравана купцов с товарами, шедшими из Булгара в Киев. Таковым он считает городище «Михайловский кордон» на р. Воронеж, связывая его с упомянутым в арабских источниках городом Вантитом, расположенным в «самом начале пределов славянских», в названии которого, по его мнению, нашло отражение имя племени вятичей. В обобщающей работе, посвященной Киевской Руси, Б. А. Рыбаков неоднократно обращается к анализу торгового сухопутного пути Булгар — Киев и вновь предлагает рассматривать городище «Михайловский кордон» как город Вантит в земле вятичей, на восточной окраине славянского мира.

Точку зрения Б. А. Рыбакова на городище у «Михайловского кордона» как на возможный город «Вантит» поддержал и А. Д. Пряхин, опубликовавший на эту тему несколько статей. Повторив в основном аргументы Б. А. Рыбакова, А. Д. Пряхин предложил рассматривать понятие «Вантит» как целый комплекс памятников, включающий в себя и ряд городищ на северной окраине г. Воронежа. С этим очень трудно согласиться, т. к. в контексте всех сообщений письменных источников речь идет о каком-то конкретном населенном пункте.

Безусловно, одним из опорных пунктов в торговле донских славян с Востоком было Титчихинское городище. Многочисленные находки монет, бусы и другие украшения, импортная тарная керамика, удобное географическое положение (действительно, «первый город в славянской земле»), кости верблюда (транспортное животное в караванной торговле), наличие клетей вдоль внутреннего вала, в которых могли останавливаться купцы с товарами — все это дало основание А. Н. Москаленко высказать мнение о возможности отождествления поселения на месте городища Тит-

чиха с «Вантитом», и в настоящее время нет данных, которые бы этому противоречили.

В целом, оценивая роль торговли у донских славян, необходимо отметить, что она, с одной стороны, являлась существенным элементом экономики, восполняя недостающее сырье, некоторые вещи (главным образом, украшения) и продукты, с другой, конечно, не торговля и обмен определяли общий уровень экономики славянского населения.

* * *

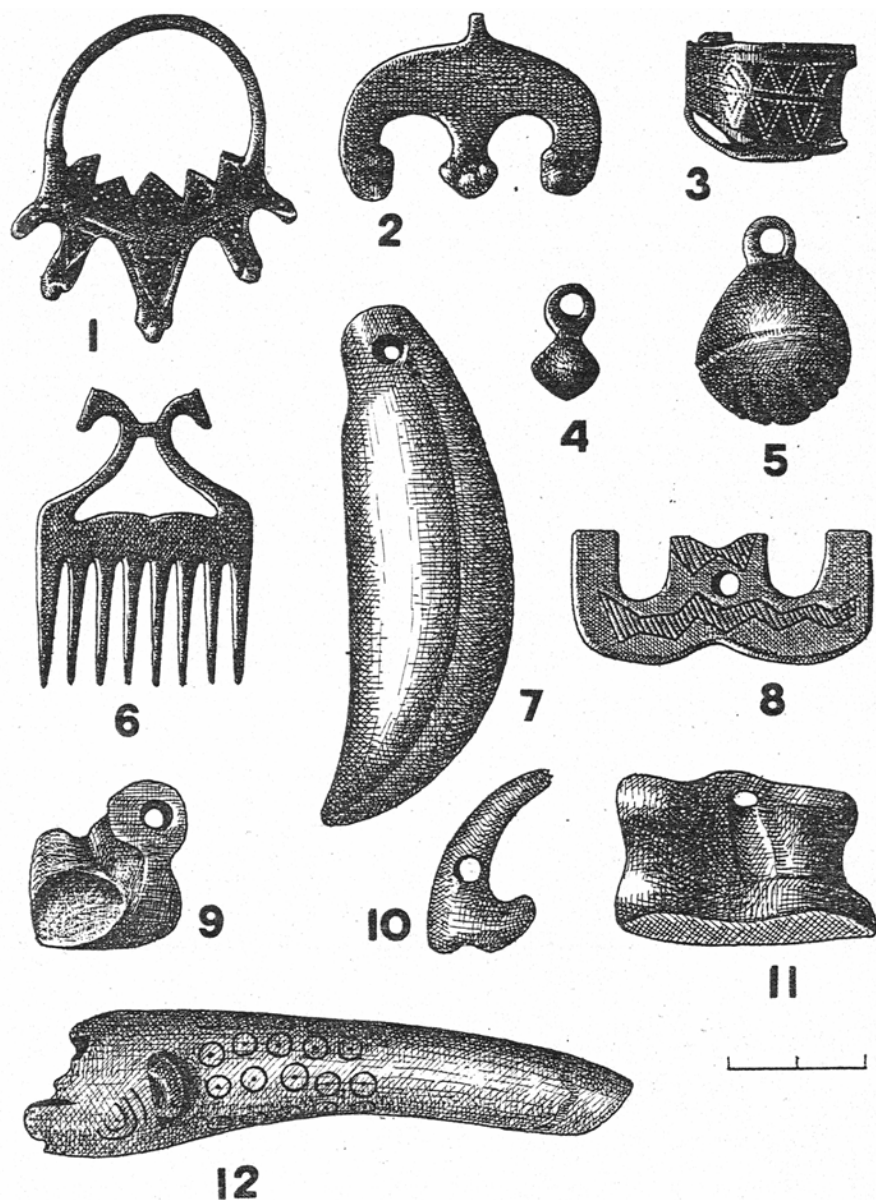
Обратимся к источникам, которые могут пролить свет на изучение духовной жизни славян.

Под 988 г. в «Повести временных лет» говорится: «И когда пришел (князь Владимир из похода на Византию в Киев. — А. В.) повелел опрокинуть идолов — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву извозу к ручью, и приставить двенадцать мужей колотить его жезлами». Так в Киевской Руси расправлялись со старыми, тысячелетиями складывавшимися традициями, с языческим мировоззрением, которое определяло не только отношение славян к окружающему миру, но и понимание своего места в нём. Так пытались вытравить из сознания людей то, чем по существу жили, и что определяло духовный мир многих поколений восточных славян.

Восточнославянское язычество сложно и многогранно.

О религиозных представлениях славян рассказывают курганы, культовые сооружения — святилища, многочисленные находки амулетов-оберегов. С них мы и начнём рассказ о языческих верованиях славянского населения, обитавшего в последних веках I тыс. н. э. в Воронежском крае.

Что такое амулеты? Это определенные предметы, которые должны приносить удачу и охранять владельца от бед и несчастий. Большинство амулетов донских славян изготовлено из костей животных, на которых они охотились. Амулеты носили, подвешивая их к поясу, или в ожерельях вместе с украшениями. Особенно интересны амулеты из астрагалов бобра. Именно с бобрами, которые подпиливают деревья, строят домики, ведут активную ночную жизнь, связывают происхождение некоторых явлений языческой религии, в том числе таких персонажей, как водяные. Амулеты из астрагала косули встречаются очень часто, их носили взрослые и дети, вероятно, нередко теряли, и многие из них попали в руки археологов. Немало амулетов из клыков медведя, лисицы. Почитание медведя — царя русских лесов — не случайно: вся жизнь древних славян связана с лесом, с его животным миром.

Украшения и амулеты: 1 — височное кольцо; 2 — лунница; 3 — уса́тый перстень; 4 — пуговица; 5 — бубенчик; 6–12 — амулеты (1, 6 — серебро; 2–5 — бронза; 7–12 — кость).
Из фондов музея археологии ВГУ и Воронежского областного краеведческого музея

Любопытны металлические так называемые солнечные амулеты. Один из них найден на I Белогорском городище. Маленький серебряный гребешок, украшенный двумя головками лошадей, повернутыми в противоположные стороны — так называемый двуглавый конек. У многих народов мира наблюдается культ коня, конь считался священным животным, связанным по своей семантике с солнцем. Он воспринимался как символ счастья, добра, благополучия.

Славянские языческие святилища — места особенно почитаемые, где собирались люди не одного поселения, а, возможно, со значительной округи для свершения различных обрядов, молений. Здесь разжигали костры и приносили жертвы языческим богам. К сожалению, пока найдено единственное культовое сооружение в земле донских славян — культовый центр у с. Нижний Воргол в Елецком районе Липецкой области. На высокой горе, известной как Воргольское городище, обнаружена площадка из обожженной глины размером 6 × 12 м. Примерно в центре её — яма, а вблизи ямы остатки кострищ; у края — часть скелета лошади, наконечники стрел и некоторые другие предметы. Вокруг площадки было несколько ям с золой, углями, отдельными вещами (керамика, пряслица, серьги и другие предметы).

Каким был этот культовый комплекс в древности? В яме посередине площадки стоял деревянный идол, возможно, один из главных языческих богов Перун — бог грома и молний. Вокруг него в дни праздников и особых торжеств зажигались костры, а в ямах, окружавших площадку, костры, вероятно, горели если не постоянно, то очень долго. Языческому богу приносили жертвы: животных, отдельные вещи. Именно такие «храмы» имел в виду киевский князь Владимир, когда после официального принятия христианства на Руси «...приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры».

В языческую эпоху у славян ни в чём так ярко и многолико не проявилось их мироощущение, как в погребальной обрядности. До принятия христианства на Руси, а в некоторых районах и много позднее, умерших сжигали. Огонь — вот что почиталось, перед чем преклонялись. Огонь горел в самых священных местах. У славянских племён было особое уважение к очагу, были обычаи гадания на углях, золе, пламени. Огню приносили жертвы, все важнейшие праздники проходили при особом почитании огня.

Арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан, наблюдая в X в. похороны руса (так часто называли восточных славян), поинтересовался, почему они сжигают умерших, и один из русов ему ответил: «Право же, вы, арабы, глупы. Действительно, вы берете самого любимого вами из людей и самого

уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай». И усмехнувшись, рус добавил: «По любви господа к нему, он послал ветер, так что он, ветер, возьмёт его в течение часа». — «И в самом деле, — пишет ибн-Фадлан, — не прошло и часа, как всё превратилось в золу, потом в пепел» [Цит. по Ковалевский, 1956. С. 145]. А потом, сообщает ибн-Фадлан, был сооружен крупный холм и в середине поставили деревянный столб, начертан на нём имя похороненного.

В течение многих столетий сжигали славяне умерших и насыпали курганы. По всей восточнославянской земле разбросаны большие и малые курганные могильники — древнеславянские кладбища. В большинстве случаев они связаны с конкретными поселениями. Многих уже нет, и лишь незначительная их часть стала достоянием науки и служит источником изучения жизни славян.

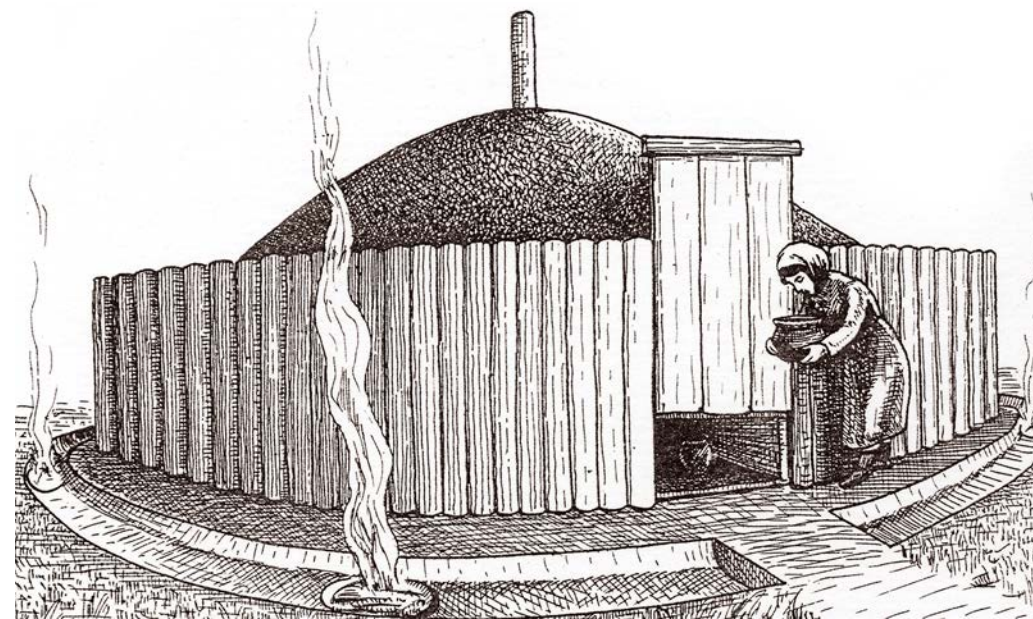
В настоящее время славянские могильники довольно редки. Но Воронежскому краю в этом отношении повезло. У села Борщево на Дону, где имеются неоднократно упоминаемые нами городища, есть и могильник, ещё недавно насчитывавший около 80 курганов. На реке Воронеж могильников гораздо больше. На хорошо известной многим воронежцам Лысой горе (сразу за санаторием имени М. Горького), внимательно приглядевшись, нетрудно заметить крутобокие насыпи диаметром 6—12 м и высотой 1—2 м. Сейчас здесь около 200 насыпей, а ещё каких-то 80 лет назад было намного больше. Берег обваливается, а вместе с ним осыпаются курганы. Само название — Лысая гора — тоже необычное. Б. А. Рыбаков считает, что это широко распространённое у славян название ритуальных возвышенностей, гор, холмов. Может быть, из той столетиями отдаленной от нас эпохи, когда на этом месте хоронили славяне своих сородичей и насыпали курганы, когда здесь горели ритуальные костры, и дошло до нас название «Лысая гора». Тут хоронили и жителей Кузнецовского городища, и городища Михайловский кордон.

Два курганных кладбища обнаружены и у Белой горы. Одно из них (48 курганов) вплотную подходит к городищу, второе располагается на высоком мысу в километре вверх от него по течению реки Воронеж. Здесь более 600 курганов. Вот уж действительно простор для археологических работ! Но, к сожалению, трудно раскапывать эти курганы, за последние столетия поросшие густым лесом, хотя именно благодаря лесу сохранились, не подверглись ни распашке, ни каким-либо другим разрушениям столь большие древние славянские кладбища.

Раскопки славянских курганов в бассейне Дона дают очень ценные, а порой и единственные сведения не только о языческих представлениях людей, но и об их этнической истории. Какое восточнославянское племя тут обитало, а может быть, жили разные племена? Ведь летописи об этом молчат.

Боршевский могильник расположен на высоком плато правого берега р. Дон у с. Борщево в Хохольском районе Воронежской области. Высота курганов от 0,7 до 2,15 м при диаметре 9—14 м. Все курганы сложены из чернозема с меловой щебенкой. Землю для насыпки курганов брали не только из околочурганых ровиков, очень незначительно углубленных в материк, но и с окружающей площади, в том числе, вероятно, и с территории Большого Боршевского городища. Исследование ровика в одном из курганов показало, что в материк он почти не углублен, в нём выявлены пять костровых ям, располагавшихся на расстоянии 5,5—6,7 м друг от друга. Ровик является своеобразным культовым сооружением.

В насыпях ряда курганов выявлены площадки из обожженной глины. Эти площадки специально сооружались для ритуальных костров.

Погребальное сооружение донских славян по материалам раскопок Боршевских курганов. Реконструкция А. Т. Синюка

Одной из интересных особенностей Боршевских курганов является наличие в них деревянных конструкций, которые представлены погребальными камерами и круговыми оградками. Погребальные сооружения в виде деревянных ящиков располагались в северо-восточном секторе. Размеры их — 1,3–2,32×0,8–1,4 м, высота — 0,3–0,6 м. Форма камер различна: от почти квадратной до вытянутой прямоугольной. Длинной осью почти все камеры ориентированы по линии северо-восток — юго-запад, с некоторыми отклонениями в ряде случаев. Камеры имеют три стены: северо-западную, юго-восточную и юго-западную, четвертая стена — та, которая обращена к полю кургана, в большинстве случаев отсутствует. С этой стороны камеры открыты. У входа в камеру вкопаны в материк два столбика, которые составляют конструкцию входа в камеру. В большинстве из них имеется деревянная крыша, сооружённая из трех-четырех продольных плах.

Одним из обязательных элементов погребальных сооружений почти всех Боршевских курганов является круговая ограда, которая сохранилась на высоту 0,3–0,7 м. Диаметры кольцевых оградок 5,5–10,5 м. Оградки несли двойную функцию: культовую и конструктивную. Во всех курганах оградки прерывались в северо-восточном секторе напротив входа в погребальную камеру. Во всех курганах оградки не имеют следов огня.

В пяти курганах прослежены остатки столбов, которые стоят в центре или почти в центре курганов. Не исключено, что столбы были и в других курганах, но были поставлены в самой верхней части и не сохранились.

Одной из характерных черт данного могильника является почти полное отсутствие, кроме керамики, инвентаря в погребениях, не считая отдельных находок: бляшка, четыре оплавленных бусины, сильно коррозированный железный нож, железный нож с обломанным лезвием, две бусины — хрустальная 14-гранная и сердоликовая призматическая. Эти отдельные находки вряд ли являются результатом преднамеренного ритуала класть вещи в погребения. Они попали сюда вместе с кальцинированными костями.

В раскопанных курганах Боршевского могильника было встречено 50 сосудов, различных по форме, по обработке, по глиняному тесту, из которого они изготовлены. Некоторые сосуды не имеют в своём заполнении пережженных человеческих костей. Эти сосуды, по-видимому, были предназначены для ритуальной пищи.

В Боршевском могильнике глиняные сосуды найдены как в целом состоянии, так и в обломках. Целые сосуды встречены только при погребениях. Иногда отдельные части сосудов, связанные непосредственно с погребением, выполняли роль целого. Встречаются обломки от специально

разбитых сосудов и разбросанных в насыпи. Назначение целых сосудов, встреченных в курганах, как известно, может быть двойное. С одной стороны, они выполняли функции погребальных урн, куда ссыпали прах покойника после сожжения, с другой — сосуды могли быть заполнены пищей или иметь какое-либо иное ритуальное назначение.

Так на основе археологических материалов выглядят погребальные сооружения славянского населения Среднего Дона. Письменные источники, этнографические данные существенно дополняют эти сведения и дают возможность, хотя и с определенными оговорками, но достаточно полно реконструировать и сам погребальный обряд, и последовательность его выполнения.

«Когда кто-то умирает в доме, — читаем у ибн-Русте, — женщины царапают себе лицо и руки ножом». Затем начинается подготовка погребального костра. К сожалению, ни в одном случае неизвестно место сожжения. Ясно одно: оно происходило не на месте будущего кургана, в котором совершалось захоронение. Сожжение умершего — очень важное событие, оно сопровождалось большим стечением народа и, как пишет ибн-Русте, шумным весельем, радостью по поводу милости, оказанной умершему богом. А ещё один средневековый арабский путешественник — Гардизи — дополняет: «И на струнных инструментах они играют при сжигании мертвых» [Цит. по: Новосельцев, 1965. С. 395].

А на месте будущего захоронения, там, где предполагалось насыпать курган, готовились принять остатки кремации. Сооружали деревянную камеру. Она ставилась не в центре, который был уже намечен для будущего кургана, а в его восточной половине, причем открытой стороной максимально ближе к предполагаемому краю кургана. Затем уже по периметру будущего кургана ставилась деревянная столбовая оградка, которая прерывалась там, где она подходила к открытой стороне камеры. Лишь после этого с погребального костра собирали остатки кремации человека и животных и, очистив их от золы, пепла, а может быть даже и помыв, помещали в глиняный сосуд (горшок, миску) и ставили в погребальную камеру. В подавляющем большинстве погребальные урны специально изготовлялись для погребений. Они, как правило, плохо обожжены, очень хрупкие, не имеют никаких следов употребления в хозяйстве. Сюда же приносили сосуды с пищей и питьем. Затем наступал момент насыпки кургана. Насыпали не только члены семьи умершего, а, вероятно, «всем миром».

Во время насыпки курганов посуда специально билась и разбрасывалась в насыпи на различных глубинах по всей площади насыпи. Разбра-

сывались обломки от одного или нескольких сосудов. Причем, намеренно разбивали и разбрасывали только горшки. Обычай разбивать горшки во время совершения погребального ритуала неоднократно отмечали различные исследователи славянских и не только славянских курганов. А. Котляревский обращал внимание на наличие рассматриваемого обряда при захоронении и в более позднее время у русского населения. Он отмечал, что при выносе покойника из дома «жена хватала новый горшок и разбивала его о землю...» и высказал предположение, что данный обряд может быть символическим выражением мысли, «что домашняя собственность не переживает своего хозяина, или что усопший разорвал свою связь с хозяйством». Землю ссыпали внутрь столбовой оградки, которая как бы обрамляла курганную насыпь. Погребальная камера с прахом умершего не присыпалась вся, край её оставался свободным от земли, а открытый вход закрывался большим камнем или толстой деревянной плахой. Собственно, в древности курган был не таким, каким он нам сейчас представляется. Это было своеобразное погребальное сооружение из дерева и земли. Возведя часть будущего кургана, приносили хворост, поджигали, отдавая дань огню. Вокруг кургана образовывался неширокий ровик, из которого брали землю. По окончании работы в ровике зажигали костры в память о покойнике. Завершался ритуал похоронной трапезой или, по летописному, «стравой». Когда в семье умирал ещё один её член, всё повторялось сначала, с той лишь разницей, что камера уже готова, курган насыпан, осталось только отодвинуть камень или плаху от входа, поставить новый сосуд с костями и в память о новом захоронении зажечь новый костёр на кургане и в ровике вокруг него. Количество сосудов, содержащих кальцинированные кости, вероятно, соответствует количеству погребений в кургане. Добавим к этому очень точное, поражающее своей полнотой описание погребального обряда, содержащееся в летописи Нестора: «... и аще кто умряше — творяху тризну над нимъ и посем сътворяху краду велику и възложяху на краду мъртвъца и съжъжаху. И по семь, събровъше кости, въложяху в судину малу и поставляху на стълпе на путьх, еже творять Вятичи и ныне».

И ещё одна очень важная деталь имеется в летописи: «творять Вятичи и ныне». Значит, речь идёт о вятичах, значит, можно назвать племя, которое насыпало курганы с деревянными ящиками и оградой? Точно такие же курганы, действительно, обнаружены в земле вятичей, которую летописец помещает на Верхней Оке. Оказывается, вятичи жили и на Среднем Дону, хотя в летописи об этом не сказано.

Близость погребальных сооружений Боршевского и ряда Верхнеокских вятичских могильников конца I тысячелетия несомненна, что можно объяснить только этнической общностью населения, оставившего эти памятники. Соглашаясь с концепцией о переселении вятичского населения с Верховьев Оки в Донской бассейн, необходимо отметить, что она верна только для населения, освоившего берега Среднего Дона (Боршевские и другие городища). Вероятно, сюда переселилась какая-то устойчивая группа населения, этнически сложившаяся, со стабильным погребальным обрядом. Переселение это произошло не ранее IX в., а возможно, даже его второй половины. Не исключено, что продолжалось оно и на рубеже IX—X вв.

Но не во всех курганах бассейна Дона обнаружены деревянные камеры и оградки. Их почти нет в курганах на р. Воронеж. Значит, не только вятичи освоили Донской бассейн, а на р. Воронеж жило и какое-то другое славянское племя?

Курганных могильников конца I тыс. н. э. на р. Воронеж известно семь, и все они связаны с конкретными городищами: Шиловский, Кузнецовский, Лысогорский, Белогорский I, Белогорский II; Белогорский III (Чертовичский), Животинный.

Курганы из могильников на р. Воронеж содержат разные типы погребений: 1) курганы с трупосожжением на стороне с помещением кальцинированных костей на погребённой почве в восточной половине; 2) курганы с трупосожжением на стороне и помещением остатков кремации в деревянные камеры; 3) трупосожжение на стороне с вторичным обжигом на месте кургана; 4) курганы с трупосожжением на месте; 5) курганы с трупосожжением на месте в деревянных сооружениях.

В могильниках на р. Воронеж деревянные погребальные камеры и кольцевые оградки встречаются значительно реже, но те, которые выявлены на этих могильниках, во многом отличны от Боршевских: сооружены, как правило, из одного венца брёвен, в ряде случаев, возможно, заранее обожженных; значительно меньше донских по размерам; имеют следы сильного сожжения; содержат по одному захоронению; некоторые из них сооружены на специальных земляных подсыпках, что, возможно, связано с их дальнейшим сожжением. Ни в одном из курганов на р. Воронеж не встречены оградки, аналогичные оградкам Боршевского могильника.

При наличии в курганах на р. Воронеж сравнительного разнообразия вариантов погребального обряда, в основе его лежат элементы восточнославянского погребального обряда. Вероятнее всего, из района Днепровского Правобережья шел процесс переселения славян на р. Воронеж.

Не исключено, что среди переселенцев были и поляне, и выходцы из Северянской земли, а на каком-то этапе здесь появились переселенцы — вятичи со Среднего Дона. В целом картина в этом регионе была довольно сложная и пёстрая для того, чтобы назвать какое-то конкретное славянское племя, здесь обитавшее. Вероятно, именно в это время и было сюда принесено название р. Воронеж.

Совершенно очевидно, возникает вопрос: в каком отношении рассматриваемый нами регион соотносился с Древнерусским государством, входила ли территория Среднего и Верхнего Дона, заселенная славянами в конце I тысячелетия, в государственную территорию? В работах большинства исследователей, в той или иной степени обращавшихся к донским славянам, этот вопрос вообще не ставился. А. Н. Москаленко отмечала, что одним из источников пополнения славянского населения на Дону было бегство закрепощаемого населения в глухие, отдаленные районы, каким был бассейн Верхнего и Среднего Дона. Вероятно, эти районы, по мнению А. Н. Москаленко, были вне сферы досягаемости и киевских князей, и их дружины. Вместе с тем А. Н. Москаленко подчеркивала, что основной поток переселенцев связан со стремлением освоить свободные земли, и шёл он из района расселения вятичей, т. е. из Верхней Оки. Вятичи, как известно, вошли в состав Древнерусского государства не ранее 60-х гг. X в., а следовательно, вполне допустима мысль и о невхождении донских вятичей в территорию древнерусского государства. Немало внимания данному вопросу уделил Б. А. Рыбаков. Он рассматривал памятники донских славян как самые южные поселения вятичей, которые стремились укрепиться здесь на пересечении важных торговых путей. Б. А. Рыбаков рассматривал вятичей как совершенно самостоятельное политическое объединение, независимое от власти киевского князя вплоть до второй половины X в. Именно в этом контексте и следует, по мнению Б. А. Рыбакова, рассматривать памятники донских славян.

Славянское население Лесостепного Дона вряд ли до 960-х гг. входило в состав Древней Руси. Оно заселяло довольно компактную территорию, отделенную от северянской группы памятников довольно широкой (150—200 км) полосой, где нет славянских поселений этого времени. Кроме того, с юга в эту «пограничную» зону вклинивается массив населения салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата на р. Оскол (левый приток Северского Донца). Постепенно крепнувшее и расширявшее свои границы Древнерусское государство освобождалось от хазарской дани. Летописец под 884 г. записал: «Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легъку, и не даст им казарам дани платити рек: «Аз им противен,

а вам нечему». А в 885 г. освободились от хазарской дани радимичи. «Кому дань даете, — обратился к ним князь Олег, — они же реша: «Козаром». И реча им Олег: «Не дайти козарам, но дайте мне». И въдаша Ольгови по шгыягу, яко же и казарам даяху». Очень красноречиво и выразительно описал летописец освобождение полян от хазарской дани. Очередной их поход в земли полян закончился тем, что получили хазары от «...дыма мечь». Это был символ непокорности хазарам и демонстрация полной экономической и политической свободы. Но ещё долго продолжали платить хазарам дань вятичи — племя, отдалённое от центра Древнерусского государства, которое позже всех, не ранее второй половины X в., вошло в его состав. А донские вятичи освободились от дани лишь с упадком и гибелью самого Хазарского каганата после похода Святослава на вятичей, на Болгар и на Хазарию в 964—966 гг.

Мы совершили очень короткое путешествие в славянский мир VIII — нач. XI вв., постарались охватить, на наш взгляд, самое главное. Мы отдаем себе отчёт, что всё было значительно сложнее, чем сейчас представляется.

* * *

Проблема контактов двух этносов: восточных славян, обитавших в бассейне Дона, и их соседей алан и болгар — племён салтово-маяцкой культуры — поднималась различными исследователями, как теми, кто занимался изучением собственно славян, так и теми, кто исследовал памятники салтово-маяцкой культуры.

Рассматривая связи двух соседствующих этнических групп — донских славян и населения салтово-маяцкой культуры, прежде всего необходимо отметить, как уже подчеркивалось, наличие торговых отношений между ними. Но масштабы этой торговли или обмена, судя по количеству вещей салтово-маяцкой культуры, находимых на славянских памятниках в бассейне Дона, были незначительны. Это, главным образом, украшения и некоторые типы орудий, возможно, предметы конской упряжи.

Население салтово-маяцкой культуры играло не последнюю роль и в торговле донских славян с арабским миром, с причерноморскими городами. Об этом свидетельствуют и находимые на славянских памятниках арабские монеты, стеклянные бусы, амфоры и кувшины южного и ближневосточного производства. Есть на славянских поселениях в бассейне Дона и тарная салтово-маяцкая керамика, свидетельствующая о наличии торговых отношений.

Массовое расселение восточных славян в лесостепном Подонье происходило тогда, когда северные и северо-западные границы салтово-маяцкой культуры в рамках Хазарского каганата уже обозначились. И с самого начала расселения славян в этом регионе между ними и алано-болгарами установились, как отмечали многие авторы, дружественные отношения. И те, и другие в новых для себя условиях донской лесостепи в общении друг с другом взаимно вырабатывали некоторые необходимые элементы материальной культуры.

У донских славян в процессе этих контактов появились новые формы керамических изделий. К стремлению донских славян расширить ассортимент посуды можно отнести и появление на славянских памятниках Подонья кувшинов. Славяне, переняв кувшинообразную форму сосудов, стали изготавливать их с учётом своих сложившихся традиций. Но общение с населением салтово-маяцкой культуры не внесло каких-либо кардинальных изменений в технологию изготовления донскими славянами собственной керамики.

Не только славяне испытывали определённое воздействие культуры своих южных соседей. Эти процессы носили взаимный характер. Влияние славян на население салтово-маяцкой культуры выразилось в появлении у последних полуземляночного жилища и типично славянских отопительных сооружений.

Та часть алан, которая переселилась в бассейн Среднего Дона, освоила в очень короткий срок совершенно новый для себя тип жилых построек, и, вероятно, это не могло произойти без какого-либо участия славян. При этом необходимо отметить, что если даже идея полуземляночного жилища и появилась у алано-болгар под влиянием славян, то все же они не восприняли всего, что им предложила многовековая славянская традиция. В салтовской полуземлянке сочетались черты оседлой (славянской) и кочевнических культур. Особенно это хорошо видно в облике жилищ Маяцкого селища, одного из ближайших к донским славянам памятника салтово-маяцкой культуры. Ряд конструктивных черт сближает маяцкие полуземлянки со славянскими: деревянная облицовка стен; наличие в некоторых постройках вместо типичных для салтово-маяцкой культуры открытых очагов различной конструкции, расположенных в центральной части жилищ, печей-каменок в углах построек (а в одной из полуземлянок — весьма совершенной глинобитной печи); своеобразные лавки-лежанки с использованием материка и дерева. Всё это, а возможно, и некоторые другие элементы конструкции

полуземлянок Маяцкого селища, были заимствованы, скорее всего, у соседних славянских племён.

Интересные данные, дающие возможность выявить совершенно новые аспекты во взаимоотношениях донских славян и алано-болгарского населения салтово-маяцкой культуры, дали раскопки ряда славянских памятников на р. Воронеж, и среди них в первую очередь I Белогорского городища. Выявленные здесь полуземляночные постройки с очагами, обложенными камнями, связаны с какими-то группами населения салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском поселении на Белой горе.

Интересен и в целом керамический комплекс, выявленный на I Белогорском городище. Наряду со славянской керамикой здесь встречена весьма разнообразная посуда салтово-маяцкого типа, которая, судя по орнаментации и технике изготовления, создавалась не славянскими мастерами, а, вероятно, представителями населения салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском I Белогорском городище. И курганы славянских могильников на р. Воронеж содержат самую разнообразную керамику. Наряду с обычной славянской посудой здесь встречена в большом количестве гончарная керамика салтово-маяцкой культуры, представленная кувшинами, горшками, кружками.

Итак, сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что в глубине территории донских славян на р. Воронеж, на уже существующих славянских поселениях появились примерно в первой половине — середине X в. отдельные группы салтово-маяцкого населения. Трудно сказать, какова была их численность, но, вероятно, не очень значительна. Какая-то часть салтовского населения отступила под ударами печенегов на север, в район верхнедонской славянской группировки. Проживание на одном поселении двух различных этнических групп не должно быть для нас чем-то неожиданным.

Ничего принципиально нового алано-болгары не привнесли в погребальный обряд славянского населения. Вероятно, даже можно говорить о восприятии ими ряда элементов славянского погребального обряда, тем более, что отдельным группам салтово-маяцкого населения обряд трупосожжения не был чужд, а в целом для населения салтово-маяцкой культуры весьма характерен культ огня в различных проявлениях.

Следы пребывания «хазарского племени» отмечены на многих славянских поселениях на р. Воронеж, в том числе и на Кузнецовском городище, где сейчас расположен санаторий имени М. Горького. Даже в документах начала XVII в. оно называется «Козарское городище». Можно не сомне-

ваться, что название донесла до нас через столетия народная память, зафиксировав связь истории нашего края с хазарами. Не случайно «Повесть временных лет» хазар везде называет «козары», например: «Иде Святослав на козары».

Подобные названия нередки даже для тех мест, которые были удалены от Хазарского каганата, но испытывали его власть в виде дани. Такими районами являются Черниговская и Рязанская земли, где о хазарах не могли не помнить, и куда, вероятно, тоже проникло население каганата после его разгрома.

Алано-болгары на р. Воронеж долго не задержались и ушли вместе со славянами, затерявшись среди восточноевропейских народов, восприняв их культуру, быт, будучи быстро ими ассимилированы.

Надо сказать, что славянские памятники Подонья не балуют археологов количеством находок и в этом отношении являются своеобразным испытанием археологов-славистов «на прочность».

Ещё П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, раскапывавшие городища на Дону в конце 1920-х гг., не были порадованы частыми находками. А. Н. Москаленко, раскопав значительную площадь (более 7000 кв. м) на городище Титчиха и изучив 46 жилищ, не могла похвастаться обилием находок. На Животинном городище (р. Воронеж), где изучена большая площадь и раскопано около 50 жилых построек, не обнаружено значительного числа вещей, особенно металлических. Многие предметы, которые мы раньше упоминали как продукцию местных ремесленников, найдены в очень незначительном количестве или даже в единственном числе. «Трудно представить себе, — пишет А. Н. Москаленко, — что многочисленное население городища могло обходиться одной пешней, одним топором и одним наральником, одним кочедыком» [Москаленко, 1965. С. 35]. Действительно, в руки археологов на славянских донских поселениях попало лишь то, что их жителями было поломано, потеряно и не найдено, а может быть, просто забыто.

Около десятка стеклянных бусинок, столь дорогих, привезенных издавна украшений, обнаружены на площади между жилищами на Титчихинском городище, и если их нанести на план раскопа, то образуют они как бы цепочку. Немного воображения, и перед археологом возникает картина: вот из дома выбежала девушка, спеша к подружке, не заметив, как на шее у нее оборвалась ниточка, и рассыпалось маленькое ожерелье, а когда спохватилась — уже поздно: найти мелкие бусинки невозможно. Раскопки, когда сквозь пальцы археологов просеиваются буквально тонны земли и расти-

рается каждый комочек, помогли восстановить этот маленький эпизод из жизни славянского посёлка. Можно понять огорчение молодой славянки и одновременно порадоваться столь удачной находке тысячелетие спустя.

А как можно объяснить, что столь ценные даже не только по меркам средневековья арабские серебряные монеты, специально спрятанные, оказались забытыми, и также стали достоянием современного исследователя? Может быть, человек, который их спрятал, отсутствовал в момент, когда славяне вынуждены были покинуть свои жилища, и тайна клада осталась нераскрытой на протяжении многих столетий.

Так соединяются воедино и археологические факты, и попытка осмыслить по незначительным, казалось бы, деталям те крупные события, которые происходили в конце X в. в Восточноевропейской лесостепи в зоне непосредственного контакта славянского и кочевнического миров.

Славянские поселения на р. Дон в конце X в. пустеют, жизнь на них замирает. Ни деревянные мощные стены, ни рвы, ни крутые склоны мысов, защищавшие поселения, — ничто не могло гарантировать спокойную мирную жизнь. Участились набеги кочевников, буквально заполонивших Южнорусскую степь, ставших её фактическими хозяевами.

Кто же они — кочевники, наводившие ужас на славян-земледельцев и ремесленников и заставлявшие их укреплять свои посёлки высокими стенами, периодически братья за оружие, защищая свои дома, семьи, свою свободу? Это прежде всего печенеги, от которых страдали многие народы, населявшие Восточную Европу. Не только Восточная Европа, но и Болгария и Византия испытывали на себе грозную силу печенежских набегов. Византийский император Константин VII Багрянородный советовал своему сыну и наследнику Роману II желать мира с печенегами и посылать к ним каждый год посланников с подобающими и подходящими дарами, и далее в своём сочинении «Об управлении государством» он писал, что когда нет мира у печенегов с русами, то они грабят Русь, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб. Как смерч налетали печенежские отряды на небольшие древнерусские поселения, которым и откупиться было нечем. Делали они это чаще всего ранней осенью, когда урожай уже убран, но ещё не ссыпан в закрома, и домашний скот, откормленный на летних пастбищах, богатых разнотравьем, стоял в хлевах.

В первой половине XI в., возможно ближе к его середине, замирает жизнь на славянских поселениях на р. Воронеж. Вероятно, из-за угрозы уже со стороны новой волны кочевников, появившихся в южнорусских степях в первой половине XI в., о которых русские летописи впервые упоминают

в 1055 г. — половцев, как назвал их русский летописец, или племён кыпчаков, как звали их в арабских и персидских источниках, куманы, как именовался тот же народ византийскими историками. Эта кочевническая лавина двигалась из-за Волги по дорогам, проторенным ранее кочевыми ордами, в том числе и печенегами, в плодородные донские и днепровские степи и прилегающие к ним с севера лесостепные районы, которые становились порой для кочевников как и в предшествующие годы легкой добычей.

Но на славянских поселениях Дона и Воронежа нет следов разгрома и разорения, какие можно было увидеть, например, во время раскопок Новотроицкого городища в Сумской области на Украине. Городище исследовалось известным археологом-славистом Иваном Ивановичем Ляпушкиным. Им открыта впечатляющая картина борьбы и гибели поселения. Скелеты погибших взрослых жителей в схватке с печенегами, женщин и детей, прятавшихся в жилищах, наспех зарытые клады украшений, которые так и не были востребованы истинными владельцами. Следы огромного пожара не оставляют сомнений, что поселение подверглось опустошительному набегу.

И не стали донские славяне испытывать судьбу. За короткое время собрали своё имущество, включая и глиняные сосуды, и тяжелые каменные жернова, — все необходимое для жизни, и погрузив на телеги, запряженные лошадьми, быками, волами, двинулись на новые места. Но в каком направлении?

Это один из интересных и, пожалуй, самых сложных вопросов в истории донских славян. Некоторые ученые высказали мнение, что ушли славяне из бассейна Дона на Среднюю Оку, где в XII в. существовало развитое древнерусское Рязанское княжество. Отмечаются следы донского славянства и на Волге в районе Волжской Болгарии.

Жизнь на славянских поселениях бассейна Дона, замершая почти тысячу лет назад, долго не возрождалась. Лишь на некоторых из них люди поселились в XII в. Почти все поселения поросли лесом и кустарником. Ничто, казалось, не могло нарушить их многовековой покой. Но пришли археологи и растревожили царившую тишину, заставив «говорить» древние славянские поселения и курганы. Их «рассказы», хотя и очень скудные, всё же позволяют представить жизнь славян в Воронежском крае в VIII—X вв.

Свой рассказ о донских славянах мы начали с отрывка из «Повести временных лет», в котором её автор Нестор даёт описание расселения восточных славян. Мы подчеркнули, что о донских славянах в летописи ничего не сказано. Возникает вопрос: почему? Возможны разные гипотезы, но наиболее вероятная из них, на наш взгляд, связана со временем написания Пове-

сти — начало XII в., когда бассейн Дона действительно был покинут славянами. Поэтому при определении географии расселения восточных славян данный регион оказался вне поля зрения великого историка-летописца.

* * *

Раскопки Маяцкого селища дали такую же картину, что и изучение соседних славянских поселений: нет следов разгрома, пожаров, за очень редким исключением. В жилищах, в культурном слое очень мало находок. Почти все вещи, характеризующие быт, культуру населения Маяцкого городища и селища, обнаружены в погребениях.

Жизнь и здесь остановилась в середине X в., может быть, на одно-два десятилетия позже. В этом роковую роль сыграли печенеги и усилившаяся внутренняя вражда между отдельными группами населения, входившими в Хазарский каганат. Но решающий удар по каганату нанёс киевский князь Святослав, который в 965 г. совершил поход в Хазарию, разорив центры Хазарского каганата — Итиль на Волге и Саркел на Дону. Следовательно, и Маяцкая крепость потеряла своё значение как форпост на северо-западных рубежах Хазарского каганата.

Часть алано-болгарского населения бассейна Дона, вступив в борьбу с печенегами, погибла. Другая, увлекаемая печенежскими ордами, влилась в их ряды и вновь, как их далекие предки, перешла к кочевому образу жизни. Вероятно, какое-то количество ушло в район Волжской Болгарии, где во второй половине X в. наблюдается прилив населения.

Но отдельные, небольшие группы алано-болгар отступили на север в более безопасные районы — туда, где обитали донские славяне. Они не могли найти себе убежища на славянских поселениях на Дону — на горе «Трудень» у хутора Титчиха, у села Борщево и других, так как эти поселения сами испытывали постоянную угрозу. Алано-болгары нашли себе приют на славянских поселениях, расположенных на р. Воронеж, о чём выше уже писали. Какие-то группы аланского населения оставались на прежней территории, сменив лишь места своего обитания, влившись в кочевническую среду и приспособившись к новой исторической обстановке.

Исторические судьбы славянского населения юго-восточного пограничья и алано-болгар, находившихся в весьма лояльных отношениях друг к другу, оказались схожи, а в ряде случаев тесно переплелись.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОДОНЬЯ

Какие-то группы алан и болгар, пережив тяжелое печенежское нашествие, остановились в местах, возможно, малодоступных для кочевников, и в бассейне Дона и Северского Донца на условиях «мирного сосуществования», влившись в новую кочевническую среду — половецкую. Вот, что пишет об этом С. А. Плетнёва: «первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кыпчаков (половцев — А. В.) было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат» [Плетнёва, 1990. С. 38].

Жители Маяцкого поселения не были в этом отношении исключением. Можно вспомнить сообщения летописца под 1116 г., где говорится, что Киевский князь Владимир Мономах послал своего сына Ярополка в район Северского Донца с целью ослабить военную мощь половцев, предотвратить их наступление на Русь. В одном из половецких городков Ярополк взял себе в жены Елену — дочь «ясского князя», что красноречиво подтверждает наличие в половецких городках ясского (аланского) населения [Плетнёва, 1990. С. 61].

И через 200—250 лет на территории некогда принадлежавшей Хазарскому каганату, затем ставшей областью половецких кочевий — Половецкой землёй и вошедшей в состав следующего кочевнического государственного образования — Золотая Орда, потомки алан вновь заявили о себе и достаточно четко проявились в археологическом материале.

В 1206 г. в далекой Монголии на р. Ононе был собран съезд (курултай) из представителей наиболее видных монгольских родов, на котором был избран всемонгольский каан («великий хан»), принявший имя Чингис-Хан, который сумел объединить вокруг себя разрозненные монгольские племена, враждовавшие между собой ни одно столетие. В течение 1207—1221 гг. он сумел покорить соседние племена и народы, жившие

в долине Енисея, Центральной Азии, Китае, Восточном Туркестане, Средней Азии. В результате многие города и селения были разрушены. Монгольские отряды прошли Северный Иран, Закавказье и вышли на Северный Кавказ, столкнувшись с аланами и кыпчаками (половцами), которых также не пощадили, и их земли в районе Северного Кавказа подверглись разорению. В 1223 г. состоялась первая битва русских дружин и их союзников — половцев с монгольскими ордами на р. Калке, которая для русских князей закончилась полным крахом.

Арабский историк начала XIII в. Ибн-ал-Асири (современник Чингис-Хана) писал о нашествии монголов как об «...огромном несчастье, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман... Татары ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, раскрывали утробы беременных и умерщвляли зародышей» [Тизенгаузен, 1884. С. 2].

Как пишут многие источники, этот поход в Восточную Европу был своеобразным разведывательным действием перед предстоящими грандиозными военными предприятиями 1230-х гг. Но ещё в 1227 г. умер Чингис Хан, у которого только от первой жены было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй. Старшему, Джучи, в качестве улуса (владений) были даны земли далеко на западе, значительная часть которых, а именно — южнорусские половецкие степи, ещё не была завоевана. Все ещё предстояло.

В 1235 г. состоялся курултай, на котором было принято решение объявить общемонгольский поход на запад, во главе которого стал сын Джучи Бату, становища которого непосредственно примыкали к землям Булгарским и Русским. В распоряжение Бату (Батыея, как называют его Русские летописи) были предоставлены многочисленные отряды монголов, находившиеся в то время в различных районах огромной империи.

Первой жертвой монгольского нашествия в Восточную Европу осенью 1236 г. стала Волжская Болгария. Быстро были завоеваны многие другие народы Поволжья. К осени 1237 г. монгольские отряды подошли к русским рубежам.

На Русь двигалась армия численностью 120—140 тысяч человек, и русские княжества, ослабленные междоусобной борьбой и половецкими разорениями, представляли для столь многочисленного монгольского войска сравнительно легкую добычу.

В начале зимы 1237 г., вероятно, в начале декабря, из района Среднего течения Лесного и Польного Воронежа отправил Батый посольство

к рязанскому князю Юрию Игоревичу с требованием «отдать ему десятину всего и во князех, и в людех, и в конец, десятое в белых, десятое в вороньих, десятое в бурьих, десятое в рыжих, десятое в пегих» [ПСРЛ, 1962. С. 221]. Ответ был достаточно категоричен и свидетельствовал с одной стороны о мужестве рязанских князей, с другой, возможно об их недопонимании уровня предстоящей трагедии: «Околи нас не будеть всех, то все то ваше будеть» [Лаврентьевская летопись, 2001. С. 487]. В данном случае реакция Батяя была вполне предсказуема. 16 декабря 1237 г. Рязань была обложена войсками Батяя, и продержалась пять дней. 21 декабря, несмотря на прекрасные укрепления и отчаянное сопротивление защитников, город пал. С этих событий по существу и началось завоевание Руси.

После разгрома Рязани были сожжены Коломна, Москва, и 3 февраля армия Батяя подошла к Владимиру. Через несколько дней пали Владимир и Суздаль. После неудачной попытки дойти до Новгорода и понеся тяжелые потери у Козельска, жители которого оказали упорное сопротивление монголам, войско Батяя ушло за Волгу. В 1239 г. монголы действовали в нескольких направлениях. 18 октября 1239 г. пал Чернигов, который завоеватели, как и покоренные ранее города, разрушили полностью. В начале 1240 г. войско монгольского хана Менгу подошло к Киеву, и в декабре этого же года после осады Киев пал. Вот что записал летописец об этом событии: «Того же лета взяша Киевъ татарове, и святую Софью разграбиса, и монастыри все, и иконы и кресты честные и вся узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем...» [Лаврентьевская летопись, 2001. С. 447]. В начале 1241 г. монгольские войска вторглись в Польшу, Чехию, Венгрию. И весной 1242 г. вышли к Адриатическому побережью. Но когда в декабре 1241 г. в далекой Монголии умер «великий хан» — каан Угедей, о чем Батый получил известие только в марте 1242 г., встал вопрос о выборах нового каана, в которых должен был принимать участие и Батый, им было принято решение о прекращении западного похода и возвращении на восток, тем более, как пишет В. Л. Егоров, исследователь географии Золотой Орды, что поход в Западную Европу Батый предпринял по своей инициативе, не имея на то решения курултая 1235 г. [Егоров, 1985. С. 27].

Вернувшись из Западной Европы, монголы заняли южнорусские степи и под 1243 г. в летописи мы читаем следующую запись: «Великий князь Ярославъ поеха в татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла къ Канови. Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи

его, и отпусти, и рекъ ему: «Ярославе! буди ты старей всем князем в Русскомъ языке». Ярославъ же възвратися в свою землю с великою честью» [Лаврентьевская летопись, 2001. С. 447]. Именно это событие, по мнению В. Л. Егорова, и свидетельствуют о возникновении нового государства в начале 40-х гг. XIII в., известного как Золотая Орда [Егоров, 1985. С. 27].

Простиралось оно от Дуная на западе до Иртыша на востоке, где начинались владения каана — «великого хана». Можно ещё отметить, что Древнерусские княжества не входили в состав Золотой Орды, но была выработана целая система политического и экономического господства Орды над ними.

Как отмечают некоторые исследователи, это государственное образование не имело какого-либо официального названия, и в различных источниках известно под разными названиями. Название «Золотая Орда», по мнению В. Л. Егорова, появилось в источниках не ранее второй половины XVI в., когда все ужасы монгольского владычества стерло время [Егоров, 1985. С. 151 – 154].

Южные районы Лесостепного и северной части Степного Дона со своими богатыми пастбищами и с довольно большими лесными массивами, как ранее отмечалось, это северо-западные районы Хазарского каганата, а позже территория половецких кочевий, находились как бы в центральных регионах этого государства.

В 1256 г., в возрасте сорока восьми лет умер Бату, основатель государства «Золотая Орда». Вот как в одном восточном источнике описан погребальный ритуал завоевателя Европы: «Похоронили его по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землёй устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да [того] человека, которого он любил более всех. Затем ночью закрывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места [погребения]» [Цит. по Греков, Якубовский, 1950. С. 72].

Конечно, завоевательные походы монголов нанесли большой урон и древнерусским княжествам и населению степи. Но нельзя сказать, что новая волна кочевников привела к полному и длительному запустению территории Верхнего и Среднего Дона. Наоборот. Установившаяся ста-

бильная, хотя, безусловно жестокая по отношению к покоренным народам система политико-административного устройства нового государства не только сохранила старые, уже ранее существовавшие поселения, в том числе и укрепленные, но и способствовала значительному притоку древнерусского населения во 2-ой пол. XIII — XIV вв.

подавляющее большинство поселений XIII — XIV вв. в бассейне Дона и по этническому составу, и по обнаруженному на них материалам представляли собой древнерусские поселки на Золотоордынской территории.

Кроме древнерусского населения в донских степях продолжали кочевать покоренные монголами половцы, вошедшие в состав Золотоордынского государства, о чём свидетельствуют могильники у с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области и ряд других.

Но наряду с этим встречены весьма богатые погребения, оставленные, по всей видимости, собственно золотоордынской знатью. В 1996 г. в поле зрения археологов Инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области попали курганы, расположенные на левом берегу Дона в 500 м северо-восточнее с. Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области. Могильник был известен ещё в начале XX в. В одном из курганов на уровне материка выявлена яма, глубиной 1 м, размерами 1,55 × 2,5 м. Ориентирована длинной осью юго-запад — северо-восток. В ней обнаружен деревянный гроб размером 0,65 × 2,1 м, в котором находились останки погребённого мужчины. Рядом, у восточной стенки лежали кости ноги барана. У изголовья находилась свернутая в рулон кольчуга, на отдельных кольцах которой сохранились следы позолоты. Рядом с кольчугой найден островерхий железный шлем с козырьком и бармицей, защищавшей шею. В остром конце шлема имеется отверстие (4 мм) для плюмажа из перьев. Около западной стенки гроба стоял серебряный ковш с ручкой в виде крылатого дракона. Верхняя часть ковша и изнутри покрыта чеканным орнаментом. Здесь же находились железный напильник в деревянном футляре, наконечник копья длиной 23 см, детали поясного набора (пряжки, нашивные бляшки, наконечник и т. д.), сделанные из бронзы, покрытые серебром и золотом, парадный топорик, инкрустированный золотом. Рисунки на плоскостях топорика представляют изображения животных. Сохранились остатки деревянного топорика. У западной стенки гроба найдены остатки колчана, сделанного из бересты. В колчане находилось пять стрел с железными наконечниками. В юго-восточном углу гроба нахо-

дились остатки седла, удила и стремена. Данное захоронение датируется концом XIII — нач. XIV вв.

В кургане, располагавшемся рядом, выявлены остатки также неординарного погребения. В яме прямоугольной формы размером 1,3 × 2,9 м, ориентированной длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ, выявлен деревянный гроб размером 0,8 × 2,3 м, сделанный из дуба, в котором обнаружено захоронение женщины. В стенах могильной ямы имеются ниши, в которых лежали кости ног барана. На дне гроба найден берестяной каркас головного убора — бокка, на внешней поверхности которого сохранились остатки шелка. Головной убор отделан серебряной фольгой и украшен многочисленным стеклянным бисером голубого и синего цвета. На левом запястье находился пластинчатый серебряный браслет с позолотой, украшенный чеканным орнаментом. На запястье правой руки также обнаружен серебряный пластинчатый браслет без позолоты, но края которого украшены стилизованным изображением льва. Рядом с этим браслетом находился литой золотой перстень, в котором имеется гнездо для камня, но камня не было. В погребении между довольно большими фрагментами парчовой ткани вверх дном лежала серебряная чаша, покрытая чеканным орнаментом. Дно также украшено орнаментом. Недалеко от чаши обнаружены железные ножницы в кожаном футляре, обломки шила и железный нож, билоновое зеркало в парчовом футляре. В юго-восточном углу гроба стоял медный кованый казан. Казан имел петли для ручки, которой не было. Здесь же лежала конская упряжь (удила, два стремена, остатки седла, отдельные ремни). Погребение датируется концом XIII — началом XIV вв. [Ефимов, 1999].

Безусловно, это богатые погребения, в них лежали знатные люди из привилегированного клана, возможно даже находившиеся в каких-то родственных связях. Почти идентичное погребение по инвентарю и по времени захоронения было обнаружено экспедицией Воронежского педуниверситета на могильнике «Высокая Гора» у с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области. Здесь под насыпью кургана расчищена яма размером 2,65 × 3,45 м, ориентированная по линии С-Ю и разделенная деревянной перегородкой на две камеры: западную и восточную. В западной — захоронения не обнаружено, а в восточной находились хорошо сохранившиеся остатки домовины размером 0,55 — 0,8 × 2,3 м с дощатым полом. В домовине головою на север лежал костяк мужчины с богатым и разнообразным погребальным инвентарем: берестяной кол-

чан со стрелами, железный шлем, кольчуга, нож с остатками ножен, кресало в кожаном чехле, серебряная чаша, золотая серьга, набор поясных украшений из золота и серебра. Сохранились остатки одежды и обуви. Рядом с домовиной, за её пределами находились стремяна, наконечник копья, бронзовый казан и остатки жертвенной пищи [Бойков, Кравец, 1991. С. 118].

Но не только эти богатые захоронения и лица, которые в них похоронены, половецкие могильники и древнерусские поселения определяют этнический облик населения бассейна Дона в Золотоордынскую эпоху. В этом отношении исследовавшийся в 1990-х гг. Новохарьковский могильник открывает совершенно новую страницу в изучении истории населения данного региона в эпоху Золотой Орды.

Новохарьковский могильник был открыт в 1990 г. отрядом экспедиции Воронежского педагогического университета (рук. Т. Ю. Березуцкая). Могильник расположен у с. Новохарьковка (Ольховатский район Воронежской области) на дюнном всхолмлении в пойме правого берега реки Ольховатка, являющейся левым притоком Черной Калитвы, впадающей в свою очередь в Дон. Тогда же на могильнике был заложен небольшой раскоп (12 кв. м), на котором были выявлены два погребения. В 1994 г. отрядом этой же экспедиции на данном могильнике было вскрыто 60 погребений. Дальнейшее исследование могильника проводилось славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского государственного университета (рук. А. З. Винников). Раскопки велись в течение трех лет (1995–1997 гг.).

Площадь могильника на протяжении многих десятилетий интенсивно распахивалась, в результате чего значительная часть погребений, расположенных в верхней части почвенного слоя, подверглась сильному разрушению. Распашка, производившаяся на глубину до 0,5 м, способствовала весьма сильной эрозии верхнего почвенного слоя. За годы раскопок могильника исследовано 147 погребений эпохи средневековья. По данным подповерхностной радиолокационной съёмки предполагаемая площадь могильника составляет около 4200 кв. м и может содержать около 750 погребений.

Это бескуранный грунтовой могильник, погребения располагаются неправильными рядами. Выявлено лишь семь случаев перекрытия одного погребения другим. Видимо, в период существования могильника погребения были обозначены на поверхности какими-то знаками.

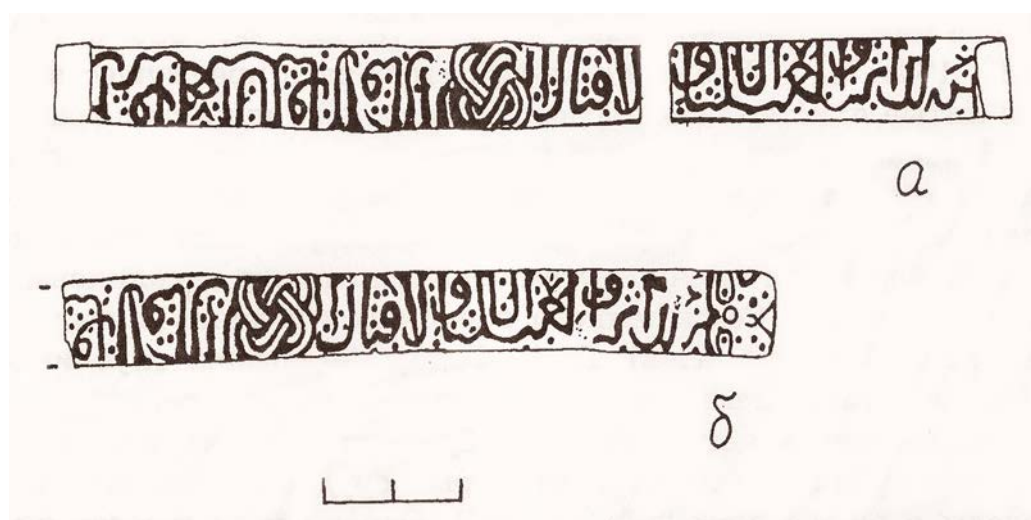
Глубина погребений от современной поверхности колеблется от 0,24 до 0,7 м. Ямы имели подпрямоугольную или овальную формы. Глубина могильных ям в материке 0,3–0,4 м.

В 29 погребениях череп погребённого лежит на своеобразной «подушке» за счёт меньшей глубины ямы в районе головы или наличия специального земляного сооружения. В семнадцати погребениях вокруг скелета обнаружены вкрапления древесного угля, в четырнадцать — угольки встречаются только в районе черепа.

Остатки погребальных деревянных конструкций в виде гробовища зафиксированы в 41 погребении. Примечательно, что в погребениях нет гвоздей или скоб. Вероятно, что доски соединялись деревянными шипами и, возможно, их ставили в яму, никак не соединяя между собой.

Лишь два погребения могильника парные. Наряду со взрослым погребённым в них были и дети. Скелеты детей в обоих случаях находились к северу от скелетов взрослых мужчин. Характерна ориентировка погребённых на запад, в ряде случаев с небольшими отклонениями, вытянуто на спине. Положение рук погребённых не отличается стабильностью: кисти рук лежали на животе, на костях таза, на груди, на плечах, обе руки могли быть вытянуты вдоль тела.

Лишь половина погребений содержала погребальный инвентарь. В составе последнего нет орудий труда, предметов вооружения, конской упряжи. Найдены лишь украшения и детали одежды: серьги, подвески, браслеты, пуговицы, колечки, нашивные бляшки на одежду, зеркала, многочисленные стеклянные бусы и бисер и т. д., которые находят широкие аналогии на памятниках Золотой Орды, Волжской Болгарии, в кочевнических памятниках 2-ой половины XIII — 1-ой половины XIV вв. Два браслета из Новохарьковского могильника заслуживают особого внимания. Они были изучены И. В. Волковым, научным сотрудником НИИ Историко-культурного наследия Министерства культуры РФ, специалистом по истории Золотой Орды. Оба предмета откованы с помощью одной и той же матрицы. На концах — изображение «львиной» морды, в центре — упрощенный монгольский «узел счастья» (плетенка). Основное поле занято совершенно одинаковыми надписями. Надпись выполнена с обилием лишних диакритических значков и недостатком необходимых. Это обычная благопожелательная надпись. Текст: «Слава вечная, и жизнь благополучная, и успех...» [Волков, 2002. С. 106].

Надписи на браслетах из Новохарьковского могильника

Одним из ключевых вопросов в изучении Новохарьковского могильника является определение этнической принадлежности оставившего его населения. Археологический материал прямого ответа на этот вопрос не даёт. Как уже отмечалось, погребальный инвентарь могильника имеет широкие аналогии на памятниках золотоордынского времени.

Материалы раскопок, прежде всего антропологический, стали объектом комплексного исследования большой группы специалистов Института археологии, Института этнологии и антропологии РАН, НИИ и Музея антропологии МГУ: Т. И. Алексеевой, А. П. Бужиловой, М. В. Козловской (Добровольской), М. Б. Медниковой. Графическая реконструкция индивидов Новохарьковского могильника проведена Г. В. Лебединской [Новохарьковский могильник..., 2002].

Т. И. Алексеева и М. В. Добровольская, изучавшие антропологический облик населения, оставившего Новохарьковский могильник, отметили, что он со всей очевидностью свидетельствуют о генетических связях населения, оставившего этот могильник, с предшествующим населением салтово-маяцкой культуры, а точнее — с аланами Хазарского каганата. Ощутимой связи с кочевническим миром здесь не наблюдается.

В исследованной краниологической серии могильника имеются единичные черепа, которые могут быть связаны с кочевниками, но они не

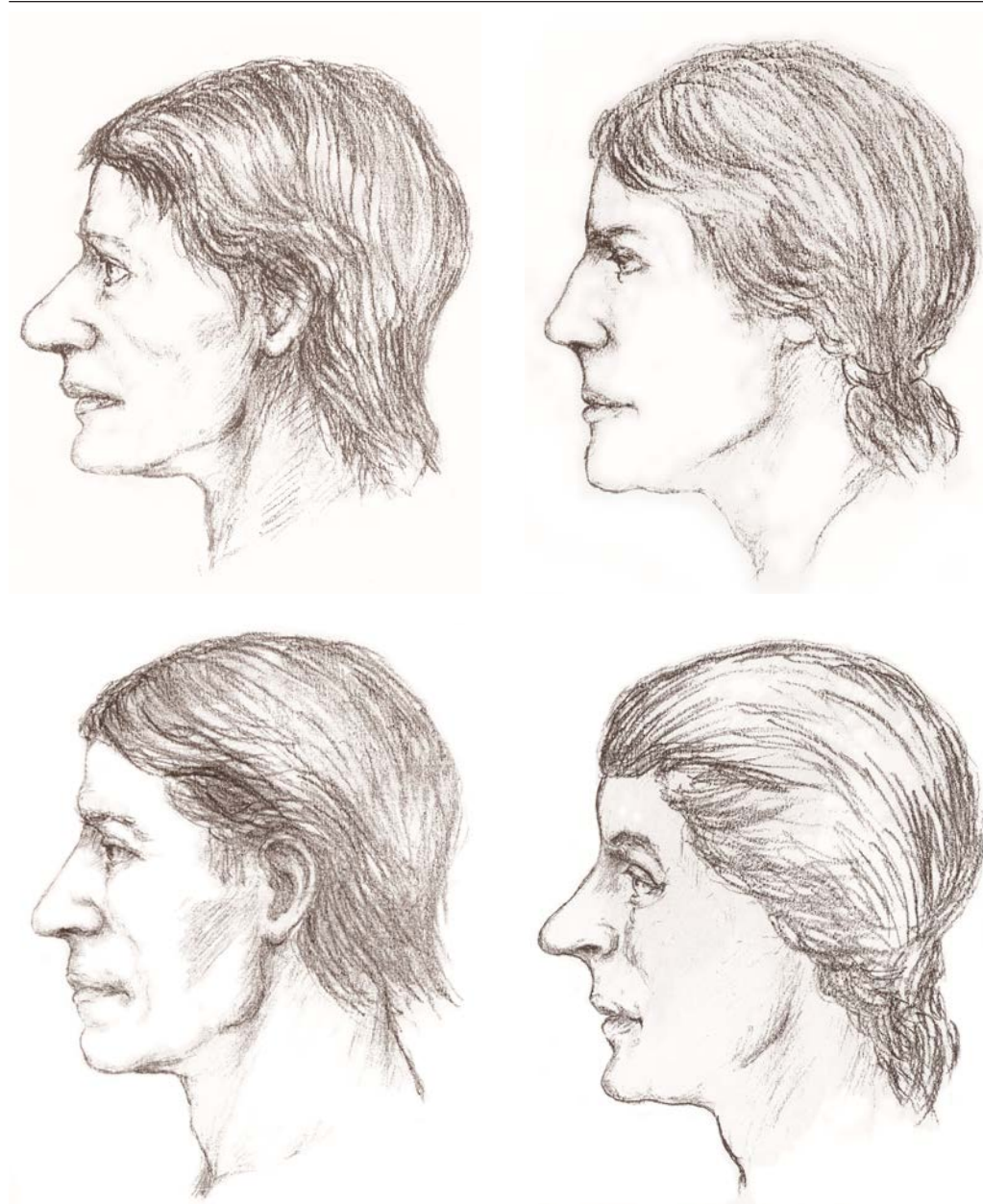
оказали сколько-нибудь существенного влияния на антропологический облик людей, погребённых в Новохарьковском могильнике. И хотя, как отмечают Т. И. Алексеева и М. В. Добровольская, антропологические материалы не всегда могут служить для определения этнической принадлежности древнего населения из-за отсутствия причинной связи между культурой и антропологическим типом, в данном случае мы имеем достаточно веские основания для заключения о том, что в краниологической серии из Новохарьковского могильника представлены потомки аланского населения Хазарского каганата.

Специалисты-антропологи, проанализировав материал Новохарьковского могильника, сделали ряд интересных наблюдений по демографической и социальной структуре населения, его оставившего.

В распоряжении антропологов оказалось 107 костных останков из 102 погребений. Средний возраст умерших среди взрослого населения составляет 33,6 лет, причем у мужчин этот показатель равен 33,8 лет, а у женщин — 33,4. Этот показатель приближается к показателям, известным в эпоху средневековья. Пик женской смертности приходится на 20–24 года. У мужчин — на интервал 25–29 лет, то есть на период наибольшей активности, и возможно, отражает определенное напряжение социальной жизни у части мужского населения. Анализируя распространение черепных травм в группе, антропологи пришли к выводу, что часть, отмеченная в мужской выборке, отражает военные события в жизни общества.

Количество детей в средней семье было большим, чем в средних салтовских или древнерусских семьях. Наблюдается достаточно высокий уровень рождаемости у населения, оставившего Новохарьковский могильник, при низком среднем возрасте умерших. Эти и другие факты позволили предположить о значительной численности населения, использовавшего этот могильник.

Антропологи при изучении особенностей скелетной конституции погребённых в Новохарьковском могильнике ещё раз отметили близость параметров салтовского населения. По мнению М. Б. Медниковой «можно говорить как о возможности генетической преемственности, так и об общей экологической нише», в то же время можно предположить, что некоторые «изменения в конституции постсалтовского населения сложились под воздействием внешних условий», под которыми можно иметь в виду изменения в структуре питания, хозяйственной деятельности, произошедшие в XIII–XIV вв. по сравнению с VIII–X вв.

Графические реконструкции индивидов из Новохарьковского могильника Г. В. Лебединской

При изучении хозяйственной деятельности населения, оставившего Новохарьковский могильник, отмечено, что она отличается определенным своеобразием в отличие от древнерусского населения. Выделены группы мужского населения с комплексом признаков, характеризующих профессиональных всадников. Такие же признаки отмечены у некоторых погребённых женщин. Это, вероятно, связано с военной активностью населения, требующей участия женской части.

Картину, характеризующую хозяйственную деятельность данного населения, существенно дополняют результаты палеодиетологического анализа химического состава минеральной части костей скелетов, проведённые М. В. Добровольской. В самом общем виде рацион «новохарьковцев» может быть описан как, в первую очередь, белковый. Вероятно, мясо составляло значительную часть ежедневной пищи этих людей. Можно отметить отсутствие традиций рыбной ловли. Растительные продукты (хлеб, каши) вряд ли были основой рациона питания. Зоосбирательство также не было распространено среди описываемого населения.

Судя по химическому составу костной ткани, рацион питания «новохарьковцев» значительно отличался от «земледельческого стандарта». Как известно, основу питания оседлого земледельческого населения составляет растительная пища. Белки животного происхождения, как правило, являются основной пищей скотоводческого населения. Но при этом необходимо отметить, что для ряда погребений отмечены значительно более высокие концентрации стронция — индикатора растительной пищи. На основании этих наблюдений можно предполагать, что люди, погребённые в данном могильнике, в социальном отношении были неоднородны.

Весьма интересные результаты были получены при анализе антропологических материалов Новохарьковского могильника с точки зрения оценки состояния здоровья людей в нём захороненных. Основным негативным фактором, влияющим на здоровье человеческой популяции, считается недостаток и/или некачественность пищи. В первую очередь анализируются зубные патологии, затем общее состояние костной системы и выявляются специфические заболевания, связанные с последствиями пищевого стресса.

Анализ зубной патологии (кариес, специфические переломы коронок, дефекта эмали зубов) подтвердил тот вывод, что, вероятнее всего, тип хозяйствования этой группы населения и как следствие — диета, в целом

отличались от известных нам вариантов, распространённых среди земледельческого населения юга Европы. Пища была достаточно калорийной и жёсткой. Употребление более жёсткой пищи было свойственно скорее мужской части населения, чем женской. Возможно, мужчины употребляли жёсткую пищу, находясь длительное время вне дома. Такая ситуация реконструируется при допущении использования в хозяйстве, например отгонного, а не стойлового скотоводства. Следует учесть и возможность участия мужской части населения в военных походах.

Согласуясь с известными аналогиями, исследованную группу, вероятно, можно рассматривать скорее как скотоводческую, чем земледельческую. В обследованной серии не было зарегистрировано ни одного случая специфических бактериальных инфекций, таких как туберкулёз, бруцеллёз, проказа и прочие болезни, характерные для поздних средневековых серий юга Западной и Центральной Европы.

Результаты анализа позволяют предположить высокий уровень социальной и биологической адаптации исследованной группы населения. Традиции питания и хозяйственно-культурного типа группы были весьма консервативны на протяжении многих поколений. Пищевые ресурсы были стабильными и достаточными. Такая ситуация возможна для автохтонного населения с развитой хозяйственной инфраструктурой, когда население полноценно использует природные ресурсы региона.

Ещё один вопрос, который нуждается в прояснении, — религиозная принадлежность населения, оставившего Новохарьковский могильник. Одна из линий анализа — сопоставление с собственно мусульманскими некрополями. Район расположения Новохарьковского могильника входил в территорию Золотой Орды, в которой ислам получает распространение в XIV в. В Среднем Подонье находился золотоордынский мавзолей у пос. Красный, где были выявлены мусульманские погребения. Однако погребения Новохарьковского могильника не соответствуют классическим мусульманским погребальным канонам. К ним относится совершенно обязательное для мусульманского обряда положение покойника лицом к кибле (к Мекке) с поворотом туловища на правый бок. Ещё одна характерная черта — полное отсутствие сопровождающих вещей, кроме савана. Тело усопшего должно быть изолировано от земли (подбой-ляхд, гроб, перекрытие) [Халикова, 1986. С. 46–48]. Для широты Новохарьковского могильника ориентировка погребённых по мусульманскому обряду должна быть западной с разворотом лица к югу. Но кроме западной ориентировки (представленной и в христи-

анской погребальной традиции) других признаков мусульманского погребального обряда на могильнике нет. Обращает на себя внимание наличие различных вещей во многих погребениях Новохарьковского могильника, что явно противоречит мусульманской погребальной традиции.

Погребальный обряд Новохарьковского могильника имеет сходство и с древнерусскими некрополями XII–XIV вв. бассейна Верхнего Дона (могильники Куликова поля), Поднепровья. Для них характерно положение погребённых вытянуто на спине, западная ориентировка, различное положение рук. Но погребальный инвентарь в захоронениях XIV в. на этих могильниках отсутствует.

Если характеризовать политическую ситуацию, сложившуюся на территории Среднего Дона, собственно в центре Золотоордынского государства, то необходимо отметить, что эта территория была своеобразным плацдармом, откуда довольно часто Золотоордынская армия совершала походы на древнерусские земли, в которых принимали участие и покоренные монголо-татарами половцы и, по всей видимости, вошедшие в состав половецкого союза племён аланы — далекие потомки донских этносов на северо-западных рубежах Хазарского каганата.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель! Вот и закончилось путешествие в Дивногорье эпохи средневековья (VIII — нач. X вв.), населённого аланами и болгарами, и в соседний славянский мир.

Конечно, археология, даже в содружестве с достаточно скромным набором письменных источников той поры, далеко не в полной мере раскрыла нам картину жизни, быта, культовых обрядов, похоронных ритуалов людей, живших на этой земле более тысячи лет назад. О многом мы сейчас можем только догадываться. Тем не менее, даже весьма скромные археологические исследования на Маяцкой крепости, обширном селище к ней примыкающем, на погосте, где люди находили свой последний приют, — остались единственным источником, позволяющим нам, живущим в XXI веке, хотя бы с какой-то долей вероятности представить эпоху, отдалённую от нас более чем тысячелетием.

Дивногорье своими великолепными Дивами — творениями природы, пещерными культовыми сооружениями и, конечно, крепостью с загадочным названием (топонимом), дошедшим до нас через столетия — «Маяцкое городище» привлекало и привлекает к себе путешественников, художников, исследователей, любителей древности и просто любознательных людей.

Именно этим обстоятельством, а так же желанием сохранить всё, что создано природой и руками человека, стремлением донести до современника всю правду о прошлом этого замечательного во многих отношениях края, и было обусловлено создание в 1988 году филиала Воронежского областного краеведческого музея «Дивногорье», а в 1991 году самостоятельного Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье».

Сегодня познакомиться с памятниками средневековой археологии можно как во время обзорной экскурсии «Летопись Дивногорья», так и во время тематической специализированной экскурсии «Ожерелье древностей». Рассказ экскурсовода дополняют информационные стенды, на которых можно увидеть стены Маяцкого городища, расчищенные в процессе

раскопок, рисунки и надписи на меловых блоках, разнообразие керамических сосудов, а также наиболее яркие предметы из вещевых комплексов погребений.

Другим способом представления археологических древностей Дивногорья стали выставки, организованные в разные годы в музеях г. Воронежа: фотовыставка «Археологические исследования на Маяцком комплексе памятников»; «Ожерелье древности» — совместно с музеем-заповедником «Костенки» и Археологическим музеем ВГУ; «Два мира — две культуры» (на славяно-хазарском пограничье), посвященная археологическим памятникам Подонья IX—X вв., подготовленная совместно с Археологическим музеем ВГУ (апрель 2007); «Воронежские археологические сезоны. Век — XXI» совместно с воронежскими археологами ВГУ, ВГПУ и Государственной инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области (май 2009 г. — январь 2010 г.).

Так как до настоящего времени у музея-заповедника нет своего музейного здания, где могли бы быть созданы постоянные археологические экспозиции, в качестве альтернативы был предложен проект создания археологического парка, что предполагает современные реконструкции древних сооружений. Парк получил название «От кочевий к городам» по одноименной работе С. А. Плетнёвой. На свободной от археологических памятников территории были реконструированы 2 юрты, 3 полуземлянки, ремесленная мастерская и навес. В интерьерах жилищ представлены копии предметов быта, обнаруженных во время исследования Маяцкого селища. В 2014 г. экспозиция археологического парка была обновлена, добавлены реплики предметов, интерактивные экспонаты, которые помогают в игровой форме получить представление о жизни алан и болгар.

В 2014—2015 гг. в рамках гранта президента РФ на основе данных археологических исследований А. Н. Кириллов (археолог, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики) сделал графическую реконструкцию Маяцкой крепости и построек селища. Детально были проработаны реконструкции двух строений — юрты и полуземлянки, каждая из которых имела свой аналог в древности. Внутри реконструированы предметы, найденные археологами на Маяцком селище. Из отдельных 3Д макетов создан единый мультимедийный продукт — виртуальная экскурсия по Маяцкому городищу с научно-популярными легендами и точками для виртуального осмотра крепости.

На основе виртуальной реконструкции был создан интерактивный макет Маяцкой крепости в масштабе 1:87 с бытовыми сценками средневековой жизни. На макете представлены движущиеся повозки. Оживляет макет дымящиеся костры и горящие факелы.

Средневековая тематика представлена в образовательных занятиях музея-заповедника. Хранителем музейных предметов О. Смирных (Полухиной) разработан мастер-класс «Секреты хазарских гончаров», научная часть которого базируется на результатах раскопок гончарных мастерских.

Безусловно, Маяцкий археологический комплекс является одним из наиболее ярких памятников на территории музея-заповедника. Работу по его музеефикации нельзя считать завершённой, и впереди большая работа по изучению и популяризации данного объекта культурного наследия.

С. К. Кондратьева

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аммиан Марцеллин. Римская История / Марцеллин Аммиан. — СПб : Алетейя, 1994.

Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. — 2-е изд. — СПб., 2002.

Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X веках / Г. Е. Афанасьев // Археологические открытия на ново-стройках. — Вып. 2. — М., 1987.

Афанасьев Г. Е. О византийских линейных мерах Маяцкой крепости / Г. Е. Афанасьев // Верхнедонской археологический сборник. — Вып. 5. — Липецк, 2010.

Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища / Г. Е. Афанасьев // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 3. — Воронеж, 2012.

Бойков А. А. Погребение золотоордынского времени из могильника «Высокая гора» / А. А. Бойков, В. В. Кравец // Елец и его окрестности : тезисы докладов научной конференции. — Елец, 1991.

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. / А. А. Быков // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — Вып. 3. — М., 1974.

Василева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкой крепости / Д. Василева // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — М., 1990.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона / А. З. Винников. — Воронеж, 1984.

Винников А. З. Культурные комплексы Маяцкого селища / А. З. Винников, Г. Е. Афанасьев. — Воронеж, 1991.

Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало X века) / А. З. Винников. — Воронеж, 1995.

Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнёва. — Воронеж, 1998.

- Винников А. З. Дорогами тысячелетий / А. З. Винников, А. Т. Синюк. — Воронеж, 2003.
- Волков И. В. Золотоордынские браслеты с надписями / И. В. Волков // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. — Воронеж, 2002.
- Воронежский край с древнейших времен и до конца XVII века. Документы и материалы по истории края / сост. В. П. Загоровский. — Воронеж, 1976.
- Греков Б. Д. Золотая Орда и её падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. — М. : Наука, 1950.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. / В. Л. Егоров — М. : Наука, 1985.
- Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» / К. Ю. Ефимов // Донская археология, № 3—4. — Ростов-на-Дону, 1999.
- Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия / В. П. Загоровский. — Воронеж, 1992.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.) / И. П. Засецкая. — СПб, 1994.
- Захарова Е. Ю. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е. Ю. Захарова, С. К. Кондратьева // Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 2. — Воронеж : Кварта, 2011.
- Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея / Издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. — СПб., 1869.
- Калинина Т. М. Восточные источники о столице Хазарии Итиль (состояние проблемы и переводы) / Т. М. Калинина // Хазарский альманах. — Том 10. — Киев-Харьков, 2012.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. : статьи, переводы и комментарии / А. П. Ковалевский. — Харьков, 1956.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / П. К. Коковцов. — Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей : текст, пер., коммент. / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; Введ. Г. Г. Литаврина. — 2-е изд., испр. — М. : Наука, 1991.
- Кызласов И. Л. Рунические надписи Маяцкого городища / И. Л. Кызласов // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — М., 1990.

- Лаврентьевская летопись. Серия «Русские летописи». — Т. 12. — Рязань, Александрия, 2001.
- Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон / И. И. Ляпушкин // МИА. — 1958. — № 62.
- Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов / Н. Е. Макаренко // Известия ИАК. — Вып. 43. — СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1911.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. — Т. 2. — М., 1994.
- Монгайт А. Л. Абу-Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. / А. Л. Монгайт // История СССР. — М., 1959. — № 1.
- Москаленко А. Н. Городище Тигчиха / А. Н. Москаленко. — Воронеж, 1965.
- Москаленко А. Н. Славяне на Дону : (Боршевская культура) / А. Н. Москаленко. — Воронеж, 1981.
- Новосельцев А. П. Древнерусское государство и его международное значение / А. П. Новосельцев. — М. : Наука, 1965.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т. И. Алексеева, А. П. Бужилова, А. З. Винников, И. В. Волков, М. В. Козловская, Г. В. Лебединская, М. Б. Медникова, М. В. Цыбин — Воронеж, 2002.
- Петрухин В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — М. : Знак, 2004.
- Полное собрание русских летописей. — Т. 1. — М., 1962.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам / С. А. Плетнёва // МИА. — 1967. — № 142.
- Плетнёва С. А. Итоги работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / С. А. Плетнёва // Тезисы пленарных докладов на Всесоюзной конференции «Советская археология в XI пятилетке». — М., 1983.
- Плетнёва С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища / С. А. Плетнёва // Маяцкое городище. — М., 1984.
- Плетнёва С. А. Хазары / С. А. Плетнёва. — 2-е изд. — М., 1986.
- Плетнёва С. А. На славянско-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнёва. — М., 1989.
- Плетнёва С. А. Половцы / С. А. Плетнёва. — М. : Наука, 1990.
- Плетнёва С. А. Саркел и шёлковый путь / С. А. Плетнёва. — Воронеж, 1996.
- Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнёва. — М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 1999.
- Плетнёва С. А. Города в Хазарском каганате / С. А. Плетнёва // Хазарский альманах. — Т. 1. — Харьков, 2002.

Повесть временных лет / Подготовка текста Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Андриановой-Перетц. — Часть первая. — М.-Л., 1950.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Подг. изд. Я. Н. Любарского. — СПб. : Наука, 1992.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков / Б. А. Рыбаков. — М., 1982.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. — М., 1981.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Г. Тизенгаузен. — Том I. Извлечения из сочинений арабских. — СПб, 1884.

Флеров В. С. Итиль: что может ждать археологов на месте столицы Хазарского каганата / В. С. Флеров // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. I. Археология. — Воронеж, 2009.

Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата / В. С. Флеров. — Волгоград, 1993.

Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии / В. Е. Флерова. — М. ; Иерусалим, 2001.

Флерова В. Е. Граффити Хазарии / В. Е. Флерова. — М., 1997.

Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX—XII веков / В. Е. Флерова. — СПб., 2001.

Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII вв. / Е. А. Халикова. — Казань, 1986.

ANNOTATION

This small book is devoted to one of the most interesting historical and cultural monuments of the Voronezh region — Mayatsk archeological complex which consists of fortress, settlement and burial ground (the end of the VIII — the beginning of X centuries). This area at that time was a north-western outskirts of the Khazar Khaganate — a powerful state which occupies a huge space in Eastern Europe.

Fortress is situated on high steep cape near the bowery Divnogorye not far from the place where the river Tikhaya Sosna (Quiet Pine) flows into the river Don. The foundation of the fortress is connected with the relocation of khazars and their allies Alans (an ancient Iranian tribes) and Bulgars (Turkic tribes) to the borderlands of the Slavic world. They built a number of fortified settlements on the river Tikhaya Sosna, Oskol, Seversky Donets. These places in archaeology are named «Saltovo-Mayatsk archaeological culture» — culture of the population of the Khazar Khaganate.

First archaeological researches of this monument were at the end of the XIX century, but large-scale and effective excavations have been carried out only during the work of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition in 1975, 1977—1982. The head of the expedition was S. A. Pletneva (Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR).

Mayatsk fortress square is approximately 85x110 m (7600 sq. m). Inside of the fortress was citadel 27x47 m (about 1300 sq. m). Scientists suggest that representative of Khazar Hagan (tudun) lived inside the citadel. Walls of the fortress were constructed of two face walls, the distance between which was about 6 m. Supposed height of the walls was 5—6 m. These face walls were made of chalk bricks an average size of 41.8 x 29.5 x 22.3 cm without foundation or any mortar. Between these two face walls was wooden grating which was filled with chalk mass (chipping). The top of the wall was an area, fenced from the outside with crenellations. Eight meters from the defensive wall, in the chalk rock dry ditch was excavated. Its width was 7.5 m at the top and 5—6 m on the bottom, depth — 2.5—3.5 m. The destination of fortress was to control the water and ground routes. Probably inside the fortress the tribute was stored. It was

collected from the neighboring tribes, mainly the Eastern Slavs. The fortress was supposed to symbolize power and supremacy of Hagan.

On chalky blocks of exterior wall of the fortress discovered a significant number of different pictures. There are certain parts of animals (legs, head, horns, etc.) and magnificent genre scenes of military and religious content. There are also 18 runic inscriptions, which are still waiting for their decryption.

On a huge area around the fortress there is a settlement (selische). On its territory about 250 sinkholes are traced (round deepening depth 0.3–0.5 m and diameter 4–5 m). This is the remains of different semi-dugout constructions: residential, household, religious. Soldiers, artisans, farmers, shepherds, religious persons lived there.

Semi-dugout houses were deepened in chalk rock (1m depth). Its area is 15–45 sq. m. There are also houses yurt-like – round and slightly deepen in chalk rock dwelling. One of the main specific features of semi-dugouts and yurts is the location of the fireplace in the center of construction. Fireplaces are different: some of them deepen in the floor, some of them lined with stones and some of them were clay and plate-form. In addition to residential buildings there are also cellars, pits for storing corn, pottery and building for grinding corn. In some buildings the remains of burials were found.

According to archaeological materials the population was engaged in agriculture, animal husbandry (breeding of horses, cattle and small ruminants, pigs), hunting and fishing. Ceramic production was professional and high level. In the north-eastern outskirts of the settlement, on the slope of a deep ravine pottery workshops and furnaces for baking utensils were studied (cups, jugs, pithoi, pots, kettles).

In the central part of one of the capes the remains of untypical building (about 53 sq. m and depth 0.28 m) was found. Along the perimeter there are a lot of deep pits for storey posts. Inside this large square is slightly smaller square (20 sq. m.) with the remains of large fire in the central part. At the entrance of this building skulls of three pigs were found. It is constructional offering sacrifices. There are five catacomb burials, four chapel of oblation (bones of horse, cattle and small ruminants) around it. Most likely, this building is a pagan temple – the sanctuary.

Mayatsk burial ground is situated in the ravine bounding settlement from the southeast. More than 150 burials were investigated here. Most of them are catacombs – cavities with rectangular corridor (dromos). Males were buried stretched on back; females – in a crouched position on the right side, facing the entrance to the chamber (catacomb). Alans buried their relatives in catacomb.

There are also 10 burials in graves of Bulgars. Researcher of Mayatsk burial V. S. Flerov (Moscow) suggests that most burials were deliberately destroyed to ensure the safety of the living.

25 km north of the Khazar borderland East Slavic tribes appeared on the Don River. According to specific features of the obsequies (funeral rite): cremation outside the burial ground, the presence of wooden funerary constructions in the form of chambers to accommodate the remains of cremation and circular fences, it was Viatichi tribe. Viatichi of Don region paid tribute to the Khazars, but did not enter either geographically or politically in the Khazar Khaganate.

Viatichi of Don region (Slavic tribes) and population of Khazar Khaganate were in good relationships. They were connected by the trade and exchange of experience in the production of essential elements of material culture. When there was a threat of raids Pechenegs, separate groups of Alans settled in Slavic settlements, but not on the river Don, they settled slightly to the north near river Voronezh.

People left the territory of Mayatsk settlement in the first half of the tenth century. They took everything that they could take away and did not wait for the defeat by the nomads – Pechenegs. Several groups of Alans joined the nomadic tribes adapting to the new conditions of political and economic life. After a few centuries in the cemeteries of the Golden Horde (the end of XIII–XIV centuries) the genetic connection with the Alans of Khazar Khaganate, including the once living on the Mayatsk settlement, was found.

A. Z. Vinnikov

Translated by S. K. Kondratyeva

Научно-популярное издание

А. З. Винников

ХАЗАРСКАЯ КРЕПОСТЬ
НА ТИХОЙ СОСНЕ
(научно-популярные очерки)

Подписано в печать 20.04.2017. Формат 70×90/16.
Усл. печ. л. 11,7. Тираж 500 экз. Заказ 31.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394030, г. Воронеж, ул. Среднемосковская, 32б, оф. 3
Тел. +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга».
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11б
Тел. +7 (473) 220-57-15, 238-02-38
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: typ@n-kniga.ru